

АМАНДА ФРАНКОН

ГОПАДАНКА
ДЛЯ КОРОЛЯ МОРЕЙ

Annotation

Утонула и попала на корабль, наполненный людьми-амфибиями? Не беда! А вот то, что капитан странного судна уверен в моей способности снимать древние проклятия, уже проблема. Совсем плохо то, что он намеревается разрушить злые чары с помощью истинной любви. Моей. К нему.

Получится ли расколдовать жуткого рыболода с пустым взглядом? Он верит, что я смогу, а я усиленно ищу способ от него сбежать.

Глава 1

Первое, что я почувствовала — привкус соли в горле и на языке. Потом — легкое покачивание, будто нахожусь на корабле. Голова болела, тело — ослабшее и обмякшее — походило на мокрую тряпку. Когда сознание вернулось настолько, что я смогла различать запахи, дала о себе знать легкая тошнота, которая грозила перейти в рвоту очень скоро.

По опыту юношеских попок я знала, что в такие моменты лучшее лекарство — опустить одну ногу с кровати на пол. Так и поступила. Стопу укололи шершавые доски, но движение ничем не помогло. Однако я поняла, что проблема вовсе не в уплывающем сознании, а в моем теле. Оно все, вместе с кроватью и полом, качается на волнах.

Стоило мне осознать, что я в море, как воспоминания нахлынули мерзкой холодной волной. Круиз по Атлантическому океану на лайнере, шторм будто из ниоткуда. Крики, спасательные шлюпки и удар волны. Ветер дул в одну сторону, но меня почему-то уносило совершенно в другую, все дальше от людей в ярких спасательных жилетах. Я гребла изо всех сил, искала, за что бы зацепиться, а потом — резкий удар по голове. Может, каким-то ящиком из груза? И темнота, разумеется. Если я и тонула — а наверняка ведь тонула — то совершенно ничего не помню. Однако я дышу. Значит, меня все-таки спасли!

Я рывком села на кровати, голова закружилась еще сильнее, так что пришлось прикрыть глаза ненадолго. Но когда мне удалось-таки оглянуться, увиденное заставило меня позабыть обо всех несчастьях.

Каюта выглядела так, будто корабль сквозь столетия перетащили из восемнадцатого века в современность: антикварная полированная мебель или очень искусная подделка под нее, в шкафах — книги в кожаных обложках с толстыми, пожелтевшими страницами, на массивном столе карты из той же желтой бумаги и позолоченные — а может и золотые, кто знает — перо и чернильница, явно комплект. Опустив глаза, я поняла, что лежу на покрывале из тяжелой синей ткани, на которой серебряными нитками вышиты узоры, напоминающие морские волны.

Удивительное место! Но что же это за корабль? В расписании экскурсий я не видела ничего подобного. Да если бы я только знала, что такое чудо существует, непременно бы прокатилась на нем, и неважно, каких бы это стоило. Могла себе позволить, в конце концов. Хотя может, это частное судно. Будь у меня такая прелесть, я бы туристов пускать не стала.

Впрочем, толку сидеть и гадать нет. Надо встать и найти кого-нибудь. Хотя бы пойму, где я и кому обязана своим спасением.

Но подняться не удалось ни с первой, ни с пятой попытки. Слабость с каждым разом накачивала все сильнее, снова и снова валила меня на кровать. Да что же такое? От морской болезни я во время круиза не страдала, так в чем сейчас дело?

Мои попытки сделать хоть шаг самостоятельно прервал стук снаружи. Я, обессиленная, откинулась на подушки. Надеюсь, тот, кто сейчас войдет в каюту, говорит по-английски. Кто-то за дверью топал все тяжелее и громче, и наконец, скрипнула дверь.

Вошел мужчина, и стоило хорошенько его разглядеть, как я рефлекторно шарахнулась назад, да так резко, что стукнулась головой о спинку кровати.

Незнакомец-то вроде бы красивый: греческий нос, брови взлет, раскосые глаза и черные, но выгоревшие на солнце волосы. Широкие плечи красиво подчеркивала странная одежда. Походила чем-то на форму английского флота того же восемнадцатого века, только без заклепок и нашивок, простая черная одежда, а сапоги как у Петра Первого на всех портретах. Хорош собой мужик, вот только прозрачные, с золотистым отливом перепонки между пальцев рук, золотая чешуя на острых скулах и тонкие полосы-жабры на шее все сильно портят. И взгляд очень бледных, почти рыбьих глаз, в которых, будто в молочной пленке, плавали мутно-зеленые зрачки.

— Я же поклялся, что не причиню вам вреда и буду защищать вас, — с раздражением произнес мужчина, и его голос показался резким, как звон электрической пилы. — Так какого морского демона вам, леди, вздумалось бросаться в море во время шторма?! Разве я давал повод усомниться в моих словах?

Что он несет? У них тут какой-то фестиваль ролевиков что ли? А главное, говорит так странно. Язык похож на португальский, но другой. Гораздо более напевный, плавный и... богаче на оттенки? Почему-то мне казалось, что если бы он немного изменил интонацию, то фраза "морской демон" стала бы означать "грязную блудницу"? Прямо как в китайском — там тоже интонация очень важна. Но откуда я об этом знаю?

Пока я молчала, собираясь с мыслями, незнакомец по-своему истолковал мое замешательство.

— Или, быть может, кто-то из команды обидел вас? Укажите мне на этого подлеца, и он немедленно поплатится!

Я торопливо помотала головой. Я и не видела в лицо никого из команды, как они могли мне навредить? Да и вообще, вид незнакомца, который, судя по облику и речи, и есть капитан местного балагана, казался угрожающим. И хотя он вроде бы намеревался меня защищать, беспокойство от этого только усиливалось. Его ярость нарастала, и на мгновение у меня мелькнула мысль, что, спасаясь от такого гнева, и правда можно нырнуть не только в морскую

пучину — в жерло вулкана. Жуткий тип. Или может, просто хорошо отыгрывает роль? Зарвавшийся актер?

— Во-первых, здравствуйте, — заговорила я, и с удивлением обнаружила, что использую ту же странную смесь языков, что и незнакомец. Слова приходили на ум медленно, и откуда-то я знала, что и произносить их полагается неспешно, нараспев. — Во-вторых, я понятия не имею, о чем вы. Скажите для начала, как давно меня вытащили из воды? И видели ли вы круизный лайнер? Может, кого-то еще из него подняли на борт?

Теперь капитан смотрел на меня так же ошарашенно, как и я на него. Интересно, из чего сделана эта чешуя? Такой правдоподобный реквизит: даже на вид влажная, блестящая, и на коже так хорошо сидит. А перепонки как крепятся? И из какого материала, опять же? Столько вопросов, но сначала надо разобраться с главным.

— Вы помните свое имя? — спросил вдруг капитан.

— Конечно, — не задумываясь, ответила я и замолчала, вдруг осознав, что нет.

Не помню. И сколько бы не напрягала память, не могла даже призрака его уловить.

— То есть, нет, — созналась я, опустив голову.

— Врач скоро придет. И вам принесут обед.

С этими словами капитан вышел, дверь за его спиной хлопнула, а я откинулась на подушки и прикрыла глаза. Перед внутренним взором снова заплесало черное море, огромные волны, яркие пятна спасательных жилетов вдалеке.

Через несколько минут я почувствовала, что проваливаюсь в сон. Но четко осознавала, что большой сад с ароматными цветами — лишь иллюзия в воображении, и понимала, что смотрю на мир чужими глазами.

Ветер мягко трепал ленту на шляпе, веер помогал не умереть от духоты, а любовный роман о красавице и пирате — от скуки. Я сидела на лавочке, когда мимо прошел молодой капитан какого-то корабля, уверенно печатая шаг.

В голове мелькнуло предположение, что этот красавец-брюнет, судя по чешуе — сын русалки — наверное идет к моему отцу, губернатору, чтобы отчитаться о торговых или каперских делах.

— Добрый день! — сама не зная зачем, прокричала я ему вслед.

Красавец остановился и приветливо улыбнулся мне. Я присела в легком реверансе в ответ, всеми силами стараясь скрыть ответную улыбку.

— Чудесная погода сегодня, не правда ли? — ничего более оригинального в голову не пришло, так что выпалила первое, что сумела придумать.

— Да, вы правы, — сдержанно ответил молодой капитан.

— Если вам и правда нравится, тогда, быть может, вы немного прогуляетесь со мной и расскажете о дальних странах, о кораблях и новых землях? — попросила я, на этот раз позволив себе улыбку.

Соглашайся же, красавчик. Расскажи мне обо всем, что я читала в книгах, но никогда не смогу увидеть.

— Буду рад услужить вам, — незнакомец снял треуголку и изящно поклонился. — Но только после того, как встречусь с вашим отцом. Дела с губернаторами таких влиятельных островов, как этот, всегда требуют срочного решения. Надеюсь, вы простите меня.

Я горделиво кивнула, и незнакомец ушел. Книгу пришлось отбросить — она казалась скучной и серой, когда здесь, совсем рядом, ходил человек, который видел и чувствовал в жизни намного больше, чем описано на ее страницах.

Я очнулась от того, что чья-то легкая рука ощупывала пульс на моем запястье. Приоткрыла глаза и, увидев, кто именно касался моей кожи, снова зажмурилась. Да сколько же можно?! На этот раз женщина лет тридцати, фигуристая мулатка с буйной копной давно нечесаных каштановых кудрей. На вид совсем обычная, во только глаза, будто залитые золотом, с узкими зрачками, и все те же жабры, что и у капитана, делали внешность красавицы жуткой.

— Что здесь происходит? — спросила я в надежде получить внятный ответ.

Глаза все-таки открыла, но уперлась взглядом в потолок. На мулатку в жутких линзах глядеть не хотелось совершенно.

— Ты бросилась в море во время шторма, — медленно и напевно ответила красавица, при этом ее пальцы все еще с силой сжимали мое запястье. — Капитану удалось достать тебя обратно, на палубу.

Ложь! Я не прыгала. Ждала своей очереди к спасательной шлюпке, но меня смыло очередной волной. И никто меня... погодите ка. Слова этих двоих вообще не согласуются с тем, что я помню. Может, я в коме и вижу странные сны? Или у меня галлюцинации от шока?

Пока я размышляла, мулатка занесла надо мной руки и начала водить ладонями в воздухе, распевая слова, смысл которых я как будто бы знала, но все никак не могла уловить. Что она делает? Мне ведь нужна помощь, а не местные фэнтезийные спектакли.

Я вдохнула, чтобы громко возмутиться, но в этот момент вокруг меня заплясали зеленые искорки. Совсем маленькие — каждая размером с ноготок мизинца — они сновали вверх и вниз, то касаясь моего тела, то отскакивая. Что за фокусы?

Я приподнялась на локтях, чтобы разглядеть странных светлячков получше, и только теперь заметила, что одета не в черные шорты и бежевую майку. На мне зеленое платье с рваным подолом. Но изменилась не только одежда: с ногтей пропал черный гель-лак, да и длина их укоротилась, запястья и ноги стали совсем тонкими и бледными, а с правой лодыжки пропала татуировка — маленький паук с очень длинными ногами. Что за чертовщина тут происходит? Полной я никогда не была, но из-за путешествий руки и ноги всегда оставались сильными, а кожа — загорелой. Допустим, худобу можно списать на истощение. Но куда делись татуировка и маникюр?

— Я... я не понимаю...

Мулатка с раздражением на меня посмотрела и опустила руки. Зеленые светлячки прекратили странную пляску, и я почувствовала, как тело наполнилось легкостью. Это гипноз? Ведь я точно помню — минуту назад я едва могла повернуть голову.

— Вам надо еще отдохнуть, — мягко прошептала незнакомка, но в ее взгляде мне почудился испуг. — Тогда к вам вернутся воспоминания. Поспите еще немного, леди Эстер.

Пока я пыталась придумать, что бы еще спросить у странного доктора, она торопливо вышла. Видимо, не особенно хотела со мной беседовать.

Я откинулась обратно на подушки и почувствовала, как к сильной качке начало добавляться еще и головокружение. Память двоилась, будто пыталась одновременно вместить и знания о моей жизни, и что-то новое, но вместе с тем — давно забытое, что рвалось в сознание. Теперь меня мутило еще сильнее, постепенно боль в висках разрослась настолько, что мне казалось, будто в голову с двух сторон вкручивают шурупы. Я старалась глубоко дышать и, поворочавшись, нашла удобную позу. Мои попытки успокоиться не прошли даром — ненадолго мне удалось провалиться в беспокойный сон.

Новый день, но все тот же сад. И снова я смотрю чужими глазами. На человека, которого без памяти люблю. Или его любит истинная владелица моих новых глаз?

Ярко-рыжие локоны как закатный луч, хищный прищур зеленых глаз. Сладкие губы, веснушки на тонком носу, сильные руки на талии и чуть выше, уже почти под корсажем. Позабыт черноглазый сын русалки с его тяжелым взглядом, позабыты запреты отца. Сейчас имеют значение только пальцы, так нежно ведущие контур моих губ, и глаза, влюбленный взгляд которых обещает долгую, счастливую жизнь.

Пробираемся узкой тропинкой к моим покоям, как воры лезем через окно. Мой тихий смех, надеюсь, никто не слышит. Торопливо проверяю, заперта ли дверь, задергиваю шторы, а сильные руки уже ловят меня, губы любимого мягко, но настойчиво покрывают поцелуями подбородок, шею и ниже... По телу бегут горячие мурашки, но их разгоняет холод, когда платье падает на пол. На миг в душе мелькает тень страха — вдруг это неправильно, вдруг молодой офицер меня обманет? Но он так нежен, он шепчет о любви на ухо и целует снова и снова, до тех пор, пока я не забываю обо всем, кроме сильного тела.

Дальше в памяти резкая боль, которая быстро сменилась невиданным раньше удовольствием, и на прощанье —

нежный поцелуй.

Из полудремы меня вырвал сильный удар. Когда голова перестала гудеть, а пляска черных кругов перед глазами унялась, я обнаружила, что валяюсь на полу, в опасной близости от массивного шкафа, о который меня, видимо, крепко приложило. Я попыталась подняться, но в этот момент корабль мотнуло в другую сторону, и я отлетела обратно на кровать. Второй раз не медлила — воспользовалась мгновением спокойствия и вскочила, вцепившись в косяк возле входной двери.

Нет, две такие крупные неудачи подряд — это уже слишком! Я не собираюсь снова тонуть.

Тело двигалось на удивление легко, дверь оказалась не заперта, но как только я открыла ее, замерла в ужасе, намертво вцепившись в деревянную балку, которая сновала вверх-вниз вместе со всем кораблем. Тучи и небо сливались в непрерывную серую бесконечность. Может, мне так показалось от страха, но во время этого шторма волны вздымались гораздо выше, чем в тот раз, когда я вылетела с борта круизного лайнера.

Корабль вопреки здравому смыслу шел под всеми парусами. Я не видела носа, но, когда гребень очередной волны накрыл палубу почти целиком, поняла, что он буквально рассекает волны. Почувствовав, как мокрая одежда липнет к телу, я на несколько мгновений задержала дыхание и широко распахнула глаза, готовая прыгать и уплывать как можно дальше от корабля сумасшедших, но обнаружила, что судно все еще цело, а в следующий миг палуба приняла на себя новый удар соленой воды.

Дрожь пробежала по всему телу, когда порыв ветра разметал мокрую юбку и черные волосы — мои волосы, и когда я с ужасом поняла, что под ударами воды корабль только увеличивает скорость. А еще — черт возьми — я ведь уже пол года как крашусь в блонд!

Мысль о волосах прервал мощный оружейный залп справа. В ушах зазвенело, я рефлекторно повернулась на звук и завизжала. Мой голос — непривычно тонкий и звонкий — утонул в очередной волне. Соленые брызги щипали глаза, жгли нос и рот, но даже отплевываясь, я не могла оторвать взгляд от жуткой твари.

Она лишь наполовину показывалась из воды и напоминала огромный скелет осьминога, обтянутый подгнившей серой плотью. Но разве у осьминогов может быть столько остей? Голова твари возвышалась где-то на уровне верхушек мачт, а между толстых как шпалы ребер, там, где у нормальных головоногих обычно находится сердце, что-то пылало, подпаливая мясо вокруг.

Это бред... Этого не может быть...

Я почувствовала, как сознание меня покидает. Захотелось отправиться в небытие, чтобы избавиться от этого кошмара, но вместе с тем я боялась той беспомощности, которая идет рука об руку с забвением: если отключусь — окажусь полностью беззащитной.

Тошнота, ломота в костях и мокрое платье, мерзко липнущее к ногам — все говорило о реальности происходящего. Жжение в глазах, ледяной ветер, привкус соли в горле и на языке, грохот воды и выстрелов. Нет, столько ощущений сон никак не может использовать. Так неужели все это...

Раздался новый залп, несколько ядер впились в тушу чудовища. Оно запрокинуло голову, открыло пасть и взревело. За его спиной сверкнули молнии, спустя несколько мгновений его рев отразили раскаты грома. Существо выгнулось, огненное сердце ярко запылало в тлеющей груди.

Я не услышала звука выстрела — его заглушил рокот грома и рев чудовища. Но заметила ядро — всего одно — которое, наконец, достигло цели — живого сердца уродливой сущности. Жуткое нечто взревело еще громче, огонь полыхнул, сметая клетку из ребер, на миг яркая вспышка ослепила меня, а грохот, казалось, разорвал барабанные перепонки. Забыв о дверном косяке, я зажала ладонями уши, но это не помогло. А в следующий миг прямо к моим ногам упал вонючий кусок серой плоти с обломком кости, застрявшим в середине. Капли чего-то черного, гуще воды, брызнули на подол платья, к носу тут же подкатился запах гнили. Я попыталась задержать дыхание, но поздно: меня вывернуло прямо на доски палубы, а уже через миг смыло с ног очередной волной и потащило куда-то к борту. Я успела вцепиться в спасительную балку, пока вода утаскивала мерзкую кровь, гниль и остатки какой-то еды, которые я только что выплюнула.

Сморгнув новую порцию соли с ресниц, я огляделась. Море теперь волновалось гораздо слабее, сплошная пелена туч начала трескаться просветами голубого неба. Только теперь я заметила на палубе нескольких матросов в одинаковых просторных рубахах и коричневых штанах, с одинаковыми черными платками на головах. С проблесками одинаковой чешуи — у кого-то больше, у кого-то меньше — на мускулистых телах. С жабрами на жилистых шеях.

Откуда-то сверху знакомый голос капитана раздавал указания, в которых у меня не было сил разобраться. Мысли плыли в одуревшем от увиденного сознании, и теперь уже хотелось банально упасть в обморок, но желанное забвение не спешило шадить меня. Вместо этого я сидела, цепляясь онемевшими пальцами за бессмысленную теперь опору, и почти не мигая рассматривала команду амфибий, слушала голос-пилу капитана. Где-то за мачтой мелькнули пышные волосы лекарки, вокруг одного из матросов заплясали знакомые зеленые искры.

Небо прояснилось, тщедушный подросток — наверное, юнга — сбросил остатки серой плоти с палубы в море — и на золотистых лицах странных существ появились улыбки.

Нет... Нет, нет, нет. Не может этого быть!

Я зажмурилась, потом часто-часто заморгала, а после этого снова распахнула глаза. В них ударил полуденный солнечный луч, но больше ничего не изменилось: та же чешуя на коже, шорох парусов, голос-пила:

— Отличная работа, Осберд!

— Рад служить, — откликнулся, видимо, тот самый Осберд.

Я повернулась на голос и вздрогнула, окончательно убедившись, что мне не стоит больше смотреть по сторонам. Вообще глаза зажмурить надо, и так ходить. Может, тогда я не буду видеть ни чудовищ, ни существ вроде Осберда — огромного детины с клыками, выпирающими из квадратной нижней челюсти почти до приплюснутого носа, и огромным зеленым рыбьим плавником на спине.

Разглядывая странного человека... или просто существо, я пропустила момент, когда капитан меня заметил.

— Леди Эстер! Что вы здесь... — мужчина-амфибия сбился на полуслове, когда я повернулась к нему. — Мари, иди сюда!

Через пару мгновений целительница-фокусница уже пробилась сквозь толпу матросов и склонилась надо

мной. И снова над головой заплескали зеленые искры. Я прикрыла глаза, чтобы не видеть их яркий свет. Дышать глубже. Даже если это другой мир, даже если очень страшно, сейчас лучшее, что я могу сделать, это просто дышать глубже.

Вскоре я почувствовала ужасный зуд в том месте, где запеклась над раной кровавая корка. Потянулась к голове рукой, но кто-то шлепнул меня по ладони. Намек я поняла и сжала кулак, но все еще очень хотелось впиться ногтями в кожу. Однако вскоре мерзкое ощущение стало ослабевать, а когда совсем пропало, я открыла глаза и снова поднесла руку к голове. Ощупала рану, но на волосах осталась только запеченная кровь, а само место удара заросло новой нежной кожей. Правда, опустив пальцы, я сняла с ними и приличной толщины черную прядь.

— Спасибо... Так быстро? — изумилась я, не сразу сообразив, что думаю вслух.

— Помнится, раньше вы воспринимали мой талант как должное, — с холодной улыбкой напомнила... как ее там, Мари, кажется.

— Мариота, прекрати, — железный тон капитана заставил целительницу повиноваться. Она отступила на шаг, но ее ледяной взгляд все еще впивался в меня.

Я попыталась подняться, но капитан не стал дожидаться, пока я самостоятельно смогу это сделать. Подхватил меня на руки и отнес в каюту. Я безвольно обвисла в его руках, потом тяжелым мешком рухнула на кровать. Пережитое — то, что минуту назад было таким реальным — теперь казалось просто сном. Но увы, таковым не являлось.

Осознание и понимание происходящего душило липким ужасом, растекалось мертвенным холодом по позвоночнику и ребрам. Раньше я много книг читала о попаданках в другие миры, но это были лишь сказки, способ приятно скоротать вечер после скучной работы. И вот я здесь. Не в своем теле, посреди какого-то волшебного моря, черт бы его побрал. А это значит, что в своем мире я... умерла. Ну или рехнулась.

— Как вас зовут? — спросила я капитана, который, кажется, собирался уходить.

Он обернулся — сверкнули в солнечных лучах золотые чешуйки — и удивленно уставился на меня.

Я сглотнула, ужас снова объял меня. Я черт знает где, разговариваю со странными и, наверное, опасными тварями, понятия не имею, что происходит, а они — все вокруг — ведут себя так, будто я должна отлично понимать, то и почему здесь происходит!

— Стэфан Уиллис, дорогая, — представился капитан.

"Дорогая"?! Это кто же мы друг другу, если он так меня называет? Я надеюсь, мне не придется с ним спать? Будь я жива, в своем уме и теле, это, может, был бы любопытный эксперимент, но его жуткий взгляд, и чешуйки колючие, наверное... Короче, оказываться под ним мне хочется меньше всего.

— Почему я здесь? — раз отвечает, я решила продолжить расспросы.

Стэфан сделал два шага ко мне и присел на край кровати. Внимательно осмотрел меня с головы до ног и положил руку на мою голень. Тонкая ткань платья пропустила холод, исходящий от вполне живой на первый взгляд руки, пусть и перепончатой.

— Ты в самом деле ничего не помнишь... милая? — спросил он, наклоняясь ближе. И, как мне показалось, "милая" выдавил через силу. Что это с ним? Во время нашей первой встречи он вел себя более холодно.

Я лишь помотала головой. Ну правда ведь — ничего не помню, кроме крушения лайнера.

— Но хоть что-то же должно быть? Какое твое последнее воспоминание? — капитан всеми силами старался показать беспокойство, но его холодный взгляд, мутные рыбы глаза выдавали с потрохами его безразличие.

Хотелось отстраниться от него и вжаться в угол, но я ведь не знаю, какие отношения связывали его и предыдущую... владелицу тела. Боги, как все это странно. Но я ведь ничего не помню о жизни в этом мире. Или помню?

— Сад, — выпалила я, восстанавливая в памяти странные сны. Возможно, я ошибаюсь, но попробовать стоит. — Ты был тогда в саду?

Стэфан кивнул и снова всмотрелся в мои глаза. А я что? Просто смотрела в ответ, ведь я не лгу, это теперь в каком-то смысле и мое воспоминание.

— Но я не помню, как попала на корабль, — поспешно добавила я, а про рыжего офицера решила и вовсе умолчать. Сдается мне, что капитану-амфибии такие подробности знать ни к чему, раз уж он называет меня "милой" и "дорогой".

— Ты сама захотела взойти на палубу и разделить со мной проклятье. И, возможно, избавить меня от него, — мягко и с легкой опаской произнес Стэфан.

— Какого проклятья? — тут же спросила я, не подумав.

Капитан поморщился, но не удивился — и то хорошо.

— Лет двести назад я повздорил с морскими богинями. И они прокляли меня: теперь я вместе с командой навеки привязан к этому кораблю, обязан перевозить на остров утопленников души погибших в морских водах и не имею права ступить на землю. Вернее, могу, но лишь на один день, раз в семь лет.

Я слушала, затаив дыхание. Конечно же сразу вспомнились пресловутые "Пираты Карибского моря" — кто же их не любил? Но когда смотришь голливудский фильм, как-то не задумываешься о том, насколько это жестокое наказание. И что же надо было такого сделать, чтобы заслужить его? Я уже собиралась спросить, но капитан продолжил.

— Я честно выполнял свои обязанности и не думал, что могу спастись, но семь лет назад на маленьком острове нашел жрицу Кочи. Она рассказала, что снять проклятие может любящая и верная женщина, которая захочет стать моей женой, и даже показала в дурманном сне ее изображение. Две недели назад я снова сошел на берег. На этот раз по делам, на остров твоего отца. И повстречал тебя — точно такую, какую видел на острове. Я предложил тебе стать странницей, уплыть со мной, и ты согласилась. Но почему ты решила броситься в море — не понимаю.

Что-то не сходится. Да много чего! Наверное, недоверие крупными буквами читалось по моему лицу, потому что капитан смотрел на меня с все нарастающей тревогой. Странно, что он — морской дьявол — опасается меня. Впрочем, наверное, не хочет меня расстраивать, ведь если верить его словам, то я — его единственный шанс на спасение. Хотя верить им полностью я не могу.

— Это все так... странно, — я хотела выразиться матерно, как меня учил на лайнере один забавный русский, но сдержалась. — Мне надо многое обдумать. Надеюсь, ты понимаешь.

С этими словами я аккуратно отодвинулась от Стэфана. Он не попытался сократить расстояние между нами. Вместо этого поднялся и улыбнулся — так же холодно, как делал и все остальное.

— Конечно. Тебе надо отдохнуть и оправиться. Тогда, я уверен, память к тебе вернется.

Потом капитан вышел, а я снова откинулась на подушки. Мерзкая слабость растеклась по телу, мысли метались от жуткого монстра к воспоминаниям о земной жизни и обратно, в груди нарастали первые признаки паники. Голова, казалось, вот-вот лопнет от количества новой информации, часть из которой — я уверена — ложь!

Эти сны — теперь я точно уверена, что они — воспоминания этой Эстер. Теперь и мои воспоминания. Странно, что сначала я видела Стэфана, а потом уже рыжего красавца, возлюбленного, который качественно отымел эту красавицу. Надеюсь, Эстер, то есть я, не беременна. Эта легкомысленная аристократка — а судя по снам, она дочь губернатора — похоже, любила хлыща-офицера. И зачем ей тогда сбегать на этот корабль? Как он, кстати, называется? Не летучий ли голландец?

Сколько вопросов, но ответа — ни одного. Как вообще возможно то, что со мной произошло? Случилось ли это на самом деле? И что сделает со мной капитан, когда узнает, что душа его возлюбленной отправилась на тот самый остров утопленников? А он должен узнать, ведь он же их перевозит! И вообще, возлюбленная ли она? В его глазах нет ни единой искринки, когда он смотрит на меня, то есть на Эстер. А я видела взгляды влюбленных мужчин — они совершенно иные. Хотя, черт подери, этот "любовничек" — амфибия, может, они как-то иначе чувства выражают? Ага, натянутыми милыми словечками...

Так, стоп!

Я зажмурилась, а потом снова распахнула глаза. Корабль мерно покачивался, тело явно устало, но сон не шел. Может, и стоило бы задремать снова, ведь тогда, возможно, я увижу еще один кусочек прошлого Эстер, но каждый раз, когда я переворачивалась на другой бок и пыталась закрыть глаза, к горлу подкатывала тошнота, а перед мысленным взором плясали черные волны вперемешку с ошметками плоти.

В конце концов я не выдержала и уверенно поднялась. Ну, почти уверенно. Со второго раза. Хотела выйти на палубу, но грязный мокрый подол прилип к ногам. Интересно, когда Эстер перебралась на корабль, она вещи с собой взяла?

Я обвела взглядом каюту. Один из сундуков по стилю выбивался из общей картины, да и стоял как-то не гармонично, у стены. Сделанный из дерева более светлого, чем вся остальная мебель, он претенциозно кутался в медную обивку. Я подошла от потянула за крышку. Мир не рухнет, если вдруг вместо своих платьев я увижу панталоны Стэфана.

Но все-таки, к своей радости, обнаружила я женскую одежду. В основном платья, да еще и пышные. Да уж, не очень практично, леди Эстер. Но спасибо и на этом.

Поковырявшись среди пышных юбок, я обнаружила-таки тонкие коричневые трико длиной до середины икр, мягкие полусапожки и парочку туник — белую и черную. Немного подумав, выбрала белую — к ней не так сильно липнет солнце. И, одевшись, поняла, что теперь сильно похожу на матросов-амфибий. Надеюсь, от того, что я долго нахожусь на палубе, у меня жабры не проклюнутся?

Буйные черные кудри я перетянула на затылке зеленой лентой, которую оторвала от одного из рукавов испорченного платья. Вьющиеся локоны спадали почти до лопаток, но собирать их в косу я поленилась. Попросить Мари, чтобы она подстригла меня? Или в этом мире женщины не носят короткие стрижки? Как же сложно...

Покончив с нарядами, я выбралась, наконец, на палубу. И поразила тому, насколько мал и одновременно велик корабль. Мачты взмывали ввысь на несколько десятков метров, на них скрипели, надуваясь от важности, белые паруса. Узкий, но длинный корпус уверенно несся по волнам. Перегнувшись, я глянула за борт и заметила, что судно почти не оседает, к тому же — едва ли не летит по воде с невероятной для парусника скоростью, оставляя за собой дорожку из серой пены. Ветер бил в правую щеку, отбрасывал волосы, к тому же, если на корабле и воняло, то уносил все мерзкие запахи далеко назад.

Бескрайние волны — великолепный вид, открывшийся моим глазам — так напоминали то море, которое я видела с лайнера. Обычный круиз, ничто не предвещало беды. Я сплавлялась по бурным рекам, забиралась на опасные скалы, ныряла с аквалангом, углублялась с ружьем в дебри тайги и каталась по просторам саванны, но смерть подкараулила меня именно в тот момент, когда я купила обычную путевку "все включено" и решила

расслабиться. Интересно, знают ли мои подписчики на ютубе, что я умерла? Наверное, до них уже дошла эта новость. И кто теперь будет радовать их роликами об экстремальном спорте, об истории и культуре разных стран? Ведь мой канал был лучшим. И так обидно умереть в тот момент, когда чувствуешь абсолютное счастье.

Я отвернулась от воды — она навевала слишком грустные мысли. Мне вдруг стало настолько печально, что я ощутила физическую боль в груди: как будто в огромную открытую рану, на то место, где выкорчеваны ребра и разорвано сердце, ветер наносил песок и острые камешки. Так же больно, как пять лет назад, когда я сидела в офисе, стучала по клавиатуре старого рабочего компьютера и мечтала о чуде. Мечтала о большем. Потом были бесконечные сценарии, ночные съемки, поездки по ближайшим городам и музеям... Понадобился год без сна и с экономией на всем ради оплаты рекламы, зато потом я смогла жить так, как мне по-настоящему хотелось. Свободно. Тогда я пообещала себе, что больше никогда не стану заложницей обстоятельств. И вот — снова!

Вдруг я услышала снизу тихий топот. Казалось, будто по палубе бежал мелкий зверек. Я опустила глаза и заметила сначала тонкий розовый хвост, а потом длинное, с две моих ладони, туловище в белой шерсти.

— Крыса, — констатировала я, поморщившись. Грызунов не боялась, но сам факт того, что в корабельных припасах пныряют заразные твари, удручал.

— Где? — тощий и длинный как жердь юнга тут же бросил швабру и подскочил ко мне.

Я указала пальцем на аккуратно сложенные на борту канаты, за которые шмыгнула мерзкая тварь. Парень одним молниеносным движением приблизился к укрытию грызуна — мелькнула в воздухе длинная и толстая рыжая коса — с нечеловеческой ловкостью схватил крысу за хвост и приподнял повыше.

Грызун брыкался, размахивал розовыми когтистыми лапками и сильно раскачивался, отчего изгибались его и без того длинные кривые усы на носу-пимпочке. Розовые глаза стреляли по сторонам как-то зловеще.

— Не бойтесь, леди, — юнга ехидно ухмыльнулся, блеснуло золото чешуи, покрывавшей только правую сторону его лица от виска до шеи. — Он кусает только сородичей. Всех крыс пережрал, мы сначала радовались — избавились, наконец. Потом, когда он один остался, в море выбрасывали. Несколько раз. А он, — парень показательно встряхнул крысу за хвост, — раз — и опять на палубе! Ну, мы его тогда в бочку посадили, думали — с голоду сдохнет. Три недели не выпускали, а он живет себе. Тогда решили не убивать — чтобы новых тварей не пускал на корабль. Наверное, во время шторма удрал, но вы не бойтесь, леди, я его сейчас опять закрою.

Крыс дернулся всем телом и обратил на меня взгляд розовых бусинок-глаз. На этот раз они показались мне жалобно просящими. А может, просто свет так упал. В любом случае, если буду жалеть тут каждого грызуна, кто знает, как долго мне удастся прожить.

Я кивнула с видимым хладнокровием, хоть зверька самом деле стало жаль. Крыс брыкался изо всех сил, цеплялся лапками за края бадьи, в которую юнга упорно запихивал его, но не издавал при этом ни звука: ни писка, ни рыка, вообще ничего. Боролся в полной тишине и с выражением отчаяния на вытянутой морде.

— Погоди-ка, — наконец, не выдержав зрелища борьбы, я махнула рукой, и паренек удивленно уставился на меня. Сдул длинную рыжую челку со лба и прищурился с ехидцей.

Пару мгновений я молчала в попытках придумать хоть какой-то вразумительный повод не сажать крысюка обратно в бадью, но путного в голову ничего не пришло. Эх, сдастся мне, пожалее еще о своей доброте. Хотя грызун с такой вселенской тоской в глазах на меня уставился. Даже усы, которые до того бессистемно подергивались, сейчас замерли будто в предвкушении.

— А есть клетка какая-нибудь? Чтобы его, — я кивнула на крысу, — туда посадить.

— Имеется, — тут же кивнул юнга и направился к спуску в трюм. — Можем и посадить. Только зачем вам?

Интересно... паренек мотивов моих не понимает, но подчиняется. Значит, кое-какое влияние на команду я имею. Или нет? В конце концов, он всего лишь юнга, на корабле он каждому слуга. С другой стороны, раз уж я могу снять с них со всех это рыбе проклятье, которое чешуей и плавниками проступает на теле, они, наверное, стараются создать мне — вернее, Эстер — хоть какое-то подобие привычного комфорта. Она ведь аристократка, как-никак.

— Говоришь, не тонет и недохнет, — протянула я задумчиво, все еще пытаюсь распробовать на вкус особенности местного португальского акцента.

Юнга закинул крысу в клетку. Грызун шлепнулся на спину, перевернулся и попытался удрать, но паренек быстро захлопнул дверцу.

— Не вылезешь! — матрос тряхнул квадратной решётчатой конструкцией так, что она загремела, а крыс пискнул и подпрыгнул.

Я кивнула и задумалась. Вот что теперь? Не тащить же это чудище в каюту капитана. Вряд ли он такому соседу обрадуется. А есть ли у меня на этом корабле собственный угол, я не знаю. Может, и нет — сундук с одеждой-то в его каюте стоит.

Заметив моё напряжение, юноша снова проявил чудеса сообразительности.

— Могу в вашу каюту отнести, — предложил он.

— Пойдём, — тут же кивнула я и последовала за ним через палубу к другой лестнице.

Когда паренёк толкнул дверь и пропустил меня вперёд, я поняла, что спать в одной постели с капитаном-амфибией — идея не столь уж и плохая. Моя собственная кровать ютилась в таком маленьком пространстве, что кроме неё и деревянного ведра с крышкой — очевидно, для биологических нужд — в так называемой каюте ничего больше не помещалось.

Юнга с довольным видом протянул мне клетку, я, не осознавая, что делаю, взяла её и пробормотала слова благодарности одними губами. Когда паренёк уже повернулся ко мне спиной, чтобы уйти, я в последний раз окликнула его.

— Как тебя зовут?

— Ги, — обернувшись, ответил он и поспешил скрыться, очевидно, опасаясь, как бы мне в голову не пришла ещё какая-нибудь безумная идея.

Дверь за парнем захлопнулось, и тело отреагировало привычной дрожью, потом и холодом. Я снова оглянулась, сглотнула и до боли в пальцах стиснула в руках клетку.

Ну почему моя клаустрофобия не могла остаться в том мире, вместе с телом?!

Крысук завозился и чем-то зашуршал, вырывая меня из круговорота страха. Я опустила взгляд и только теперь заметила, что хвост грызуна не просто розовый, а покрыт матовыми мелкими чешуйками, серебряными с розоватым отливом.

— Так ты — часть команды, малыш, — сообразила я.

Крыс повернулся на мой голос и повёл из стороны в сторону несоразмерно длинным носом. Усы забавно дернулись, и я улыбнулась.

— Необычные у вас, леди Эстер, фантазии, — голос Мариоты раздался так неожиданно, что я едва не выронила клетку.

— Что вы имеете в виду? — уточнила я, опуская грызуна на пол.

— Плотоядную крысу вместо птички держать, — пояснила лекарка, кивая на клетку.

Я вздохнула. Мариота стояла, вздернув подбородок, и с плохо скрытой усмешкой наблюдала, как крысук обнюхивает новое обиталище. Ничего просить у столь высокомерной дамы не хотелось, но всё же я с тяжёлым вздохом смирила гордость.

— Не знаете ли вы какого-нибудь заклинания от боязни тесноты? — спросила я и попыталась изобразить улыбку.

Видимо, вежливость моя выглядела несколько натянуто, потому что Мари недоуменно вскинула бровь.

— Я — посвящённая Белену, мой бог помогает лечить тело, но не душу, — пояснила она с неохотой, так, будто это совершенно очевидно. — Если других просьб ко мне нет, то я, пожалуй, вас оставлю. Передать что-нибудь капитану?

Ага, значит это Стэфан послал её. Тогда понятно. Судя по её отношению ко мне — вернее, к Эстер — по своей инициативе она бы суетиться не стала.

— Ничего, благодарю за заботу, — так же холодно ответила я и, дождавшись, пока Мариота уйдёт, заперла дверь.

Имя бога, которое назвала лекарка, казалось ужасно знакомым. Белен... Белен... Определённо что-то из мифологии моего мира, но никак не могу припомнить, какой народ ему поклонялся. Ладно, может, позже соображу.

А ещё надо бы вытащить из памяти Эстер причину, по которой лекарка так плохо к ней — или всё же ко мне? — относится.

Я легла на жесткую кровать, перевернулась на живот и уставилась на крыса, который вытянулся в клетке во весь рост и смотрел на меня в ответ немигающим взглядом.

— Вот чего она так злится? — спросила я у грызуна.

Он моргнул, очевидно, не собираясь отвечать.

— Хотя черт с ней, пусть дуется, сколько хочет. Сейчас у меня проблемы посерьёзней.

Крыс задвигал усами и подался вперёд, высовывая мордочку через прутья клетки. Неужели он понимает интонации или — кто его знает — даже речь?

Я свесила голову с кровати, оперлась руками о пол и подобралась к самой клетке. Заговорщицки подмигнула новому питомцу и понизила голос до шёпота.

— Ещё неделю назад я была писательницей, сценаристкой и ведущей научно-популярного шоу. Рассказывала людям об истории, путешествовала. В Португалии жила, в Италии, в Греции. С таким трудом всего этого добилась! Я так любила свою жизнь. Любила, понимаешь? — я говорила, а на глазах проступали слезы.

Когда я на миг замолчала, чтобы справиться с комом в горле, крыс кивнул. А может, просто дёрнул головой. Но он всё ещё внимательно смотрел на меня и не моргнул ни разу с тех пор, как я заговорила с ним.

— А потом — утонула. И это в просвещённом веке технологий! И теперь я здесь — пленница странного капитана. Не знаю ничего о мире — черт возьми, совершенно незнакомом мне мире! Очень хочу снова стать свободной, но как сбежать с корабля, если он пристаёт к берегу лишь раз в семь лет? А если убегу — куда дальше идти? Как выжить?

Слезы начали душить, я всхлипнула и протерла глаза, которыми давно уже ничего не видела из-за влажной пелены.

Грудь раздирала обида от несправедливости. Ну почему, почему в эту сказку не занесло кого-нибудь, кому она была нужнее? Ведь мечтают же многие о волшебных приключениях и большой любви! А у меня и в той жизни многое было: и горные походы, и сплавы по рекам, и даже под парусом ходила — хоть уже ничего и не помню.

Любови, правда, не нашла, но когда тебе всего двадцать девять, а весь мир у твоих ног, по этому поводу как-то особенно не переживаешь.

Отдышавшись, я снова посмотрела на грызуна. Он дёрнул усами и хвостом, отчего клетка закрипела. Потом подпрыгнул и начал бить передними лапами засов. Его ужимки показались настолько забавными, что я улыбнулась.

— Нет уж дружок, не выпущу. Посиди пока здесь. Может, когда-нибудь мы выберемся на сушу, и ты сможешь убежать, — сказала я, утирая слезы.

Крыс замер, подпрыгнул на всех четырёх лапах и отчаянно замотал головой. Его усы беспорядочно заметались из стороны в сторону.

— Не хочешь? Тебе тоже нельзя касаться земли? — догадалась я, вглядываясь в бусинки-глаза.

Грызун кивнул.

— Ты понимаешь мою речь? — любопытство оттеснило боль и страх в дальние уголки сознания, и я ещё раз оглядела странного зверя.

Тот снова дёрнул мордочкой с деловитым видом, что, наверное, значило "да".

Интересно... Я хотела спросить у умного крысюка ещё что-нибудь, но тут услышала скрип дверных петель. Подняла голову и встретилась взглядом с юнгой. Тот во все глаза уставился на меня, и поначалу я даже не поняла причин такого удивления.

Лишь спустя пару мгновений осознала, в какой странной позиции нахожусь: ногами и животом лежу на кровати, руками опираюсь на пол, а нос почти вплотную придвинуть к крысиной клетке. Да уж, есть от чего покрутить пальцем у виска.

Я торопливо забралась обратно на кровать.

— Время обеда. Капитан приглашает вас, — доложил Ги, не дожидаясь вопроса.

— Ну, раз приглашает, значит, пойду.

Я улыбнулась пареньку, как ни в чем не бывало соскочила с кровати, протерла рукавом глаза, руки привычно потянулись в попытках пригладить волосы, но судя по ощущениям, получилось плохо. Ну и ладно.

— Покажи, куда идти, — попросила я и получила в ответ ещё один удивлённый взгляд.

Потом Юнга повернулся и махнул рукой, предлагая следовать за ним.

Пока я шла, не могла отделаться от ощущения, что за мной наблюдает чей-то мерзкий, липкой взгляд. А заодно в красках представляла, как команда обсуждает моё странное — по их мнению — поведение. Интересно, получится ли всё списать на амнезию после утопления, или придётся придумывать ещё какие-нибудь отговорки?

Капитан, разумеется, трапезничал отдельно от команды. Ги провёл меня мимо длинного стола, мимо спуска в обитель кока, из которой доносился запах солёной рыбы, и распахнул дверь, пропуская в уютное подобие столовой, а по сути, наверное, в общую офицерскую каюту.

Капитан поднялся, поклонился, скрипнула ножка стула, который он галантно отодвинул для меня. Пришлось садиться — и не где-нибудь, а прямо напротив мужчины-амфибии. Специально ведь рассчитал, наверное.

Я скользнула взглядом по блестящей чешуе, которая всё ещё пугала меня, и тут же отвела глаза, уставившись в ближайший иллюминатор. Если на человека-амфибию не смотреть, то еда, надеюсь, как-нибудь пролезет в горло. Тем более, что есть очень хочется.

На столе, застеленном белой скатертью, уже лежали нож и вилка, но больше ничего — ни тарелок, ни бокалов. Стефан уселся напротив и постарался изобразить улыбку. Получилось у него не слишком правдоподобно.

— Как вы себя чувствуете, леди Эстер? — спросил он, очевидно не столько из беспокойства за меня, сколько из желания завязать хоть какую-то беседу.

— Уже лучше, — в том же сдержанном тоне ответила я. — Правда, воспоминания ко мне возвращаются очень медленно. Может быть, вы расскажете, где мы находимся и куда направляемся?

Капитан оживился и взглянул на меня. Матово блеснули его водянистые глаза, а на губах появилась лёгкая улыбка.

— Непременно. Однако я не припомню, чтобы раньше вас интересовали такие малозначительные вещи.

Это что, ирония сейчас прозвучала в его голосе? Любопытно! Значит, можно вывести его на хоть какие-то эмоции, кроме натянутой нежности и естественного равнодушия.

Но своего удивления я постаралась не показывать. Едва заметно пожала плечами и вдохнула, чтобы сказать что-нибудь столь же равнодушное, но захлебнулась воздухом, когда в двери вошёл... некто с подносом в руках.

Я думала, что уже привыкла к внешности рыб-людей, но вид этого чуда заставил меня замереть с открытым ртом. Немолодой, если не сказать пожилой, совершенно лысый, покрытый чешуёй почти полностью и блестящий от влаги, мужчина сжимал большой серебряный поднос в неестественно длинных пальцах, перепонки между которыми выглядели куда более плотными и отливали синевой, в отличие от перепонки, например, на руках капитана — тонких, как натянутый целлофан, и почти прозрачных. Безгубая нить рта, выпученные чёрные глаза без ресниц и бровей дополняли жуткий образ.

Когда существо подошло к столу и наклонилось, чтобы составить на скатерть тарелки и стаканы, я заметила мелькнувший за спиной чешуйчатый хвост.

Чувство голода редко испарилось, на смену ему пришла сильная тошнота. Захотелось зареветь, вскочить и убежать в каюту, ноги задрожали, а к горлу подкатил соленый ком, но я героически сдержала первый рвотный позыв и сидела почти неподвижно до тех пор, пока существо не вышло, хлопнув тяжёлой дверью. Но даже после того, как мы с капитаном вновь остались наедине, полностью расслабиться не получилось — сырой запах, принесённый мерзким рыболодом, всё ещё витал в воздухе, отбивая остатки аппетита.

— Вы уверены, что хорошо себя чувствуете? — ещё раз уточнил капитан, наклоняясь чуть ближе ко мне. — Вы очень бледны.

Ещё бы не побледнеть! Скажи спасибо, что я в обморок не рухнула прямо здесь. Но — спокойствие. Вдох, выдох, и продолжаем делать вид, что я — та самая Эстер. Он не должен узнать о том, что я — не она. По крайней мере до тех пор, пока я не разберусь, где я и что вообще происходит.

— От запаха мне стало немного не по себе, — почти честно ответила я и покосилась на стол.

Внимание моё привлекла пыльная бутылка, гордо возвышавшаяся над блюдами с — какая неожиданность — тушёной рыбой и водорослями.

Стефан проследил за моим взглядом, потом взял бутылку и откупорил её. Разнесшийся над столом запах сладкого вина немного заглушил тухлую вонь, и я вдохнула ещё глубже. Пожалуй, кое-что хорошее есть и в этом мире. Да, бокалы не такие красивые, какие я покупала в Италии, но тоже ничего — в странном геометрическом узоры серебра причудливо плясали отблески солнечных лучей.

Прежде чем приступать к еде, я всё же решилась выпить — всего глоток, и удивительно алкоголь помог-таки избавиться от мерзкого привкуса тухлой воды на языке.

— В прошлом вас не смущал вид нашего кока. Или вы забыли и о нём тоже? — спросил Стефан прежде, чем приступить к еде.

Я ответила не сразу — кусок рыбы во рту давал мне легальное право обдумать свои слова.

— Может, и не совсем, но помнила очень смутно. Теперь сложно сказать, — с показной задумчивостью ответила я.

Обед мы доедали в гнетущем молчании. Возможно, я бы сумела завести некое подобие светской беседы, если бы знала об этом мире хоть что-нибудь. Но увы, всё, что я видела — это бескрайнее море, монстр, рыболоды и палуба корабля. Неплохо бы, кстати, узнать, как он на самом деле называется. Я привыкла думать о нём как о "Летучем Голландце", но наверняка ведь ошибаюсь.

После того, как тарелки опустели, капитан галантно подал мне руку, которую я равнодушно приняла, и повёл к выходу, а позже — в свою каюту.

— Вы ведь хотели узнать, где мы и куда направляемся, — пояснил он в ответ на мой вопросительный взгляд. — Я покажу вам карту и маршрут. Конечно, если вам всё ещё интересно.

Пришлось смириться и шагать, чувствуя на спине одобрителльные взгляды рыболодов. Интересно, верят ли они в то, что я могу им помочь, или относятся к происходящему как к какому-то глупому фарсу? Ги насмешлив, Мариота смотрит исподлобья, остальные — те, кто мне не знаком — глядят или с лёгким любопытством, или с равнодушием.

Пытка взглядами закончилась, как только за моей спиной захлопнулась дверь каюты. И я облегченно выдохнула, только сейчас осознав, как затекли от напряжения плечи. Нет, мне точно нельзя себя выдавать: черт знает, что они сделают со мной, если окажется, что настоящая Эстер мертва.

Капитан развернул одну из карт, которые я уже замечала раньше, но не удосужилась разглядеть подробнее. Запахло старой бумагой, и я с замиранием сердца приблизилась к столу.

Старые карты я обожала ещё в прошлой, земной жизни. Помню, даже бывала в галерее географических карт, когда мы снимали сюжет об истории католицизма в Ватикане.

Когда я взглянула на карту, то сперва мне показалось, что передо мной — грубая срисовка с географической карты Земли века приметно восемнадцатого. Евразия, Африка, Австралия и Америка — два континента которые соединены тонким перешейком — всё так же, как на земле. Правда, нет ни Северного, ни Южного полюса.

Только приглядевшись, я начала замечать отличия. В Океании — гораздо больше крупных островов, треугольник Индостана более узкий, зато длиннее и клином врезается в воду. Красное море более округлое и будто вдавливают берега двух континентов, а острова Карибского архипелага уходят гораздо дальше в Атлантический океан, делая прославленное Голливудом море поистине огромным. Кроме того, досконально я карту Земли не помню, каких-то незначительных отличий могу и вовсе не заметить.

Лишь спустя несколько минут осознала, что называю знакомые на вид участки суши и воды привычными мне именами, и пригляделась к надписям на карте. Покосилась в сторону капитана, но он спокойно ждал, давая мне возможность полюбоваться. Наверное, такая карта — редкая реликвия. Неужели, он похвастаться решил? Даже если и так — мне же лучше.

Я едва ли не носом уткнулась в пожелтевшую бумагу, разглядывая названия морей и стран. Язык показался смутно знакомым, и чем больше я вглядывалась, тем отчётливее узнавала португальский, ставший почти родным за четыре года жизни в этой стране. Правда, писались слова не в строчку, а в столбец, сверху вниз, отделяясь друг от друга черточками. Не очень удобно на мой земной взгляд, но привыкнуть можно.

Едва успев понять правила местного способа письма, я с удивлением обнаружила, что в целом карта с очертаниями и названиями государств и в самом деле очень похожа на земную.

— Мы здесь, — капитан, вероятно, уставший ждать, подхватил со стола циркуль и указал им на перешеек между двумя американскими материками. — Идём сюда.

Перепопки не помешали Стефану ловко раздвинуть ножки циркуля и ткнуть одной из них в самый восточный остров местного Карибского моря. Интересно, а ножки Эстер он уже раздви... Стоп, не о том думаю.

Я наклонилась, чтобы получше разглядеть остров, но капитан сложил карту пополам. Под ней лежала еще одна — на этот раз более подробная карта восточных берегов Центральной Америки. И теперь, рассматривая её ближе, я поняла, что хоть в целом наши миры немного схожи, в деталях они разительно отличаются.

— Корабль пойдёт напрямую? — спросила я, пытаюсь прикинуть расстояние.

— Да. Мы не торговцы, пристаать к берегам других островов нам ни к чему.

— Логично, — кивнула я и немного отдалилась от карты, потирая глаза — рассматривать тонкие контуры в

полумраке каюты — то ещё удовольствие. — А зачем вам туда?

— Доберемся — узнаешь, — вдруг жёстко оборвал расспросы Стефан.

Я взглянула на него удивлённо. Его плотно сжатые губы и напряжённые скулы намекнули, что развивать тему не стоит. И чего это он так разозлился?

Я отступила от капитана на шаг и обвела взглядом каюту. Заметила на полке несколько книг и решила перевести разговор в безопасное — как я надеялась — русло.

— Могу я взять что-нибудь почитать? — вопрос задала, напряжённо ожидая новой вспышки гнева, но капитан только кивнул.

— Разумеется. Вы, помнится, уже кое-что из них брали, — он, кажется, собирался сказать что-то ещё, но с палубы послышался крик и топот, а в следующий миг в каюту ворвался Ги.

— Капитан, — задыхаясь, крикнул он, и указал пальцем куда-то за дверь, — там, на палубе...

Стефан, не дослушав, ринулся наружу, а я на миг замерла. Ужас от воспоминаний об огромном монстре сковал моё тело, разлился льдом в груди, но я тряхнула головой, сбрасывая наваждение. Любопытство и решимость быстро пересилили страх, и я бросилась на палубу вслед за моряками.

Выбравшись наружу, я оказалась в клубах густого серого тумана. Прохладный ветерок пробрал до костей, я невольно дёрнула плечами и поежилась.

Кажется, вся команда собралась на палубе, взгляды рыбоподобных моряков были прикованы к силуэту огромного корабля, который медленно и величественно приближался к нам.

— Мариет, — прошипел капитан сквозь зубы, но быстро справился с минутной досадой и вернул себе былое спокойствие.

— Кто это? — тихо спросила я, стараясь держаться поближе к Стефану. Он хоть и зло, но всё же знакомое.

— Ещё один проклятый, — со вздохом пояснил моряк. Холодок ещё раз пробежался по спине — теперь вовсе не от сырого ветра. Я представила ужасное существо, кого-то вроде знаменитого Дэйви Джонса, а может, капитан того судна в тумане — именно он, чем черт не шутит!

Но когда корабли оказались почти вплотную прижаты друг к другу бортами, я сквозь пелену тумана разглядела на палубе совершенно нормальных — по крайней мере, на первый взгляд — людей. И капитан в сером бушлате, сжимавший в руке треуголку, ничем не отличался от них. Молодой — не старше тридцати на вид, с русыми волосами, забранными в низкий хвост, он широко улыбался, и черти плясали то ли в темно-карих глазах, то ли в лёгких морщинках между широкими бровями. Узоры тагуировок начинались на правой щеке, обвивали подбородок и спускались к шее, исчезали где-то под воротом серой рубахи и своим полудиким очарованием приковывали взгляд. При виде них даже кожа на лодыжках и плечах зачесалась — на моём предыдущем теле тоже красовались подобные узоры.

— Капитан Стэфан, — незнакомец взмахнул треуголкой, широко развёл руки в стороны и демонстративно поклонился. — Какая неожиданная встреча!

— Да уж, неожиданная, — ответил капитан, приближаясь к борту. — Ты шёл за нами уже двое суток. Говори, что тебе надо!

Незнакомец рассмеялся, и его голос громовым раскатом пронёсся над туманом, прокатился по палубе и затих вдали.

— Ты никогда не умел принимать гостей, — сказал он, сверкнув хищным взглядом. Его орлиный нос — длинный, с чёткой горбинкой, — ещё сильнее подчеркнул опасность.

А подмечено верно — Стэфану великосветские приемы и беседы даются плохо. Я не без труда сдержала улыбку и отступила на полшага, когда взгляд капитана туманного корабля скользнул по мне.

— Богини передают тебе привет и интересуются, когда же ты наконец снова возьмешься за дело.

Стэфана передёрнуло, и он не посчитал нужным скрыть явное отвращение.

— Души носятся над южными морями. Ждут тебя. Я подобрал, кого смог, но вообще-то береговая линия — твоя зона, — продолжал его старый то ли друг, то ли враг, делая вид, будто вовсе не замечает его реакции.

— Ты можешь сколько угодно вилать хвостом перед старыми ведьмами! — кое-как совладав с эмоциями, крикнул Стэфан, но его голос дрогнул. — А я найду спасение.

— Уж не в этой ли куколке? — незнакомец кивнул на меня и презрительно улыбнулся. — Сдаётся мне, она не из тех шлюшек-аристократок, которые прыгают под любой капитанский бушлат. Хотя такую красотку я бы...

Я закипела от негодования прежде, чем наглец успела сказать ещё что-то. Ответ сорвался с языка будто сам собой.

— Под ваш бушлат я бы точно прыгать не стала. Сдаётся мне, ничего там не найду, кроме петушиных перьев!

Наглец подавился от возмущения и собирался что-то ответить, но Стэфан успел перебить его:

— Ты можешь не верить в спасение, но я верну то, что отняли у нас колдуньи.

— Лучше подумай о том, что они дали тебе, — с этими словами незнакомец отошёл от палубы и начал

раздавать команде указания, отголоски которых едва доносились до меня.

— А ты с характером, значит, — окинув меня пристальным взглядом, произнёс капитан. Он будто обращался не ко мне, а думал вслух, так что я не сочла нужным отвечать. — Но где же этот характер был раньше?

Я пожала плечами с видимым равнодушием, хотя внутренне содрогнулась. Штирлиц ещё никогда не был так близок к провалу! Надо срочно узнать, какой была настоящая Эстер и что случилось между ней и капитаном. Иначе я себя выдам.

Паруса корабля медленно таяли в далёком тумане, дымка рассеивалась, и скоро сквозь неё уже стала видна мелкая рябь морских волн. С каждой минутой воздух теплел. Уходить в каюту почему-то не хотелось, так что я нашла на палубе укромный уголок, в котором не буду никому мешать, и забила в него. Смотрела, как моряки проверяют узлы и паруса, как Стэфан раздаёт им указания. Ветер трепал полы моей туники, бросал волосы на лицо, качка постепенно усиливалась, но не настолько, чтобы меня беспокоить. Наконец, за туманом показалось солнце, его лучи ласкали кожу и отражались на гребешках мелких волн. В такой момент ужасно хотелось оказаться в одиночестве или хотя бы в тишине, но матросы то и дело перекрикивались, шутили, ругались, топали — корабль гудел, как улей рассерженных пчёл, и не затихал ни на миг. Может, ночью будет спокойнее?

Только сейчас, глядя на рыболовов, шурясь от блеска их чешуйчатой кожи, я поняла, что мне не скрыться отсюда. Не сбежать, не побыть в одиночестве, по крайней мере до тех пор, пока я не найду возможность сойти на землю — там они меня не достанут. Впрочем, высаживаться на какой-нибудь необитаемый остров смысла нет — они просто дождутся того дня, когда им можно будет сойти на берег, и заберут меня. Поэтому если и бежать, то непременно на континент. И подальше, в его глубь, на несколько дней или недель пути, — так, чтобы никогда и близко не подходить к морю.

Мысли текли вяло, и вскоре я провалилась в тяжёлый сон. Сквозь него иногда всплывало беспокойное сознание, и в такие моменты я пыталась вспомнить что-нибудь о прошлом Эстер, но ясной картинкой так и не получила. Перед глазами металась тень и размытые образы: тот самый офицер, с которым она провела ночь, белокурые локоны, женский смех, потом — морская пучина, мерзкая вода в лёгких. И нестерпимая боль, то ли физическая, то ли душевная, терзала и рвала грудь. Она — как открытая рана, в которую ветер наносил песок и сор, саднила и чесалась, и хотелось вырвать сердце или зачерпнуть уже, наконец, носом воды, только бы загасить нестерпимый пожар.

Я очнулась, ощутив прикосновение к спине. Открыла глаза, когда Стэфан уже поднял меня на руки и спустился в трюм.

Голова нещадно гудела, тело, затекшее в неудобной позе, ныло, по ногам бежали мерзкие мурашки, как будто я отсидела их, а теперь пыталась ходить.

— В следующий раз постарайтесь найти более подходящее место для сна, — проворчал Стефан, укладывая меня на кровать в моей каюте.

— Простите, — пробормотала я и почувствовала жуткую сухость во рту. — Видимо, я ещё не совсем оправилась, и эта встреча с капитаном другого корабля немного... выбила меня из колеи.

Стэфан уже собирался уйти, повернулся, и его взгляд упал на клетку с крысьюком, который сопел, свернувшись в аккуратный клубок. Капитан поморщился, наклонился, рассматривая странного грызуна, но так ничего и не сказал. Он уже потянулся к двери, но я не собиралась и дальше оставаться в неведении.

— Что это был за человек? Как вы познакомились? Расскажите, прошу вас! — голос вдруг обрёл неожиданную силу, и я озвучила просьбу громче, чем намеревалась.

Стэфан обернулся, внимательно посмотрел на меня, блеклые глаза под приподнятыми бровями сверкнули слабым удивлением.

— Если вам угодно выслушать, — Стэфан опустил на край моей кровати, а я села, обхватив руками колени. — В некотором роде мы с ним были коллегами. Видишь ли, почти двести лет назад три корабля подошли к берегам Южной Америки. Нам было приказано подчинить или прогнать местных, новые земли должны были стать колониями Голландии.

Услышав знакомые названия, я замерла. Даже страхи отступили перед жгучим любопытством: ужасно хотелось узнать, насколько похоже развивались истории этого мира и моего, родного.

Заметив мой интерес, Стэфан улыбнулся, но как-то печально.

— Но местные боги решили защищать свой народ. Нам удалось одолеть одного из колдунов — майя звали его Хуракан. Тогда две древние богини — теперь я знаю, что их звали Икешь и Иш-таб — объединились, чтобы наложить на нас проклятье. Они зачаровали нас, и теперь мы трое — Я, Фредерик Мариет, которого ты видела сегодня, и Карел Беккер — наш товарищ, который сейчас по ту сторону континента — должны вечно странствовать по морям, собирать души тех, кто погиб в море, и лишь раз в семь лет могут сходить на землю для того, чтобы опустить эти души во врата Шибальбы — подземный мир, где боги до сих пор живут и питаются своими жертвами.

Я слушала, затаив дыхание. Грызун проснулся и, почуяв моё присутствие, завозился в клетке.

Я шикнула на него, и он отвернулся, демонстративно взмахнув блестящим хвостом.

Стэфан задумался о чём-то и замолчал. Может, вспоминал те времена, когда ещё был человеком. А у меня в голове назрел вроде бы не слишком значительный, но не дающий покоя вопрос, который я всё же решила задать.

— Но раз вы все из Голландии, почему говорите на другом языке? — я не стала уточнять, что речь обоих капитанов португальская, да и в целом вопрос казался рискованным. По логике моего мира они должны были говорить на немецком, но кто знает, какие финты выписывает местная история.

— Со временем голландских колоний здесь почти не осталось. Всё поделили между собой Испания и Португалия, потом подключились Британия и Франция, и мы переняли их языки — для удобства, — буднично пояснил Стэфан, не усмотрев в моём вопросе ничего странного.

Я собиралась спросить о чём-нибудь более важном — например, о причинах конфликта двух капитанов, но не успела. В каюту влетел растрепанный и как всегда спешащий Ги, и, едва отдышавшись, позвал Стэфана на палубу. Судя по весёлому виду паренька, ничего страшного не случилось, так что я осталась на кровати, когда капитан-

амфибия вышел. Как только дверь за ним закрылась, я упала на жёсткую подушку и повернулась к крысу.

— Ни черта не понимаю, — призналась я, глядя в большие розовые глаза.

Крыс, сообразив, что я обращаюсь к нему, подполз ближе — насколько позволяли прутья клетки — и устался на меня в ответ.

— Получается, в этом мире оживают боги, которые в... в общем, которых я раньше считала мифическими. Белен... Мариота говорила, что посвящена Белену. Теперь я вспомнила! Это кельтский бог-врачеватель. Интересно, какие ещё пантеоны здесь "ожили"? Как сосуществуют греческий и римский — они ведь по сути одно и то же? Есть ли единый бог, и если да, то христианский он или исламский. А может вообще — будда? И выходит, что приверженцев разных религий после смерти ждёт разная судьба?

От размышлений голова пошла кругом. Я закашлялась, сухость во рту становилась нестерпимой. Ещё и узкие стены нагнетали тревогу — хотелось как можно скорее сбежать от их давления, но сил подняться почему-то не было, как будто жуткий сон вытянул из меня всю энергию.

Крыс повёл носом, пискнул и вдруг вцепился зубами в прутья клетки. Не отчаянно-дико, а скорее демонстративно погрыз их, а потом снова устался на меня.

— Голодный, — догадалась я, наконец. Хорошая же хозяйка — морю зверька голодом.

Крыс кивнул, его взгляд стал почти умоляющим.

— Ладно, сейчас что-нибудь придумаю.

Я вздохнула и все-таки поднялась с кровати. Перед глазами слегка поплыло, но моргнув несколько раз, я почти избавилась от мерзкого чувства слабости.

Надо сходить на камбуз: там могут быть какие-нибудь объедки, да и воды неплохо бы попить. Плечи невольно дёрнулись от мысли о встрече с жутким коком, но я вспомнила, как меланхолично он поставил перед моим носом тарелку, и глубоко вдохнула. Враждебности не проявлял, а что до его рыбоподобной внешности — ничего не поделаешь, придётся привыкать.

Я выбралась из каюты и огляделась. Если я правильно поняла, этот корабль очень похож на парусники восемнадцатого века. Земного, разумеется. Если это так, то от офицерских кают — а поселили меня в одной из них — надо выйти на палубу. На другом конце корабля будет камбуз.

Выбираться под открытое небо снова не очень хотелось, но в горле нещадно першило, а крыс показательно расстелился по полу клетки слабой тряпочкой. Маленький манипулятор, и зачем я его вообще оставила?

Выбравшись в небольшой, общий для всех офицеров зал, который, судя по тарелкам на столе, служил им и столовой, я заметила Мариоту, которая сидела на стуле, ловко балансируя на двух его ножках, с запрокинутой к потолку головой. Её волосы покачивались в такт движениям корабля и в слабом свете походили на песчаные дюны в вечерней тени. Она прикрыла глаза, из её губ вырвались слова незнакомого мне языка. Пока что лекарка меня не замечала.

Я ещё немного постояла, разглядывая её. Красивая — гораздо более эффектная, чем я, вернее, чем Эстер с её слабой, болезненно-тонкой фигурой, острыми чертами лица и бледными губами. Жаль, я не по девочкам.

Украдкой вздохнув, я попыталась проскочить мимо Мариоты как можно тише, но не рассчитала движения и вписалась в другой стул — ещё не до конца привыкла к палубе, "морские ноги" не появились, как говорили старые моряки.

Ножки стула Мариоты с грохотом опустились на палубу, она открыла глаза и уставилась на меня не то с удивлением, не то с досадой.

— Опять без дела шатаешься, — проворчала лекарка, впрочем, как-то беззлобно, и откинулась на деревянную спинку.

— Да ты тоже не особенно занята, как я погляжу, — не растерялась я, и только когда слова уже сорвались с языка, поняла, что наверное стоило промолчать.

Мариота удивлённо вскинула брови. Несколько мгновений мы боролись холодными взглядами. Я пыталась придумать, как бы смягчить ситуацию, да и она как будто не находила слов.

— Да вы, леди Эстер, после бури будто заново родились, — наконец, пробормотала она, прикладывая большой палец к подбородку. — Ругаетесь, брыкаетесь...

Сердце дрогнуло. А что, если Мариота догадается? Она, очевидно, недолюбливает меня, и наверняка расскажет обо всём капитану. Надо быть осторожнее. Но пытаться изобразить скромность уже поздно, особенно после того, что я сказала Фредерику Мариоту час назад.

Переход с "ты" на "вы" я абсолютно не понимала. Может, Эстер знала правила этой игры, но я — не она. И меня такие заигрывания уже порядком раздражают. Но мне удалось скрыть нервозность.

— Меня из волн вытащили, а балласт скромности на дно ушёл, — привычно отщутилась я, при этом внимательно наблюдая за реакцией лекарки.

Она улыбнулась, но тут же поспешила скрыть веселье.

— А как же твоё "за что вы меня не любите, я не сделала ничего плохого"? — Мариота закривлялась, видимо, изображая слова беспомощной Эстер.

Вот черт! Эта аристократка была совсем соплей, оказывается. Она и в самом деле такое сказала? Или Мариота проверяет меня и мою память? По спине пробежала лёгкая дрожь, но уклончивый ответ быстро созрел в голове.

— Неуместно шутить изволите, — сказала я, поворачиваясь к морячке спиной. — Как хотите. Внушить к себе любовь насильно не в моей власти.

Кажется, игру с переходом от панибратского к официальному тону и обратно я все-таки уловила, потому что на этот раз Мариота не удивилась: лишь молча наблюдала за тем, как я направилась на палубу. Её спокойное и задумчивое лицо я видела в отражении мутного стекла, непрактично украшавшего дверь.

Палуба всё так же гудела, и от количества рыбоподобных моряков, от блеска их чешуи и резких голосов я почувствовала себя будто застрявшей в тягучем болоте. Запах стоял соответствующий. Поэтому я поспешила пробежать вдоль борта и нырнула в дверь, которая, по моим расчётам, должна вести в обитель жуткого кока.

Оказавшись в полумраке, я не сразу смогла разглядеть ступени, ведущие вниз, так что три шага по ним сделала почти на ощупь. Но когда глаза наконец привыкли к темноте, огляделась. Страшного рыболода я не нашла, хотя его запах пропитал всё вокруг — особенно солёный и рыбный, он витал над большим котлом, шёл откуда-то сверху, и подняв глаза, я заметила на потолке ряды подвешенных на верёвках сушёных рыбешек.

Завороженная своеобразием этого места, я двинулась вдоль стен, заваленных мешками со специями и солью, подошла к шкафу, в котором позвякивали тарелки и чашки. Даже древесина здесь пахла рыбой, на столе лежали ещё влажные водоросли — длинные, тёмно-зелёные, они пахли йодом и железом. Напомнили по виду морскую капусту, но я ведь не знаю, насколько местная фауна отличается от Земной. А судя по морякам и монстру, отличается, да ещё как!

Осмотревшись, я остановилась возле стола в нерешительности. С одной стороны, вряд ли кок заметит пропажу парочки рыбешек. С другой — крыса ведь надо постоянно кормить, а каждый раз пробираться сюда тайком я не хочу.

Пока я размышляла, рассматривая царапины от ножа на потемневший древесине столешницы, дверь за моей спиной распахнулась. Послышались шлепки, будто кто-то шёл по полу в мокрых лапах. В следующий миг по камбузу растекся тяжёлый запах солёных волн и тины.

Я вздрогнула и обернулась. И конечно же, увидела кока. Он неспешно шагал ко мне, его ноги-ласты оставляли на полу крупные влажные следы. Правой рукой он придерживал массивную сетку с рыбой, перекинутую через плечо, а в левой нёс охапку каких-то темно-оранжевых цветов. Их мокрые лепестки поникли, с них стекали мутно-желтые капли.

Кок смерил меня равнодушным взглядом, обошёл и шлепнул свой улов на стол. Я покосилась на бочки, составленные у дальней стены аккуратными рядами, и осознала, что в них — тоже рыба. Повсюду, мать её, рыба, и питаться мне ею до скончания веков.

— Чего хотела, красавица? — то ли прорычал, то ли пробулькал рыболод, и я снова посмотрела на него.

— Воды... попить, — заикаясь, выпалила первую просьбу, и теперь усиленно думала о том, как бы сказать о второй.

Кок понимающе кивнул, достал глиняную бутылку и наполнил в одной из бочек. Мутная жидкость на питьевую вообще не походила, и к горлу подкатила тошнота, когда моряк поставил тару на стол.

— За водой сама приходи, когда захочешь. Остальным она тут без надобности. И вот это возьми, — он положил рядом со мной те самые цветы, которые сжимал в руке. — По два лепестка на стакан. И вода вкуснее будет, и цингой не заболеешь, — добродушно сказал кок и подмигнул.

Я нашла в себе силы улыбнуться и поблагодарить. Не такой уж он и страшный, надо только немного к нему привыкнуть.

— А есть у вас объедки какие-нибудь? — осмелев, спросила я, пока сгребала в любезно предоставленную чашку травы.

— Зачем же объедки? — оживился кок, и когда мы встретились взглядами, я поняла, что он уже почти старик. Его тело распухло от воды, морщины изгладились или скрылись под чешуей, но легкая сторбленность, седые брови и глаза, подернутые серой дымкой, всё же выдавали его.

— У меня красная соленья есть, и мидии свежие вот тут. Могу и салатик из водорослей покрошить, если желаешь, — затараторил моряк и заметался по камбузу, указывая то на устриц, то на крабов, то на вовсе неизвестные мне виды рыб.

Я невольно расплылась в широкой улыбке. От такой заботы на миг вдруг стало так тепло на душе, что пережитые волнения на миг забылись. Но крыса всё же стоило покормить.

— Я не для себя, — почти крикнула я, с трудом вклиниваясь в беглую речь моряка. — Для зверька.

— Какого ещё зверька? — кок удивлённо уставился на меня, отчего его глаза стали ещё больше.

Пришлось рассказать о приключениях маленькой крысы на корабле и о том, как она оказалась в клетке в моей каюте. Выслушав, моряк махнул рукой, ругнулся, но потом потянулся и снял с потолка двух рыбешек.

— Этот проглот мне три бочки прогрыз, — ворчал он, вручая мне еду, — хорошие бочки, вот такой толщины!

Кок вытянул вверх большой палец с острым ногтем, от которого тянулась плотная перепонка к указательному. Отвращение снова шевельнулось комом где-то в желудке, но быстро затихло — настолько забавно старик возмущался.

— А вы за него, значит! — вздохнул он.

Видимо, долго злиться кок не умел: выдохнул, сел на стул и покачал головой.

— Давайте так, леди. Кормить этого иждивенца я не стану, но на рыбалку раз в два дня ныряю в море. Отпускайте его со мной, пусть сам кормится. Эта тварь, поди, лучше меня плавает. Захочет — сам вернётся, а нет

— так незачем мучить, пусть уходит. Хотя не уйдёт он от вас теперь, — решил моряк.

Мне оставалось только кивнуть и поблагодарить, а потом мышкой выскользнуть за двери камбуза обратно на палубу. Старик же, о чём-то глубоко задумавшись, даже не заметил моего ухода.

В одной руке я несла бутылку вместе со скользкими рыбьими хвостами, в другой — чашку с цветами, которые здесь, на палубе, пахли как будто лимоном. Заметив меня, Ги тут же подошел. Со словами "дайте помогу" чуть ли не силой отнял у меня бутылку и рыбу, и потащил ношу к офицерским каютам. Я пошла за ним, и хоть рукам стало легче, на сердце будто лёг камень.

Здесь обо мне заботятся лишь до тех пор, пока думают, что я могу спасти их от проклятья. А я не могу — капитан во мне не вызывает ни малейшей нотки симпатии. Отвращения, правда, я тоже больше не испытываю, но этого ведь мало.

Ги оставил бутылку за косяком двери и, не сказав ни слова, ушёл. Я бросила крысу рыбешек, он с азартом на них набросился и умял в считанные секунды.

— Тунеядец, — я присела на корточки возле клетки и посмотрела в блестящие глаза. — В следующий раз сам пойдёшь рыбачить.

Крыс философски повёл усами, но явного протеста не выразил. Вот и ладно. Впрочем, мне ли крысюка в безделии обвинять? Мариота ведь права, я тут совершенно бесполезна. Может, поговорить с капитаном насчет какой-нибудь работы?

— Надо бы тебя как-то назвать, — вдруг осознала я, пока наблюдала, как крыс водит по мордочке маленькими когтистыми лапками, видимо, пытаясь избавиться от рыбного запаха.

Зверь замер и уставился на меня с явным любопытством. Я ещё раз оглядела белую шерстку и блестящий хвост. Пафосные варианты вроде "Мефистофеля" и других мифических злодеев отпадали — несмотря на свою опасность, крысюк казался довольно милым. Зефирчик? Приторно слишком.

Вдруг вспомнилась история плота Кон-Тики и отважно-бессмысленного плавания Тура Хейердала. В своей книге он писал, что краба, который жил с ними на плоту, они с командой звали...

— Будешь Йоханнес, — решила я, и крыс согласно кивнул. — Сокращённо — Йо.

Лучи закатного солнца растекались нежным медом по морским волнам, тени моряков сновали по палубе вслед за ними, над головой хлопали белые паруса. Я стояла на палубе, и ветер бил мне прямо в лицо, унося куда-то назад запах тины и рыбы, пропитавший корабль. Я старалась дышать как можно глубже, наслаждаясь свежестью, и усиленно гнала из головы все мысли: и воспоминания о прошлом, и планы на будущее. Сейчас все, что вне корабля, казалось ненастоящим и совершенно бессмысленным. За пол дня пустых шатаний по палубе я уже успела почувствовать смертельную скуку, а вместе с ней навалилась странная апатия, которая придавила и печаль, и желание делать хоть что-нибудь.

— Чудесный закат, не находите? — спросил Стэфан.

Я слышала его шаги за спиной, так что не удивилась, когда он заговорил. Надо ведь надо нам как-то сближаться, чтобы он смог, наконец, избавиться от проклятья. Впрочем, мысль о том, чтобы провести остаток жизни рядом с этим не-человеком, все еще меня не прельщала. Но и не расстраивала — скорее, отдавала скучной серостью.

— Да, очень красиво, — выдала я после короткого раздумья. — Капитан, скажите, могу ли я получить на корабле хоть какую-нибудь работу?

Я покосилась на Стэфана. Он поморщился и тяжело вздохнул.

— Ни в коем случае, — резкий тон его ответа удивил меня. — Мы с вами это уже обсуждали, леди Эстер... дорогая. Если вы станете частью команды, то проклятье падет и на вас. И тогда вы уже не сможете никому здесь помочь.

Вот черт!

Я отвернулась и снова бессмысленно уставилась в бескрайнюю даль, туда, где огромное солнце уже опускалось в жидкое золото морских вод.

— Но если вы чувствуете, что здоровы, с завтрашнего дня можем возобновить тренировки с рапирой, — вдруг предложил Стэфан.

Я постаралась скрыть удивление во взгляде. Странной была эта леди Эстер. Судя по словам Мариоты — обычная плаксивая леди, но рапира в этот образ как-то не вписывается. Впрочем, может, на этих занятиях настоял сам капитан? Ладно, не важно. Главное, что у меня появится хоть какое-то развлечение.

— Да, конечно, — я кивнула, все еще сохраняя внешнюю холодность, но мысленно радовалась возможности наконец-то двигаться.

После этого между нами снова воцарилось напряженное молчание. Стэфан не уходил. Он явно хотел поговорить со мной еще о чем-нибудь, но, похоже, никак не мог подобрать подходящую тему. Наверное, Эстер провела на корабле не так уж много времени, или капитан так сдержан из-за моей "временной амнезии"?

Я еще раз посмотрела на него, куда более внимательно, чем раньше. Возможно, мне показалось, но полосы золотых чешуек стали толще и ярче, а перепонки между пальцами уплотнились и помутнели. Неужели все здесь рано или поздно станут похожи на жуткого кока? Или, может, их внешность со временем будет еще больше походить на рыбу? От этой догадки я вздрогнула. Еще раз покосилась на Стэфана и впервые за несколько дней знакомства испытала к нему хоть какие-то чувства. Но увы, не симпатию, а только жалось. И грусть из-за того, что мне придется принимать правила игры, по крайней мере до тех пор, пока я не смогу сбежать. Но если уж и сдаваться, то на выгодных для себя условиях.

— Кап... Стэфан, — начала я, поворачиваясь к нему, — можете ли вы рассказать мне больше о навигации? О том, как читать морские карты, измерять расстояние и скорость, вести корабль, прокладывать маршрут? Я не буду ничего делать сама, обещаю. Только учиться.

Попросила и замерла. Капитан может и отказать — зачем ему возвращать столь самостоятельную будущую невесту? Но он улыбнулся — холодно, но иначе, похоже, и не умел — и кивнул.

— С удовольствием. Если хотите, можем начать хоть сейчас.

Я вернула ему улыбку — самую теплую, на которую сейчас оказалась способна. Он предложил мне руку, и вместе мы направились в каюту.

Здесь, почти во мраке, мне стало не по себе: после простора палубы, с которой линия горизонта и небо над головой казались такими огромными, слишком тесно и жутко. Но мерзкое ощущение развеялось, стояло Стэфану зажечь пару масляных фонарей и расстелить ту самую, уже знакомую мне карту на столе. Он привычным легким движением подхватил циркуль и, аккуратно взяв меня за руку, подвел ближе.

Я повиновалась, хоть пришлось приложить усилие, чтобы не отдернуть ладонь. Кожа капитана казалась холодной и шершавой. Впрочем, от него не несло тинной, только немного солью и ветром, так что стоять рядом с ним оказалось совсем не противно.

— Для начала скажите мне, что вы знаете о материках? — капитан указал на куски суши.

Знала то я много чего, вот только все мои познания годились для Земли, и я могла лишь догадываться, какие из них получится применить здесь, в новом мире.

— После того... случая в голове все перемешалось. Помню какие-то обрывки, но никак не могу составить из них целую картину. Может, лучше вы расскажете? — спросила я, и даже не пришлось создавать видимость интереса — мое любопытство сейчас вполне искреннее.

Капитан кивнул, отодвинул стул и предложил мне сесть. А сам встал напротив и склонился над картой.

— Я уже говорил, что мы здесь, — он ткнул циркулем в тонкий перешеек — центр континента. — В Америке. Это — Северная. Надеюсь, о сторонах света мне вам рассказывать не придется?

Стэфан поднял на меня взгляд и я торопливо помотала головой. Заметила, как ножка циркуля двинулась на юг, и пока капитан не заговорил снова, решила задать пару вопросов.

— Я слышала, — аккуратно начала я, стараясь не вызвать лишних подозрений, — что в Северной Америке, в самом центре континента, есть люди... Они поклоняются духам животных и предков, живут племенами...

— Дались вам эти сказки, леди Эстер, — отмахнулся Стэфан, снова склоняясь над картой. — Да, живут там какие-то дикари, но их уже мало где можно встретить. Там и цивилизованные люди есть, британские колонисты. А индейцев — так сейчас называют местных — уже почти нигде не встретишь.

Столь холодного ответа я не ожидала. После него больше спрашивать ни о чем не хотелось, и я просто слушала, как капитан сухо перечисляет названия и характеристики других континентов, морей и океанов. Но когда он добрался до Африки, все же не смогла удержаться:

— А правда, что на севере Африки, вдоль Нила, когда-то жили люди, которые строили огромные пирамиды? Они поклонялись звероподобным богам? Свою праматерь они рисовали в форме коровы, у бога солнца была соколиная голова, а у бога смерти — голова собаки? — меня волновали не только эти боги. Хотелось знать, какие еще мифологические персонажи "ожили" в этом странном, непонятном мире.

Стэфан снова вздохнул и кивнул как-то обреченно.

— Да, эти боги живут и здравствуют по сей день. Правда, поклоняются им чаще не в Африке, а в Европе. Дурная мода, — Стэфан обвел циркулем западную часть Евразии и поднял на меня взгляд. — Если вас интересуют верования дикарей и их примитивные культуры, лучше почитайте об этом в книгах. Я сам не знаток.

— Хорошо, — тихо ответила я, изображая смирение. Изнутри же меня душила злость. Типичный европейский снобизм тех времен. В основном такое мировоззрение жителям Великобритании было присуще, но и капитану оно близко. Ладно, попробуем зайти с другой стороны, спросить про что-нибудь кроме истории и культуры.

Когда Стэфан указал на северную часть Европы, я снова влезла в его монолог.

— Я когда-то видела картину. На ней — длинный, узкий залив, по обеим его сторонам вздымаются крутые скалы, а вода такая глубокая и зеленая, что дух захватывает. Мне сказали, что такие заливы есть вот тут, — я указала на берега Скандинавского полуострова.

Капитан отложил циркуль и еще раз вздохнул. По тому, как раздулись его ноздри, как он прищурился, как напряглись тонкие скулы, я поняла, что он с трудом сдерживает гнев. Сначала мне стало страшно, но боязнь почти сразу сменилась негодованием. Вместо того, чтобы поддерживать разговор, он обрывает меня каждый раз, когда я проявляю хоть какой-то интерес! И как он вообще собирается добиться от девушки взаимности, если не может с ней ни о чем поговорить?

— Леди Эстер, вас интересует навигация или байки старых моряков? Если второе, то обратитесь лучше к коку, он знаток. А я, если позволите, сосредоточусь на науке и расчетах, — голос Стэфана все еще звучал спокойно. Лыдисто, он инеем покалывал кожу, так что по моему телу пробежали мурашки. Я неосознанно выпрямилась и гордо кивнула.

Больше ни одного вопроса капитан от меня не услышал. Из него получился бы отличный преподаватель геометрии: он рассказывал про меридианы и параллели, про градусы и способы определить положение корабля по звездам или с помощью секстанта, и я быстро улавливала суть — по крайней мере, в теории. Но когда он закончил краткий экскурс в штурманское дело, я выползла из его каюты уставшая и выжатая. Как будто мы с ним не

беседовали, а занимались три часа подряд страстным, безудержным сексом.

От мысли о близости с рыболодом меня снова передернуло. Я едва нашла в себе силы, чтобы вежливо попрощаться с ним и отказаться от назойливого предложения меня проводить, и выбралась на палубу. Чтобы попасть в свою каюту, мне надо было спуститься на нижнюю палубу. Но оказавшись снаружи, я замерла, не в силах двинуться с места. Ветер бросил волосы на лицо, я перехватила их рукой, чтобы не мешали обзору.

Стемнело. Огоньки многочисленных звезд отражались в темном море, и казалось, что корабль идет по небу. Только тихий шорох волн напоминал о том, что под корпусом — вода. Ночь стояла безлунная, и в сплошной темноте я запрокинула голову, пытаюсь отыскать знакомые созвездия, но не могла. И только сейчас, стоя под чужими небесами, я поняла, что все происходит на самом деле. До этого не верила, гнала прочь страх и вопросы. Мне казалось, что жизнь вокруг — просто игра, нелепый фэнтезийный спектакль.

Когда я добралась до своей каюты, тело била крупная дрожь. Я, не раздеваясь, завернулась в одеяло, но озноб не проходил. Только через час возни я смогла провалиться в прерывистый сон, но и в нем не нашла покоя.

Спустя месяц жизни на корабле я уже была готова вешаться от скуки. Утром тридцатого дня — я от тоски отмечала проведённые в плавании сутки в тетради, которую мне любезно предоставил капитан — я валялась на кровати без малейшего желания вставать. Крыс свернулся калачиком у меня на животе. С тех пор, как он впервые отправился в море с коком, а потом как ни в чем не бывало вернулся в клетку, я перестала его запирасть, но теперь он хвостом вился за мной.

Мысль об очередной тренировке в компании Стефана раздражала куда больше, чем радовала.

"Держите спину, леди Эстер", "Ваши шутки неуместны для леди, милая! Подумайте, что бы сказал ваш отец!". "Для леди вы знаете слишком много о дикарях"... Он заботился обо мне, на свой манер, и иногда, во время очередного урока в его каюте, бывало, нежно обнимал и утыкался носом в мои волосы. Но больше — ничего. Совместные обеды, беседы ни о чем на палубе по вечерам... все это надоело до тошноты, но выбора нет.

Однако пластаться целый день в духоте — тоже плохая идея. Так что я усилием воли выдернула себя из драмы, натянула порядком потрёпанную тунику и вышла из каюты. Утреннее солнце нещадно жарило палубу, над которой стоял привычный уже запах соли, крыс сидел у меня на плече и отдавливал его, хвостом щекоча лопатку. Завидев Стефана, я сняла грызуна с шеи.

— Я тебе не повозка, чтобы на мне кататься. Иди ка погуляй сам, — с этими словами я опустила Йо на горячие доски, и он тут же припустил куда-то в тень, к шлюпке, накрытой дырявым парусом.

— Доброе утро, леди Эстер, — капитан приобнял меня и не отпускал чуть дольше, чем обычно.

Я пробормотала ответное приветствие, чувствуя, как его холодные пальцы впиваются в моё плечо в отчаянии. Заглянула в водянистые глаза и увидела в них — как всегда — смесь тревоги и надежды. Он вцепился в меня, как утопающий в тонкую веточку, но именно сейчас, рассматривая полосы чешуи, покрывающие почти всю шею, и тонкие трещины жабр, я отчётливо поняла, что не смогу его спасти. Пожалеть — могу, но это ему не поможет.

Не в силах выдержать его взгляд, я отвернулась и уставилась на море, ожидая увидеть безжалостно-ровную полосу горизонта, но заметила вдалеке гору, укрытую утренним туманом.

Сердце подпрыгнуло и замерло.

— Там земля? — дрогнувшим голосом спросила я, указывая вперёд.

— Да, маленький остров, — буднично отметил капитан, наконец отстраняясь.

— Мы будем приставать к берегу? — осторожно уточнила я, опасаясь очередного холодного ответа.

— Зачем? — капитан удивлённо вскинул брови, от которых уже осталась лишь тонкая полоса.

— Можно набрать фруктов и чистой воды, — продолжила настаивать я.

Мне казалось, что этот мир полностью состоит из бескрайнего моря, и теперь, при виде земли — пусть и совсем маленького её кусочка — как никогда захотелось ощутить ногами влажный песок, оказаться в тени зелёной листвы и услышать шум ручья.

— Вы ведь понимаете, что не сможете укрыться там от меня? — спросил Стефан, и может, мне показалось, но в его голосе будто проскользнула ирония.

— Разумеется, понимаю, — фыркнула я, скрепящая на груди руки. — Даже если мне вздумается остаться там, в полном одиночестве, вы доберётесь до меня самое позднее — через семь лет.

— Значит, вы готовы в одиночку заняться пополнением наших запасов?

Капитан определённо пытался издеваться, но меня настолько воодушевляла близость земли, что я не обратила на его потуги внимания.

— Почему бы и нет?

Капитан, поняв всю серьёзность моих намерений, кивнул.

Спустя пару часов корабль встал на якорь в живописной бухте. Я, задыхаясь от восторга, осматривала белый галечный берег, тропический лес и ручей, впадающий прямо в океан. Судя по срезанной верхушке, остров вулканический, но не похоже, чтобы тут недавно происходили катаклизмы. Нетоптаная туристами природа дышала лёгкостью и спокойствием.

Пока Ги и ещё один рыбоподобный моряк — немой и полностью лысый, но с блестящими, хитро бегающими зрачками — гребли к берегу, я с трудом сохраняла спокойный вид. Но как только лодка ударилась о дно, я соскочила в воду — сапоги стянула ещё в шлюпке — и выбежала на пляж.

Камни обжигали стопы, но я наслаждалась и возможностью твёрдо стоять на земле — хоть меня и покачивало — и запахом влажной листвы, который доносился с деревьев в нескольких метрах от пляжа.

Проклятые, конечно, остались в шлюпке, но я видела, каким жадным взглядом Ги осматривает берег. Увы, помочь ему я ни чем не могла.

Первым делом я прошла вверх по течению ручья и обнаружила маленький омут, который наполняет вода из невысокого — в метр — водопада. Путь к нему был почти прямым, так что я за час наполнила пару бочек водой, орудуя ведрами. Матросы плотно закупорили их и выбросили на берег несколько мешков — для фруктов. Набирать слишком много смысла нет: команда со времён проклятья жалуется только рыбу и водоросли, а надолго плоды всё равно не сохранить.

Я натянула сапоги, подхватила один из мешков, рассудив, что и его хватит, и направилась в глубь лесов.

Стоило оказаться под сенью роскошных деревьев, как ноги сами собой замедлились, сознание слегка затуманилось. Я неспешно брела, не забывая то и дело оборачиваться: проверяла, чтобы за спиной всегда поблескивала полоса моря. Ориентир терять не хотелось.

Кок объяснил мне, какие фрукты полезны, а какие — ядовиты, и я шла в поисках нужных деревьев. Но как только заметила подходящее, между ветвями мелькнул силуэт, подозрительно похожий на что-то из моего прежнего мира.

Я оставила мешок под деревом, надломив его крупную ветку, чтобы в случае чего легко найти дорогу назад, и двинулась сквозь заросли. Осторожно миновала колючие кусты, раздвинула несколько причудливо переплетённых лиан и едва не уткнулась носом в каменную лестницу.

Подняла глаза и замерла. Такие строения я видела только на фотографиях и видео в интернете. Ступенчатые пирамиды майя! Конечно, то, что сейчас стояло передо мной, мало походило на выкошенное и вычищенное туристическое место. По поросшему мхом камню тянулись корни деревьев. В разные стороны разбежались глубокие трещины, а сломанная верхушка некогда величественного храма валялась справа, в стороне, и угадать её можно было только по углу и змееподобному каменному узору, торчащему из кустов.

Сердце мерзко защемило. В своих путешествиях я так и не успела добраться до центральной Америки. Как раз собиралась туда после отдыха в круизе. В какой-то степени планы осуществились.

Усмехнувшись про себя от злой иронии судьбы, я взошла на остатки лестницы и огляделась. Стефан показывал мне россыпь мелких островов на карте — их, если я верно помню, в моём мире не было. Да и, мне кажется, Майя не строили так далеко в океане. Однако это не мешало мне прямо сейчас стоять на вершине небольшой площадки, с которой виднелась морская даль и корабль, мерно качающийся на волнах.

Интересно, насколько местные древние народы похожи на наши, земные? И какая их ждёт судьба? Если им покровительствуют настолько могущественные боги, может, их цивилизации не исчезнут под напором европейцев? Как знать.

Я ещё немного постояла, наслаждаясь свежим ветром и шорохом леса, но как бы мне ни хотелось тут остаться, рано или поздно придётся вернуться на корабль. В том, чтобы прятаться от Стефана на острове, я и в самом деле не видела никакого смысла.

Прежде, чем спуститься, я потянулась и отступила на шаг назад. Камни под ногой захрустели и посыпались, и я, не успев отскочить, полетела вниз. Больно ударились спиной о каменное крошево, так что сознание на миг затуманилось, а в ушах зазвенело, но почти сразу смогла сесть. Прислонилась к ближайшей стене и сделала несколько глубоких вдохов, а потом огляделась.

Сверху, из большой расщелины, падал дневной свет, выхватывая из темноты корни деревьев и остатки каменных кирпичей, некогда покрывавших стены длинного тоннеля. Он вёл куда-то вниз и резко поворачивал, тем самым до крайности распаляя моё любопытство.

Я взглянула вверх — на солнце — и убедилась, что сейчас полдень. Стефан же милостиво разрешил мне остаться на острове до вечера, я должна была вернуться не позднее, чем зайдёт солнце. Уж не знаю, как он ночью собрался выводить корабль из бухты, но я его за язык не тянула.

Убедившись, что у меня достаточно времени, я бесшумно нырнула в тёмный лаз, но тут же замерла. Мысль об огромном морском чудовище, которое я видела в первые дни в новом мире, на пару мгновений парализовала меня. Фантазия гигантских огромных пауков и змей длиной в два десятка метров, которые могли таиться под землёй, но, сколько бы ни прислушивалась, я не могла уловить ни одного подозрительного шороха. Меж тем любопытство неотвратимо гнало меня вперёд.

Я добралась до поворота и аккуратно заглянула за угол. Но ничего не увидела, кроме очередного спуска вниз и нового поворота. Так я спускалась несколько минут, всё дальше во тьму, пока полностью не погрузилась во мрак. За очередным поворотом коридор я не увидела ничего, кроме мрака, и решила вернуться на поверхность, чтобы раздобыть огонь. Однако стоило мне сделать пару шагов назад, как тело вдруг отяжелело настолько, что перестало слушаться меня.

— Иди ко мне, — прошипел голос из глубин, и меня обдало сухим, холодным ветерком. — Я направлю тебя.

По телу прокатилась волна ужаса. Хотелось завизжать и броситься назад, но ноги не слушались, а из горла не

вырвалось ни звука. Вместо этого я против собственной воли сделала шаг в темноту. И ещё один, и ещё. Вскоре я перестала видеть перед собой хоть что либо, но тело влекла вперёд неведомая сила, и тихий шёпот крался по земле, призывая меня всё ближе и ближе.

Чем темнее вокруг становилось, тем сильнее я дрожала. Что же делать? Как выкручиваться? Что от меня нужно этому... Нечто?

В тот момент я проклинала и собственное любопытство, и остров, и Стефана, который так не вовремя вдруг решил потакать моим капризам. А голос всё звал, и ноги безошибочно — откуда-то я это точно знала — тащили меня вниз, к основанию пирамиды.

С каждым шагом сознание всё сильнее погружалось в туман. Я уже почти ничего не видела перед собой, кроме серой дымки, и только чувствовала, как ступаю на влажную землю и остатки каменных плит. Но вскоре исчезли и они. По коже пробежала мерзкая дрожь, над головой что-то зашуршало, и я открыла глаза.

Вокруг в ночной темноте вздымались громады тропических деревьев. Их стволы обвивали лианы и мох, от земли поднимался не то пар, не то туман — влажный и холодный. Подняв глаза, я заметила между листьями звезды, которые мерцали слабо, едва просвечиваясь через странную седую пелену.

Я понимала, что всё происходящее — что-то вроде видения, но не могла отделаться от ощущения полной реальности того, что меня окружает. Холод, дрожь по телу и мерзкий ужас, сковавший движения, — всё это совсем не походило на сон.

Страх приковал меня к месту, и несколько мгновений я бездумно оглядывалась, стараясь выровнять обезумевший пульс. Но удавалось плохо, мысли пугались, хотелось кричать и бежать, в то же время я боялась двинуться с места.

Никто ведь меня за руку не тянул в это подземелье. Могла встать и уйти, сейчас бы сидела на корабле и слушала очередную монотонную лекцию о навигации от Стефана. Но нет, проклятое любопытство...

Я вдохнула и резко выдохнула, изо рта вырвалось облачко пара. Не время паниковать.

Собравшись с силами, я сделала пару шагов вперёд и снова огляделась. Я стояла в центре площадки, уложенной каменными плитами, от которой в разные стороны разбежались четыре дороги. В слабом лунном свете я с трудом различала их, но, приглядевшись, поняла, что камни каждой из тропинок выкрашены в разные цвета. Направо от меня уходила жёлтая, налево — красная, назад вела белая дорога, а вперёд — чёрная, едва заметная в темной траве.

Несколько мгновений ушло на осознание, но когда я вспомнила, в каких легендах уже встречала упоминание о таких дорогах, меня пробил крупная дрожь.

— Я — путь владык. Следуй за мной, — шепот поднялся будто от чёрных камней, подтверждая мою догадку.

— Шибальба, — сквозь зубы процедила я, отступая назад, подальше от тёмной тропы. — Мир мёртвых из мифов майя.

В круизе я усиленно готовилась к съемкам нового фильма о центральной Америке. Читала о культуре и истории майя, но все знания совершенно вылетели из головы под напором дикого ужаса. Я вспоминала описания жутких пыточных комнат, в которых жестокие древние боги отделяли души смертных от тел. Дома мрака, летучих мышей, ножей, огня или холода — куда бы ни попал смертный, ему предначертано страдать. И путь в Шибальбу — чёрная дорога, которая сейчас манила меня.

Я отступила еще на шаг и будто приросла к месту. Значит, по чёрной идти нельзя. А куда ведут остальные — я не знаю. Ни в одной из легенд, которые я читала, об этом не сказано. Но если чёрная ведёт к смерти, то можно предположить, что белая — к жизни?

Я сделала ещё несколько осторожных шагов назад и, убедившись, что никто не собирается нападать на меня, повернулась спиной к темным камням. Они зловеще зашипели, будто на них, раскалённых солнцем, пролили холодную воду, но ни слова не донеслось мне вслед, когда я медленно пошла по белой тропе.

Казалось, я прошагала полночи, но луна все висела на одном месте, рядом с одним и тем же созвездием, которое, как объяснил Стэфан, называлось "Роза", хотя походило оно скорее на воздушный шар на ниточке. И когда за очередным деревом я снова увидела развилку и четыре разноцветные тропы, захотелось выругаться. Но я понимала, что это ничем не поможет.

С досады пнула один из крупных камней, он с громким шорохом улетел в кусты. От усталости и безысходности хотелось расплакаться. Но я вытерла мокрый нос, обхватила руками плечи и побрела в сторону другой тропы — на этот раз жёлтой. И уже спустя пару часов снова оказалась на перекрёстке четырёх дорог.

Я вдруг отчётливо поняла, что какую бы не выбрала тропу, она раз за разом будет приводить меня сюда, к центру, и только черная даст новое направление — приведёт меня в зал, где развлекаются, пытая смертных, злобные боги.

Ноги и спину ломило от усталости, хотелось есть, а в горле пересохло. Я села на камни прямо в центре дорог и посмотрела на чёрную. Злые владыки Шибальбы убивали всех, кто им неугоден, и надо обладать колдовством, чтобы справиться с ними.

— Я — путь влад...

— Заткнись! — с досады крикнула я, и камни, обиженно зашипев, и в самом деле погрузились в молчание.

Осознав абсурдность ситуации, я усмехнулась. Холод и туман всё сгущались вокруг меня с каждой минутой, проведённой без движения, так что пришлось встать. И хоть я очень устала, надо продолжать путь. Если не по тропам, значит, по лесу.

Я вскинула голову и ещё раз посмотрела на небо. Нашла взглядом звезду, которую моряки называли "розой мира" — она, самая нижняя в стебле созвездия той самой "розы", указывала строго на север, как земная полярная звезда

Пока я бродила, небо здесь ни разу не накрывали тучи, значит, звезды можно использовать как ориентир. Яркая белая точка вела меня куда-то в лес между белой и красной тропами. Вид густых ветвей и почти непролазных джунглей пугал, но обернувшись, я взглянула на чёрную тропу. Выбор очевиден: перевернув плечами от холода, я углубилась в лесную чащу.

Пробиралась, не щадя кожу и одежду, по высоким кустарникам, которые заполнили всю землю между толстыми замшелыми стволами. На лодыжках, бедрах и запястьях быстро появились порезы, но с каждым шагом становилось немного теплее. Мне показалось, что прошёл примерно час с тех пор, как я двинулась от перекрестка на север. Я искала удобное место для отдыха и заметила поляну между плотной завесой ветвей. Туда и направилась, немного сбиваясь с намеченного курса.

Оказавшись на ровном месте, я оперлась о ствол дерева, ощутила, как к рукам и одежде липнут кусочки мокрой запашистой коры, и хотела уже закрыть глаза на несколько мгновений, но из зарослей вдруг появился человек.

Я вздрогнула и отскочила, но он примирительно поднял вверх безоружные руки и выступил из тени в самый центр поляны.

Я, напряжённая и готовая бежать, немного расслабилась. Передо мной стоял старик с тонкими как сухие ветки ногами и сморщенным, каким-то обезьяньим лицом, покрытым то ли чёрной краской, то ли сажей. Когда он опустил руки и сделал ещё несколько шагов ко мне, я заметила, что его ладони висят почти на уровне колен.

— Кто ты? — спросила я в надежде, что странный человек поймёт меня.

— Ксамен Эк — таково для тебя моё имя, — ответил старик на удивление сильным голосом. — Я — бог дорог. Тот, кто указывает путь.

Человек, вернее, бог, если верить его же словам, замолчал и внимательно оглядел меня.

Сейчас страх немного отступил, и я почувствовала, что уже не дрожу и даже почти согрелась, однако усталость давала о себе знать. Я вернулась к дереву и села на торчащий из-под земли корень. Старик подошёл и опустился рядом.

— Ты шла к Северной звезде. Я подумал, что ты идёшь меня, — продолжил древний бог.

— Я... — я хотела сказать, что просто искала выход, но старик выглядел таким древним и одиноким, что я решила немного приукрасить правду. — Да, искала тебя. Чтобы узнать, куда идти. Как выбраться отсюда.

Ксамен Эк окинул меня внимательным взглядом и удовлетворённо кивнул.

— Мудрый выбор. Лучшего компаньона, чем я, тебе не сыскать, — произнёс он величественно, потирая подбородок.

Я невольно улыбнулась. Значит, конкретно этот божок страдает непомерным самолюбием. Хотя я ничего не слышала о нём, когда изучала земные легенды майя. Может, он был совсем малозначимым или существует только здесь, в моей новой реальности?

— Я уверена, что для столь... особенного божества показать мне выход — простейшее дело, — поддакнула я, внимательно наблюдая за реакцией старика.

Он приосанился, кажется, даже немного увеличился в размерах, и гордо кивнул.

— Это так, но за всё надо платить. А тебе, пришедшая издалека, платить вдвойне, — вдруг резко посерьезнев, припечатал он.

— И что ты хочешь взамен?

Я поерзала на корне, страх и нервная дрожь снова вернулись. Что там требуют от подчинённых американские боги: человеческих жертв, вырывания сердец из груди живых пленников? Когда я вспомнила старый фильм, в котором все эти процессы демонстрировались наглядно, меня передёрнуло. А древний божок хитро усмехнулся. От этого его глаза стали похожи на две щели в потрескавшейся древесной коре.

— Первая цена — за возвращение к жизни. Однажды ты уже получила такую возможность — безвозмездно. За вторую заплатишь своей способностью даровать жизнь. От этого я тебя уберечь не смогу — таков удел любой женщины, которой удастся выйти из Шибальбы, — торжественно заявил старик.

— То есть, выбравшись отсюда, я стану бесплодной? — на всякий случай уточнила я.

— Можно сказать и так, — Ксамен Эк дёрнул плечами, недовольный моей прозаичностью. — Так что подумай. Может, лучше остаться здесь, чем платить столь высокую цену?

Старик сверкнул острым взглядом, но я тут же помотала головой.

— Я хочу вернуться.

На самом деле, о потенциальном бесплодии я подумала даже с некоторой долей радости. Ведь насколько я поняла, в моей новой реальности действенных средств контрацепции ещё не изобрели, а дети мне — без крыши над головой, без родных и знакомых, без денег — совершенно ни к чему.

— Тогда ещё кое-что, — не унимался Ксамен Эк, видимо, дорвавшись до общения с живой душой впервые за очень долгое время.

Я кивнула, готовая выслушать любое его условие.

— Ты забереешь меня с собой, в мир живых, — торжественно объявил он.

Я удивлённо уставилась на странного бога.

— Не спеши отказываться, — тут же замахал он руками и снял с шеи золотой амулет — кольцо с заключённой в нём классической восьмиконечной "Розой ветров". — Там, среди людей, я не могу иметь живое тело, но могу укрыться в какой-нибудь вещи. Например, вот тут.

Не церемонясь, старик повесил побрякушку мне на шею. Я не успела отшатнуться и покосилась на украшение, диаметром не больше фаланги пальца, но выполненное очень искусно.

— Я в долгу не останусь, — бог масляно улыбнулся, демонстрируя ряд совершенно здоровых, хоть и желтоватых зубов. — Я дарю тебе своё благословение — великую силу. Ты сможешь без компасов и карт, не глядя ни на звезды, ни на солнце, всегда находить дорогу к тому, что ищешь.

Я стояла, оглушенная горой новой информации, которая так неожиданно свалилась на меня. Значит, вернувшись из Шибальбы, я получаю в нагрузку к третьей жизни бесплодие, амулет с заточенным в нём древним богом и способность чувствовать направление? Не так уж и плохо, особенно если учесть, что ещё полчаса назад я морально готовилась страдать в одной из пыточных комнат мира мёртвых.

— Ну как, согласна? — древний бог как-то быстро растерял всю свою надменность и важность, и теперь стоял, вглядываясь в моё лицо.

Заметив, как алчно блестят его глаза, а рот растягивается в слащавой улыбке, я осознала, насколько сильно он хочет выбраться отсюда.

Я несколько мгновений колебалась, не решаясь согласиться. Хоть выбора у меня и нет, боги майя — опасные хитрецы и интриганы. Но если я почувствую угрозу, всегда смогу выбросить амулет с заточенным в нём божеством в море — и ничего не потеряю при этом.

— Согласна, — наконец, выдохнула я вместе с очередным облачком пара.

— Тогда идём, — Ксамен Эк взял меня за руку, а в следующий миг лес перед глазами поплыл, и я почувствовала, что лежу, подтянув колени к груди, в душном и узком коридоре.

Выбравшись из подземелья, я утерла со щек слезы, которые проступили от слишком яркого света, и опустила глаза. На груди всё ещё болталась красивая подвеска в виде розы ветров — единственное доказательство того, что я и в самом деле побывала в потустороннем мире.

От воспоминаний о ночном холоде и зловещем перекрёстке четырёх дорог плечи непроизвольно дернулись. Тело ломило так, будто я действительно шагала всю ночь напролёт, но, может, ноги просто затекли в неудобной позе.

Прикрыв глаза рукой, я взглянула на небо. Судя по солнцу, которое теперь куталось в шаль лёгких перьевых облаков, я валялась без сознания примерно два часа.

Потянувшись, размыла гудящие ноги и, оглянувшись со смутной тоской на развалины пирамиды, углубилась в духоту тропического леса. Уверенно добралась до дерева, под которым оставила мешок, и, собрав в него фрукты, двинулась к маленькому омуту, который заметила, пока запасалась питьем. Я не собиралась упускать возможность искупаться в пресной воде.

Пока шагала, не особенно задумывалась о том, куда иду — смотрела на высокие деревья и яркие цветы, но оказавшись возле большого водопада, вдруг осознала, что дар Ксамен Эка работает.

Стягивая с себя потную одежду и погружаясь в прохладную проточную воду, попыталась отложить суетливые размышления на потом, но открывшиеся возможности не давали покоя: эта новая способность в комплекте с теми знаниями о навигации, которые даёт мне Стэфан, — отличный пропуск на любой корабль в качестве штурмана! Я могу искать клады, украденные вещи, и может, даже преступников. Отличный талант, я много где смогу его применить. Главное, не напороться на инквизицию, если она есть в этом мире, и сделать себе хорошую репутацию. Интересно, а Атлантиду я смогу найти, если задамся такой целью?

За потоком мыслей я не заметила, как погрузилась в лёгкую дрему, из которой меня вырвал тихий смех где-то в глубине сознания.

"Прими моё благословение и носи его с гордостью, смертная. Тебе предстоит ещё многое постичь", — проскрипел в голове старческий голос.

Я удивилась не его звучанию, а скорее тому, что не испытала при словах Ксамен Эка никаких эмоций: ни страха, ни шока. Только вздохнула и выбралась из воды.

"Ты теперь постоянно будешь говорить со мной?" — так же мысленно спросила я, подставляя лицо и тело солнечным лучам, чтобы быстрее высохнуть.

"Время от времени, если сама попросишь. Я не стану лезть в твои дела, хоть ты теперь и моя жрица. Всё, что мне нужно — это покой".

Я кивнула, хоть бог не мог видеть этого движения, и, пройдясь туда-сюда вдоль края омота, потянулась за одеждой. Натягивала горячую тунику и завязывала волосы в низкий пучок, и кожей чувствовала какой-то подвох. На мгновение захотелось сорвать амулет с шеи и бросить в воду. Но я сдержала первый порыв, а потом успокоилась. Пока что эта способность может мне помочь, а потом — видно будет.

Однако даже оказавшись в шлюпке, я интуитивно ощущала что-то темное, легкий флер нависшей надо мной угрозы, незнакомую прежде тяжесть вопросов, которые ещё не задала и на которые боялась не найти ответов.

Ещё не поднявшись на корабль, я услышала голос Мариоты:

— ... мы потеряли целый день! И всё ради прихоти какой-то...

Стоило мне выпрямиться на палубе в полный рост, как лекарка замолчала и прошлась по мне злобным взглядом. Капитан вообще никак не отреагировал на её слова — только сдержанно улыбнулся мне, развернулся и ушёл.

— Ваши похождения, леди Эстер, никак не помогут нам в избавлении от проклятья, — процедила Мариота, опираясь о борт.

— Ваша зависть тоже не поможет, — спокойно ответила я.

За время плавания я смирилась с тем, что все попытки наладить хотя бы нейтральное общение с единственной помимо меня женщиной на корабле совершенно бесполезны. Но о причинах её враждебности я так ничего и не смогла вспомнить. И вообще больше ни разу не видела снов о прошлом, так что до сих пор слабо представляла себе Эстер и её жизнь до того, как она оказалась в плену Стэфана.

Крыс скользнул по палубе белой молнией и быстро вскарабкался на моё плечо. Мариота скривилась и поспешила отойти, а зверёк, ничуть не смутившись её брезгливостью, уронил мне в руку круглый камешек.

Я машинально сжала его в ладони и направилась в каюту — очень хотелось упасть на кровать и не подниматься часов пятнадцать. Только когда я удобно устроилась на жёстком матрасе, а крыс свернулся калачиком на животе, поднесла к глазам и получше разглядела подарок Йо.

Оказалось, что крыс притащил вовсе не камешек. Матовая жемчужина приятно поблескивала в полумраке, и из-за розоватого отлива перламутра она казалась особенно нежной и хрупкой.

Вдруг в памяти что-то всколыхнулось, проскользнул отрывок прошлого, но я не успела ухватить его целиком. Вспомнила только колечко с розовой крупной жемчужиной, но отчего-то жуткая боль — не моя, Эстер, — снова растеклась в груди и стала пульсировать с такой силой, что на глазах проступили слезы. Как же странно все-таки жить в чужом теле и чувствовать настолько непривычные реакции.

Но крыс молодец. Я погладила мягкую шерстку, и Йо завозился под моей рукой, вытягиваясь в полный рост.

— Молодец. Если найдешь ещё — приноси.

Я убрала жемчжину в маленький бархатный кошелек, расшитый тонким цветочным узором из позолоченных ниток, и спрятала его за голенище высокого сапога. Наверное, жемчуг здесь, на островах, стоит дёшево, но какие-никакие, а первые деньги. Они очень пригодятся после побега, если мне всё же удастся его совершить. В том, что совершить его необходимо, у меня уже не осталось никаких сомнений.

— Ты прекрасна, — прошептал рыжий офицер почти в шею, и по коже побежали мелкие мурашки удовольствия. — Я обязательно вернусь к тебе, очень скоро.

Долгий поцелуй, и ещё более долгие объятия прежде, чем статный молодой моряк выбрался через окно в сад и исчез в ночной темноте.

А я ещё долго смотрела, как ветер качает тёмные листья деревьев, прижимая к груди кольцо с крупной жемчужиной, которое он подарил сегодня в этом самом саду, на заднем дворе.

Дни пролетали за днями в ожидании новой встречи, пока в одно дождливое утро на пороге виллы не появились двое — тот самый офицер вёл под ручку прелестную блондинку. Тонкая, как колосок пшеницы, она звонко смеялась, её глаза сверкали чистотой горного родника.

— Моя невеста, — буднично представил её молодой моряк, а потом повернулся к моему отцу, чтобы обсудить какие-то дела.

Чай не лез в горло, набухшее слезами, холод и дрожь бежали по телу, болью разрывалось раненое сердце.

Потом — снова мутная пелена рыданий до хрипоты и голода. Где-то в кустах затерялось выброшенное жемчужное кольцо. Совсем не трогали громогласные отповеди отца, который от служанок узнал обо всём. Раньше

губернатор острова казался мне жутко строгим, но теперь пелена отчаяния застилала всё, приглушала чувства, и праведный гнев отца доносился до меня лишь отголосками.

В одно утро низкие тучи висели над землёй, грозясь вот-вот разродиться дождём. Отец вошёл в комнату, решительно размахивая каким-то письмом, и встал над моей кроватью — я едва успела натянуть одеяло повыше — ещё не поднималась с постели, и не имела ни сил, ни желания вставать.

— Капитан "Летучего Голландца" Стэфан Уиллис требует, чтобы в этом году вместе с процентами я отдал ему тебя. Что мне делать с тобой, неразумная дочь? — прогудел отец, бледный и, кажется, немного напуганный, похожий на гипсовый памятник самому себе.

— Примите его условия, отец. Я обесчещена и обманута, мне нет больше места в этом доме, — собственный голос звучал как будто со стороны, но в нём сквозила полная убеждённость.

Я очнулась и рывком села на кровати, даже не открыв глаза. Сердце билось часто, но в груди уже ничто не сжималось от нестерпимой боли.

Йо из-за резкого движения скатился на пол и, недовольно рискнув, забрался обратно по покрывалу, половина которого свесилась с матраса. Я подхватила зверька и пересаживала на подушку — всё равно не усну, пусть хоть он подремлет — а сама спустила ноги на пол.

Пока приводила себя в порядок, в мыслях то и дело всплывали фрагменты сна. Значит, Эстер предал её возлюбленный, и ей в шоковом состоянии уже казалось неважным, куда идти, что делать и даже — с кем спать. Может, немного позже, когда она поняла, куда именно попала и какая её ждёт судьба, решила покончить с собой. А может, бросилась в море оттого, что не смогла полюбить Стефана и боялась гнева команды?

Чтобы проветриться, я выбралась на палубу и глубоко вдохнула. По небу тяжело тащились густые клубы облаков, ветер стал прохладным, а на воде усиливалась рябь.

— Шторм сегодня будет, леди, — пояснил Ги, возникший за спиной будто из ниоткуда. — Возьмите на камбузе побольше еды — может, не на один день затянется, вам ведь придётся всё время в каюте сидеть.

Простодушие вечного юнга вызывало улыбку. За всё время на корабле я и в самом деле не стала частью команды, почти ни с кем здесь не сблизилась — даже со Стефаном, но относились ко мне неплохо. Почти все, не считая Мариоты.

Делать всё равно нечего, капитана на палубе не видно, значит, сейчас он занят и тренировку по фехтованию решил отложить, так что я неторопливо направилась к коку.

Постучала, но он не ответил. Тогда приоткрыла дверь на камбуз и заглянула внутрь.

Старик сидел за столом, прижимая руки к лицу, и мелко покачивался взад-вперёд в такт движению корабля. Я, нарочито громко топая, подошла ближе и села на табурет напротив. Рыболод вскинул голову, и первые несколько мгновений смотрел на меня пустыми глазами. А когда узнал, расплылся в широкой улыбке, обнажая ряд зубов, которые выглядели теперь гораздо острее, чем месяц назад.

— Что-то случилось? — без предисловий спросила я, вглядываясь в побелевшие глаза, в которых почти ничего уже нельзя было рассмотреть.

Старик пожевал губы, попытался сцепить покрытые чешуёй пальцы рук, но перепонки ему помешали. Тогда он спрятал ладони под столешницу и отвёл взгляд. Я продолжала смотреть на кока в упор, дожидаясь ответа. Старик раньше всегда был весел, и казалось, не замечал, как чешуя покрывает всю его кожу, взгляд затуманивается, и все вокруг делали вид, что его ежедневные многочасовые "купания" — это абсолютная норма. Но я видела, что что-то не так, и теперь явно настало время всё прояснить.

— Море зовёт, — наконец, не выдержав, признался кок.

— Что это значит? — решила уточнить я, впрочем, уже догадываясь, какой получу ответ.

— Проклятье — не игра и не блеф. Я старик, дольше всех на этом корабле, к тому же, чаще всех нырял в море. Так что и в рыбу превращаюсь быстрее остальных, — начал объяснять кок, и с каждым словом жабры на его шею натужно вздувались. — Рано или поздно мне придётся навсегда уйти на дно. И всем им — тоже.

Кок кивнул куда-то в сторону палубы, потом подпер подбородок рукой и прикрыл глаза.

Я вздрогнула, хоть на камбузе почти всегда тепло, и ещё раз внимательно оглядела рыболода — уже почти рыбу и совсем не человека. Может быть, мне показалось, но в жёстких складках под глазами блестели слезы.

— А что... потом? — тихо спросила я и тут же прикусила язык. Человеку плохо и, наверное, страшно, а я со своим проклятым любопытством.

— Я не знаю, — кок пожал плечами и провёл рукавом по лицу. — Я ведь не только внешне на рыбу похож. Память уже подводит, и чувства, знаешь, как будто меркнут. Мне страшно, но через пару минут уже всё равно. Наверное, когда окажусь в море, я вообще забуду, что когда-то был человеком. Или мне будет на это наплевать.

Не зная, что делать с такой откровенностью, я накрыла своей ладонью чешуйчатую, перепончатую руку старика. Он поднял на меня взгляд влажных глаз и снова вздохнул.

— Я знаю, что ты не спасёшь нас, девочка. Меня так точно. Капитан и себя терзает, и тебе жизнь сломал, да только без толку всё это. Беги, пока можешь бежать. А не то... — старик замолчал и пошире развёл пальцы, демонстрируя плотные перепонки между ними.

Ещё несколько мгновений мы сидели в тишине. Потом старик вскинулся, вскочил из-за стола и подошёл к одной из бочек.

— Что это я слюни распустил, старый пень. На вот, возьми воды, рыбки и фрукты. Не знаю, сколько тебе придётся сидеть в каюте, так что запасайся.

Кок засуелся, собирая целую гору припасов в чистый, мной лично стиранный мешок, но всё это время старался не встречаться со мной взглядом. Я наблюдала, как он заботливо вкладывает поверх фруктов те самые водоросли, которые придают воде привкус апельсинов, и украдкой смахнула со щеки слезу.

— Может, в последний раз, — сказал старик, передавая мне мешок. — В конце концов, я всегда любил плавать.

— Не в последний, — я слабо улыбнулась, хоть и сама не верила своим словам, и вышла из камбуза.

К горлу отчего-то снова подкатывали слезы, погода стремительно испортилась под стать настроению. Когда я вошла в общую для офицеров каюту, не сразу услышала, что кто-то тихо всхлипывает в углу справа. Но когда обернулась, поняла, что под окном, в темноте, на полу сидит Мариота. Я сделала два шага к ней и наклонилась.

— Что слу...

— Уходи! — крикнула она, поднимая заплаканное лицо. Опустив взгляд, я заметила, что в руках она сжимает клоки собственных волос — уже не золотые, а безжизненные, напоминающие сухую древесную кору.

— Ну, что уставилась?! Проваливай!

Я даже не вздрогнула. Опустила свою ношу, присела рядом с лекаркой и — неожиданно даже для себя — крепко её обняла. Ожидала, что морячка будет отбиваться, но она лишь уткнулась носом мне в плечо и смачно всхлипнула.

— Всё из-за тебя, — почти пробулькала она, втягивая соплю. — Ты... Не любишь его, а он такой... Такой...

— Я не заставляла вас бегать от проклятья богинь, — вяло возразила я, поглаживая Мариоту по остаткам некогда густой шевелюры.

Её нападки никогда не задевали меня, а теперь я, кажется, начала понимать их причину.

— И каков же, по-твоему, капитан? — с усмешкой спросила я, пытаясь хоть немного отвлечь лекарку.

— Он всегда такой спокойный — и раньше таким был, ещё до проклятья. И точный, и прямолинейный. Никогда не говорит лишнего, но если и говорит, то всё понятно. Он заботился обо всех нас. Хотел избавить от этого, — морячка показательно провела рукой по полосам чешуи на висках. — С ним рядом так хорошо, я...

Мариота покраснела и замолчала.

— Так может, у тебя снять проклятье получится лучше? — я постаралась придать голосу шутливый тон, но спрашивала вполне серьёзно.

Лекарка, едва успокоившись, снова разрыдалась.

— Его может спасти только любовь человека, а я — рыба.

Мариота спрятала лицо в ладонях и ещё раз громко всхлипнула. Я немного отстранилась от неё, но всё ещё поглаживала по дрожащей спине.

— Откуда вы об этом знаете? — этот вопрос вертелся на языке ещё в тот раз, когда капитан запретил мне работать на корабле, но тогда я не решилась его задать.

Морячка резко замолчала и подняла на меня опухшие, но всё ещё вполне человеческие глаза. Но смотрела она не вперёд, а будто в глубины собственной памяти, пытаюсь отыскать там ответ.

— От к-капитана, — наконец, пробормотала она, но на её лице я заметила искру надежды. — Но сами ведьмы такого вроде бы не говорили.

Может, та старуха, которая поведала Стефану обо мне, навязала ему эту дурь? Надо бы спросить у него самого, но сейчас лучше не отвлекать.

Тем временем Мариота что-то обдумала, посмотрела на меня серьёзно и как-то слишком спокойно, и бросила на пол клоки волос.

— Я могу хотя бы попробовать. От тебя толку всё равно никакого, — заключила она, поднимаясь.

Я невольно улыбнулась, глядя, как она уверенно шагает к двери своей каюты. Ни тебе "спасибо", ни "извини за грубость". Видимо, характер у неё такой, и обижаться на столь беззащитное существо почему-то не получалось. Мне вдруг стало жаль и её, и всех остальных, даже Стефана, но гораздо сильнее жалости в груди клокотал страх: что будет со мной, если вся команда уйдёт с корабля, когда он будет в открытом море?

Но предаться панике мне помешал капитан. Он вошёл в каюту, громко хлопнув дверью, и, заметив меня, приблизился.

Сел за широкий стол, который обычно использовали и как обеденный, и как рабочий, и аккуратно накрыл ладонями мои запястья.

— Вы встревожены, — тихо заметил он. — Что-то случилось?

Я не решилась сразу поднять на Стефана глаза. Несколько раз моргнула, убеждаясь, что слезы не покатятся рекой, стоит мне только расслабиться, и лишь после этого посмотрела на моряка. Он, как и остальные, всё сильнее покрывался золотыми чешуйками.

— Ничего особенного, — уклончиво ответила я.

Проклятье для него не новость, а мои истерики тут явно никому не нужны. Да и вообще, с чего вдруг такая забота о чувствах моей скромной персоны?

— И всё же вы расстроены, — продолжал настаивать Стефан.

подавив тяжёлый вздох, я лишь покачала головой. Тогда капитан поднялся, увлекая меня за собой, и, к моему удивлению, крепко обнял. Я постаралась унять нервную дрожь в теле и расслабиться, но почему-то не получалось. Хотела вырваться, но остановилась.

Дам Стэфану последний шанс. Если и на этот раз ничего не почувствую, тогда надо будет как-то заканчивать этот спектакль.

Будто кожей ощутив мои намерения, Стефан едва заметно коснулся шеи, убирая с неё влажные от ветра и брызг волосы.

— Пока вы на моём корабле, вам нечего бояться. Я смогу вас защитить, — прошептал он почти на ухо.

Я инстинктивно сжалась. В любой другой ситуации такой момент мог бы оказаться интимным и волнующим, но холодный, совершенно бесчувственный голос Стэфана, его гладкие руки и раздражающе-спокойный взгляд никак не настраивали на романтику.

— Может и так. По крайней мере, до тех пор, пока вы сами находитесь на этом корабле, — мрачно отозвалась я, немного отстраняясь.

— Значит, вы тоже беседовали с коком, — констатировал Стэфан с лёгкой злостью, но меня не отпустил.

Я кивнула и хотела снова опустить глаза, но капитан поднял моё лицо за подбородок, наклонился. Я ощутила прикосновение его холодных, влажных губ, лёгкое, совсем не требовательное, но и не волнующее. Никаких эмоций, кроме желания отстраниться, поцелуй не вызвал, и я не нашла в себе силы на него ответить.

Стэфан первым сделал шаг назад, но всё ещё держал меня за руку.

— Что-нибудь чувствуете? — спросил он, и голос дрогнул от лёгкого волнения.

Я лишь покачала головой.

— Простите, — с этими словами вырвала свою ладонь из его и, развернувшись, стремительно направилась к каюте.

Он не стал звать меня и замер. Я чувствовала на спине его напряжённый взгляд, но обернуться не решилась.

Заперев дверь своей тесной обители, я облокотилась на неё спиной и медленно выдохнула. Да, я прямо сейчас совершенно честно расписалась в полной неспособности хоть как-то помочь Стэфану и команде, и теперь колени дрожали от ужаса, когда я думала о том, что моряки могут со мной сделать. Похоже, и третья моя жизнь оборвётся быстро и бессмысленно.

Шторм так и не начался. Проснувшись на следующее утро, я обнаружила, что корабль не раскачивается на

огромных волнах, а идёт тихо и спокойно, будто катится на колёсах по земле.

Вскочив с кровати, я, слегка помедлив, все же поспешила на палубу, но прежде, чем успела выйти из каюты, заметила, что крыс вжался в подушку и поблескивал оттуда испуганными глазами.

— Что такое, Йо? — пробормотала я, приближаясь к нему.

Протянула руку и зверёк, ощутив поддержку, тут же вскарабкался мне на плечо. Прижался к шее, щекоча кожу под ухом, распушил шерсть и замер.

От его поведения стало не по себе. Я с опаской прислушалась, но снаружи, как обычно доносились выкрики матросов и шум волн, трущихся о борта корабля.

На палубу я выбралась не так уверенно, и тут же оказалась в клубках густого тумана, из-за которого не видела не то, что верхушки мачт и "воронье гнездо", а даже нос корабля.

Ожидала, что меня тут же схватят, свяжут, а то и просто выпустят в лоб пулю, но Ги приветствовал меня веселой улыбкой, пробегая мимо, а остальные и вовсе не заметили моего появления. Похоже, Стэфан не собирался меня убивать. По крайней мере, прямо сейчас.

Мокрый холод пробрался под одежду, я огляделась и заметила слева едва различимые очертания большого судна.

Стэфан стоял на капитанском мостике, и я поспешила подняться к нему. Двигалась как можно быстрее не только из любопытства, но и чтобы банально согреться.

— Что это? Нас снова нагнал Федерик Мариет? — я повела рукой вокруг, указывая в вездесущий туман.

— Доброе утро, леди Эстер, — как ни в чем не бывало ответил капитан. — И Фрэдрик тоже, но причина тумана в чём-то ином.

Я мелко дрожала и беспокойно огляделась, мерзкое предчувствие не давало расслабиться. Неосознанно несколько раз провела рукой по пушистой шерстке Йо, но ему это не понравилось, так что вскоре я почувствовала, как острые зубы впились в мой палец.

— Не капризничай, — легонько щелкнула пальцами над ушами крыса, даже не касаясь его, но зверёк всё равно зашипел.

Я вздохнула. Он раньше никогда не вёл себя так — наверное, чего-то очень боится. Но чего?

Я снова огляделась, но увидела только бесконечную стену тумана.

— Не волнуйтесь. Фрэдрик выведет нас из полосы тумана, и вместе мы доберемся до Монсеррата примерно через неделю, — вдруг сказал Капитан.

— А зачем нам на... — попыталась уточнить я, но под его тяжёлым взглядом замолчала.

— Доберемся — тогда и узнаете, — пресёк все расспросы Стэфан.

Я отвернулась и уже собиралась спуститься в каюту, чтобы не мёрзнуть зря и не слышать развязный голос Фредерика, но где-то впереди раздался громкий рёв.

Все, кто стоял на палубе, разом вздрогнули и повернулись на жуткий звук, но не увидели ничего, кроме всепоглощающего тумана.

На несколько мгновений я замерла, потом покосилась на Стэфана. Он всё ещё сохранял внешнюю невозмутимость, но по напряженным скулам и глубокой морщине между бровей я понимала, что происходящее его беспокоит.

Спустя примерно минуту рокот повторился, а потом сквозь туман прямо перед собой, всего в нескольких метрах от корабля я увидела, как к нам приближается огромная тень. Я оцепенела, и не в силах двинуться с места наблюдала за тем, как вскидывается огромное круглое тело, как мачту медленно обвивает огромное щупальце.

Матросы уже стреляли. Гром новых и новых залпов раздавался над палубой, но кракен даже не замечал потуг команды. Лишь сжал щупальца сильнее, и я услышала, как трещит под его напором дерево мачты.

— Какого... — я не успела договорить, когда ещё одно щупальце обрушилось на палубу.

Стэфан оттолкнул меня ближе к борту, и только после этого я, будто очнувшись от сонного оцепенения, вздрогнула и ещё раз оглянулась по сторонам.

Тело пробил дрожь, когда я увидела, как толпа моряков раз за разом палит в чудовище, не причиняя ему почти никакого вреда. Но пришлось сжать кулаки и слой воли заставить себя успокоиться.

Что же делать? Что же может мне помочь?

Едва осознавая, что делаю, побежала по палубе. Внутреннее чутьё, подаренное Ксамен Эком, вело куда-то. Как мне казалось, к решению моих проблем, но в итоге остановилась я в трюме, у запасных ружей. Дальше меня уже не тянуло. Значит, здесь.

Я подхватила оружие и быстро зарядила его — Стэфан учил меня и этому. Слыша рёв где-то над морем, прошла ещё раз туда-обратно между бочками и ящиками, и заметила под очередной старой парусиной кадки с порохом. Их бы хватило, чтобы подорвать такую огромную тушу, но как это сделать?

Я задумалась на миг, а в следующий над головой уже раздался оглушительный треск и ругань. Надо

выбираться, пока меня тут не завалило.

Я поспешила обратно на палубу и выбралась как раз в тот момент, когда слева раздался грохот, и в мягкое тело огромного гниющего осьминога врезалось пушечное ядро. Чудовище взревело, запрокинув голову, очередное щупальце с размаху опустилось на палубу, придавливая нескольких моряков. Жалобно заскрипели под его тяжестью доски, но пока не сломались, — уже хорошо.

Несколько матросов начали резать мягкую плоть клинками, но только сильнее злили тварь. Я же, перемахнув через мерзкую конечность, пробралась ближе к носу корабля. Тут уже стоял Стэфан, тоже с ружьём наизготовку, и целился куда-то вверх. Заметив меня, он махнул рукой и указал на голову кракена.

— Сейчас будет ещё один залп. Туман рассеется, и тогда — стреляй в правый глаз! — крикнул он, и я тут же прицелилась.

Ожидание показалось невероятно мучительным. Секунда, две, пять — и всё под булькающие крики и ругань рыболодов. Наконец, пушки Фредерика загремели снова, ядра разорвались, обжигая влажную кожу монстра, но всё ещё не причиняя урона. Блеснул в рассеявшейся дымке мутный, крупный глаз, и я, задержав дыхание, выстрелила.

"Только бы попасть!" — запоздало подумала я, глядя, как глазницы чудовища взрываются кровью. Над морем разнёсся жуткий рёв, даже туман вокруг, кажется, дрогнул, а мне на миг стало жаль бесполое животное. Но капитан толкнул меня назад, к мостику, и я тут же забыла про сантименты. Мы бросились к команде, пока кракен беспорядочно размахивал щупальцами. Я едва успела пригнуться, пропуская одно из них над головой, но вскрикнула, и другое тут же с силой обрушилось на меня.

Я повалилась на скользкую палубу, чувствуя на ногах огромную тяжесть мягкой плоти. Ружьё выпало из рук, но я тут же схватила его, и, хоть перезарядить и нечем, крепче сжала в руках.

— Эстер!

Стэфан подскочил ко мне и со всей силы рубанул по щупальцу саблей, но от этого оно только усилило хватку. Я вскрикнула, и чудовище потащило меня по палубе. Я с силой раз за разом втыкала в присоски штык ружья, Стэфан не прекращал резать тварь, почти вырывая из неё куски, и чем ближе я оказывалась к носу корабля, тем больше остервенения появлялось в моих попытках освободиться.

Снова загрохотали пушки, но я, не обращая на них внимания, продолжала биться, уже почти истерично.

— Давай же, тварь. Вы, осьминоги, ведь отбрасываете щупальца, если их схватить! — крикнула я, вдруг припомнив отрывок из книги Жана Кусто.

Стэфан замер на миг, удивлённо уставившись на меня, и я прикупила язык. Наверное, о таком здесь никто не знает.

Но капитан не стал ничего спрашивать. Вместо этого на несколько мгновений исчез из поля моего зрения. Я ещё раз вонзила штык в огромное туловище, но добилась лишь того, что тиски его объятий снова усилились. Я зашипела: казалось, сейчас вот-вот переломятся пополам кости, но слева Стэфан вдруг крикнул кому-то "Помогай!", а в следующий миг прямо перед моим носом на щупальце обрушился один из обломков мачты. Осьминог конвульсивно дёрнулся, его "рука" на мгновение сдавила мои ноги, но когда я вскрикнула, то ощутила, как хватка немного ослабевает. Тут же поползла назад, руками, а потом и ногами отталкивая от себя плоть, которая все ещё бессмысленно билась о доски — но уже отдельно от огромного тела.

Осьминог заклокотал и всем весом навалился на палубу — за то время, пока я боролась с его частью, уже половина его щупальцев лежала на корабле. Рот с клювом разинулся в паре метров от бушприта — вернее, обломка этой мачты, торчащего на носу корабля.

Недолго думая, я вскочила. Ноги свело, и я едва не свалилась снова, но устояла и побежала к капитанскому мостику, молясь, чтобы очередной пушечный залп не испортил мой план.

Всего за несколько мгновений я взлетела по лестнице и закричала так громко, как только могла, подавая чудовищу сигнал. Оно дернулось вперёд, на звук, и с размаху насадило собственное тело на острый деревянный обломок. Что-то забулькало в глубинах его тела, по палубе от щупалец растеклись пятна вонючих чернил, но чудовище продолжало дёргаться, бить корабль и даже пыталось вырваться, и от каждого нового рывка назад палуба дрожала под ногами.

— На носу — склад пороха. Если взорвать... — закричала я Стэфану, но он не дослушал, поняв мою мысль на середине.

— Всем покинуть корабль! Это приказ! — рявкнул он так громко, что я дёрнулась в сторону. И не успела прийти в себя, как капитан, не церемонясь, толкнул меня за борт.

Я инстинктивно сжалась и почти сразу почувствовала, как погружаюсь в холодную воду.

Вот засранец! А вдруг я боюсь или плавать не умею?

Но возмущения я решила составить на потом. А сейчас, не оглядываясь, погребла в сторону корабля Фредерика, с бортов которого уже спустили канат для более проворных пловцов, успевших добраться до союзного судна быстрее.

Побарахтавшись в соленой воде, я зацепилась за спасительный трос и поползла наверх. Когда поднялась до середины корпуса, сзади раздался взрыв, такой громкий, что заложило уши. Спину обдало жаром, меня толкнуло вперёд, нос впечатался во влажную древесину. Я выругалась сквозь зубы, крепче стиснула канат.

Оглянулась только после того, как почувствовала, что ноги хоть и дрожат, но крепко стоят на палубе. Корабль пылал, кракен — вернее те ошметки, которые от него остались — бессмысленно дергался, погружаясь вместе с обломками судна в потемневшую от его чернил воду.

— Как себя чувствуешь, рыбка? — спросил кто-то справа, и, повернувшись, встретилась глазами с ясным взглядом Фредерика.

— В отличие от вас, капитан, я вполне человек, — огрызнулась я по привычке, но тут же устыдилась собственной грубости. В конце концов, я теперь на его корабле, и никуда мне отсюда не деться, по крайней мере, до тех пор, пока не пристанем к ближайшему порту.

— Если вас не устраивает моё общество, можете вернуться в море, леди, — фыркнул Фредерик, но как-то беззлобно.

Я бы сказала что-нибудь в ответ — из принципа, но через борт ловко перемахнул Стэфан, и тут же стянул с себя мокрый бушлат, оставшись в одной рубашке — тоже мокрой, совершенно не скрывавшей новых полос чешуи на спине и боках. Перебросил плащ через согнутую в локте руку, повернулся к нам спиной и молча уставился на корабль, который вместе с трупом кракена уже почти исчез в волнах. Сейчас капитан погибшего корабля даже не пытался играть в спокойствие. Его лицо искажала ярость, вокруг злобно прищуренных глаз собрались глубокие морщины.

— Разве капитану не полагается погибать вместе со своим кораблём? — пробормотала я, ни к кому конкретно не обращаясь.

Стэфан будто и не услышал меня, но Фредерик сверкнул ехидной улыбкой.

— Как думаешь, сколько кораблей каждый из нас поменял за двести лет? Можно, конечно, каждый раз тонуть вместе с обломками какого-нибудь старья, но толку от этого мало — всё равно все под водой дышим.

Отчего-то жизнерадостность Фредерика безумно раздражала, и я повернулась, чтобы что-нибудь ему ответить, но в итоге лишь молча уставилась на тонкие разрезы жабр, которые ничуть не портили совершенно человеческого облика бессмертного капитана. Он, в отличие от Стэфана, ничуть не изменился с нашей последней встречи.

— Капитан! — Мариота вылетела откуда-то из-за моей спины и, забыв обо всех условностях, бросилась на шею Стэфану.

Я успела заметить его ошарашенный взгляд, но отвернулась — почему-то смотреть, как лекарка ревет на груди того, кто так долго добивался моего расположения, стало противно.

Я подошла к борту, подальше от обалдевшего от неожиданных нежностей Стэфана. Слышала, как Мариота извиняется перед ним "за несдержанность", но куда больше объяснений между ними меня волновал крысюк. В пылу схватки я не заметила, в какой момент он слетел с моего плеча, и теперь всматривалась в воду — благо, расступившийся туман позволял видеть уже довольно далеко, — в попытках заметить белую тушку с блестящим хвостом. Но нашла я зверька совсем не там, где ожидала.

— Ловите крысу! — разнёсся над палубой женский визг.

Все, кто был поблизости, как по команде обернулись. Я с нескрываемым интересом оглядела дородную женщину с тёмной кожей, необъятную талию которой кое-как сдерживал белый фартук, надетый поверх ядовито-зеленого платья с длинной юбкой. Волосы женщины, заплетенные во множество тонких косичек и собранные в тугий низкий узел, перехватывал ярко-жёлтый платок. Сейчас полные губы исказились в гримасе омерзения, большие глаза прищурились, но мне показалось, что когда эта женщина улыбнётся, станет очень красивой.

Незнакомка одной рукой указывала куда-то в дальний конец палубы, но я, проследив её взгляд, никого не заметила. В другой ладони она сжимала нож. Я поежилась и ещё раз осмотрелась: лучше бы мне первой найти крысюка.

— Где ты? Йо! — позвала я.

Что-то шевельнулось в тени, но выходить крыс явно не хотел.

Тогда я подошла ближе к лестнице на капитанский мостик и наклонилась. Никто мне не препятствовал, но я чувствовала на своей спине любопытные взгляды.

— Не бойся, я рядом, — обещать крысюку, что ему не причинят вреда, я не могла, но его, наверное, успокоила интонация моего голоса, так что он выбежал из тени, метнулся ко мне и через пару мгновений уже гордо взирал на всех, сидя на моём плече.

— Фу ты, — удивлённо выдохнула женщина, опустив нож.

Теперь, когда она расслабила лицо и его не бороздили глубокие складки, я поняла, что она из местных племён. Может, майя? Интересно, как она тут оказалась?

Я оглядела удивленную толпу, ненадолго задержала взгляд на Фредерике, в глазах которого пляса хохочущие черты, и вздохнула. Качать права на чудом корабле, наверное, не стоит, так что попробуем вежливо.

— Прошу прощения, — обратилась я к женщине, которая, видимо, и есть корабельный кок. — Надеюсь, Йоханнес, — я указала рукой на крысу, — ничего не погрыз. Обычно он сам добывает себе рыбу в море, а тут, видимо, просто напугался. Не трогайте его, пожалуйста.

Под конец мой голос стал настолько жалостливым, что самой противно сделалось, но на кока это, похоже, подействовало. Она опустила плечи и вскинула голову, видимо, довольная моим обращением, а потом взглянула с немим вопросом на Фредерика. На него же уставилась и я в ожидании вердикта.

Капитан слегка поморщился, задумчиво перевел взгляд с меня на Йо и обратно. Я слегка прищурилась, готовая в любой момент выбросить друга море, если кому-то вздумается его бить. Заметив мое напряжение, моряк улыбнулся как-то задумчиво и кивнул.

— Ладно, пусть остаётся. Но если увижу его хвост на камбузе ещё хоть раз, выброшу в море. По частям, — припечатала кок и с достоинством удалилась.

Я выдохнула и потрепала Йо по холке.

— Понял, дружок? Отныне охотиться тебе...

Я замолчала, только сейчас вспомнив про старика-рыболода. Огляделась, но нигде на палубе его не заметила. Напуганный Ги всё ещё не мог отдышаться, но уже улыбался от уха до уха. Осберд, который теперь щеголял острыми плавниками ещё и на локтях, беседовал с кем-то из местной команды. Стэфан мелкими шажками незаметно отдалялся от Мариоты. Я заметила и других моряков — всех, кроме старика.

— А где наш кок? — спросила я, подойдя к Стэфану. Тот помрачнел и кивнул куда-то на воду.

— Ушёл на зов моря. В минуты штормов и опасностей он особенно силён, противиться с каждым разом всё сложнее.

В груди похолодело. Я мельком взглянула на Мариоту, она вздрогнула и сжалась, обхватив руками плечи. За спиной я слышала Фредерика, который отдавал приказы о размещении остальных моряков, а мы трое молча стояли, и каждому хотелось почтить память старика хотя бы недолгим молчанием.

— Дамы, вам придётся спать на камбузе. Там найдётся место для пары гамаков. Капитан, для тебя есть одна из офицерских кают. Тесновата, зато...

— Я буду спать там же, где и мои матросы, — оборвал Стэфан. Фредерик пожал плечами и указал на трюм.

— Как пожелаешь.

Остаток дня Мариота лечила кого-то из моряков. Кок, которую звали Кацка, вытолкнула меня с камбуза, заявив, что над её печью хозяйничать будет только она, а капитаны вообще пропали из виду. Моё испорченное современностью воображение подкинуло пару неприличных шуток на счёт того, чем они могли бы быть сейчас заняты, но, боюсь, такой юмор тут никто не оценит.

В общем, я остаток дня слонялась по палубе и пялилась на бесконечное море, пытаюсь осознать произошедшее. Корабль затоплен, мы теперь на судне Фредерика. Он, кстати, меня удивил: ведь не обязан был спасать нас — в конце концов, вся команда Стефана может дышать под водой — но сделал это как само собой разумеющееся. Хотя, может, прямо сейчас капитаны и торгуются о цене.

Попытки снять проклятье с помощью любви между мной и капитаном бессмысленны. Это все уже осознали, я думаю. Так что буду надеяться, что меня просто высадят в ближайшем порту. Если решат пустить по кругу, придётся драться и топиться в море — если я, конечно, успею утопиться раньше, чем меня оттуда выловят.

Беспокойство учащало пульс, отдавалось дрожью в руках и холодными мурашками на шее. Чем больше я думала о будущем, тем страшнее становилось. Чувствуя моё беспокойство, крыс возился на плече и ещё плотнее ко мне прижимался — с тех пор, как я подобрала его под лестницей, он ни на шаг от меня не отходил.

Когда моя тревога достигла почти что апогея, за спиной послышалась возня и крики матросов. Обернувшись, я поняла, что настало время ужина.

Ветер почти улёгся, туман рассеялся и воздух потеплел, так что все — и матросы Фредерика, и беженцы во главе со Стефаном, разместились на палубе. Меня же какой-то мелкий мужичок с лицом, которого я, как ни вглядывалась, не могла запомнить, отвёл в помещения офицеров.

— По приказу капитана, — объяснил он, потом толкнул передо мной дверь и испарился.

Я вздрогнула, но вошла, стараясь гнать из головы любые, даже самые оптимистичные предположения.

Оказавшись в полутемном посещении, несколько раз моргнула, привыкая к полутьме. Стол здесь накрыли на троих. Как только я вошла, мужчины встали. Капитана Фредерика я узнала сразу, а вот второго моряка вообще не видела на палубе. Сухой старик с белыми, аккуратно подбритыми бакенбардами на впалых щеках и серыми, почти прозрачными, но удивительно живыми глазами, блестящими из-под кустистых бровей — своей военной выправкой и лёгким серым шарфом, очевидно прикрывавший жабры, он походил на тех археологов, этнографов и зоологов, о которых я так любила читать, когда была подростком.

— Разрешите представить вам, Эстер Бенавидес, — капитан выдержал театральную паузу, и, судя по его бесстрастному лицу, формальности не доставляли ему ни удовольствия, ни дискомфорта. — Дуглас О'Ши, штурман этого корабля.

— Очень рада знакомству, — так же спокойно ответила я, поражаясь собственной выдержке. Мысленно мне уже хотелось с криком и слезами выбежать отсюда и куда-нибудь спрятаться — я накрутила себя так, что стала похожа на сжатую пружину.

— Взаимно, — сказал старый штурман. Голос его показался мне слишком тихим после криков моряков, но в нём чувствовалось какое-то особое величие и достоинство.

Дуглас отодвинул для меня стул и лёгким движением руки пригласил присесть. Всё ещё не понимая, к чему приведёт этот спектакль, я опустила за стол и осмотрела еду. Даже по запаху сразу стало понятно, что готовила местная стряпуха гораздо лучше старика-рыболода: обильно сдабривала рыбу водорослями и даже какими-то специями, отчего она приобретала совершенно разные привкусы.

Какое-то время все трое, молча жевали, но даже хорошая еда не могла отвлечь меня от бесконечных предположений, которые сменялись в мыслях одно за другим. Может, меня сейчас скормят акулам? Или проводят в каюту капитана для «особых развлечений»? Или начнут что-нибудь выпрашивать о Стэфане и о том, удалось ли ему найти способы избавиться от проклятья? Последний вариант казался вполне логичным, и штурман, насытившись, действительно задал мне вопрос о капитане-рыболоде.

— Правда ли, что Стэфан учил вас навигации, леди?

Я поднять на него удивлённый взгляд, но быстро вернула себе равнодушный и уверенный вид. К чему бы они ни клонили, но страх показывать нельзя. Раз они желают разговаривать, значит, к чему-нибудь да придём.

— Да, это так. Около месяца я изучала карты, способы измерения места положения и скорости корабля, работу с навигационными приборами, знаю порядок ведения корабельного журнала, — как можно пространнее ответила я, стараясь оттянуть дальнейшие расспросы. Я начала понимать, к чему клонятся эти двое. И оказалась права.

Вопросы посыпались на меня, как на выпускном экзамене в вузе. О принципах чтения карт, об изменении скорости корабля, о работе с приборами и вообще почти обо всём, о чем я успела узнать у Стэфана. И даже о том, чего узнать не успела. Поначалу я отвечала вполне неплохо, но спустя полчаса запас моих знаний сильно истощился, да и на многие задачи — почти что кейсы по навигационному делу — мне неоткуда было знать ответ. Быть может, если бы Стэфан оказался более разговорчивым, я продержалась бы подольше, но увы, через час я выжатой тряпкой растеклась по стулу и смотрела то на штурмана, то на капитана почти умоляющим взглядом. Идея переспать с одним из них, а может, и с обоими сразу, уже не казалась такой ужасной — что угодно, лишь бы от меня отстали.

— Довольно, — наконец, с усмешкой произнёс Дуглас О'Ши, промакивая губы салфеткой. — Не бриллиант, но для рутинной работы подойдёт.

Фредерик ещё раз окинул меня взглядом и кивнул штурману, а потом повернулся ко мне.

— Видите ли, леди Эстер, на своём корабле я не держу тунеядцев. Быть может, на "Голландце" Стэфана вы и

были на особом положении, но здесь всё иначе. Я долго искал вам занятие: наша госпожа кок наотрез отказалась пускать вас на камбуз, на работу с парусами у вас не хватит сил, а больше двух юнг нам ни к чему. Так что, раз уж у вас есть начальные знания, передаю вас под крыло Дугласа. И очень надеюсь, что вы поладите, — последнюю фразу Фредерик произнёс с нажимом, покосившись на штурмана.

По моей коже пробежала нервная дрожь: разве я смогу сохранить человеческий облик, если буду тут работать?

— И да, на счет этого, — Фрэдрик, заметив мое напряжение, прищурился и едва заметным жестом указал на свои жабры, — не волнуйтесь. На моем корабле частью команды вам никогда не стать.

Спокойное лицо Дугласа совершенно ничего не выражало, но я почти кожей чувствовала его въедливый, постариковски брюзгливый характер, который столетия на корабле вряд ли смягчили. Однако Фредерик сделал мне отличный подарок.

— Благодарю, капитан, — я даже слегка наклонила голову в знак признательности.

Фредерик едва заметно улыбнулся, в уголках глаз тут же скопились тонкие морщинки, и только сейчас я поняла, что на вид он даже немного старше Стэфана. А ещё, судя по одобрению в тёплых глазах, капитан остался доволен тем, что я по достоинству оценили его щедрость.

На палубу я выбралась со смешанными чувствами. С одной стороны, бесплатно научиться всему тому, что делает штурман — идея заманчивая. Судя по тому, как на этих кораблях обращаются с женщинами, вопрос неравенства в этом мире если и стоит, то не так остро. Впрочем, ничего удивительного: умы местных не испорчены христианскими идеями о слабости, смирении и подчинении всех всем. Так что, возможно, я смогу позже стать штурманом на корабле. Или наняться в качестве исследователя, а потом, когда-нибудь, купить себе маленькое торговое судно и гонять его от берега к берегу, попутно выискивая дорогие, но забытые вещи.

План выглядел слишком идеалистичным, но внушал надежду, однако один нюанс всё портил: если я слишком заиграюсь, если от роли ученицы штурмана перейду к действующему члену команды, то, возможно... О том, что у меня есть все шансы превратиться в рыбину, я старалась не думать вовсе. Но именно эта мысль бесконечно вертелась в усталом сознании.

За своими рассуждениями я, почти ничего вокруг не замечая, доплелась до камбуза. Там Кацка, окинув меня недовольным взглядом, всучила гамак и указала в дальний угол. Я покорно пристроила временное ложе на крюки, на которых, судя по запаху, недавно висела рыба, и меланхолично улеглась на него.

Вскоре неподалёку пристроилась Мариота. Она долго ворочалась — уж не знаю, как ей это удавалось в гамаке — и тяжело вздыхала. Так что в итоге я не выдержала.

— Что случилось? Отвалились остатки волос? — шепнула я, краем глаза наблюдая, как Кацка тяжело заваливается на гору каких-то не то мешков, не то тряпок в другом углу.

— Да ну тебя, — Мариота махнула рукой и отвернулась.

Гамак качнулся, крюк на стене тихо скрипнул. Мариота поморщилась и демонстративно закрыла глаза, но я продолжала смотреть на нее и ждать: она сосредоточенно жмурилась и стискивала губы, и явно не могла сейчас уснуть.

— Ты же видела, как Стэфан на меня посмотрел, когда я обняла его, — наконец, зашептала Мариота, наклоняясь ко мне. — У меня нет шансов.

На миг показалось, что она сейчас вывалится из гамака, но она умудрялась ловко держать равновесие.

— Ты налетела на него слишком неожиданно. Сдаётся мне, тут надо действовать мягче.

Советчик из меня, конечно, так себе: весь мой опыт отношений исчерпывался несколькими мимолетными связями, и я даже не уверена, что хоть раз по-настоящему влюблялась в мужчин, с которыми иногда делила постель. Но я хотя бы читала пару любовных романов в далёкой юности, так что могу попытаться найти баланс между идеальной теорией и неудачной практикой.

— Ты думаешь, всё еще может сработать? — даже в темноте большие глаза Мариоты блестели с азартом, и я кивнула, хоть сама и не слишком уверена в успехе.

— Надо только заранее продумать, что ты будешь делать и говорить.

— Но я же не куртизанка-соблазнительница! — тут же возмутилась лекарка, и только я собиралась успокоить её на этот счёт, как Кацка повернулась на своём высоком ложе и, тяжело вздохнув, села.

— Поспать не дадите, трещотки, — проворчала она.

Мы с Мариной повернулись к ней и с удивлением смотрели, как аборигенка, кряхтя, начала возиться в нижних ящиках. Вскоре она выудила оттуда бутылку из мутно-зеленого стекла, ловко откупорила её и вытащила с полки два стакана. Всё это Кацка с глухим стуком сгрудила на стол.

— Вот, берите и гнездуйте на палубу, канарейки. Ночь тёплая, и вино хорошее — не бойтесь, пейте. Только не шумите там сильно, — прошептала она и вернулась в свою импровизированную постель.

— А... разве можно? — спросила я, с сомнением поглядывая на стол. Насколько я знаю, без разрешения капитана спиртное на кораблях пить нельзя.

— Если никто не увидит, то и запретить некому, — философски изрекла Кацка и отвернулась к стене.

Мы с Мариной переглянулись и, не сговариваясь, поднялись. Я подхватила бутылку, она — медные стаканы, и мы выбрались под лунный свет, прямо в объятия теплого морского ветра.

Мы уселись неподалёку от двери на камбуз. Из-за качки приходилось постоянно придерживать и стаканы, и бутылку, но нам это не мешало. Какое-то время мы пили молча. Я смотрела на незнакомые звезды, лунную дорожку и паруса, которые в слабых отблесках воды, казалось, мерцали как-то мистически, хотя, по сути, наверное, всего лишь отражали лунный свет. Мариота смотрела в одну точку, и точка эта явно находилась где-то внутри неё. Я не хотела прерывать ход её мыслей, поэтому решила просто подождать, пока она отгадает сама.

— Но разве любовь вот так можно спланировать? — наконец, спросила Мариота, будто мы и не прерывались на полчаса.

Я выпила остатки вина из стакана и потянулась за бутылкой. Кацка не обманула — и в самом деле хорошее.

— Любовь спланировать нельзя, к сожалению. Но вот рассказать о ней аккуратно, а не как кулаком по лбу, можно и даже нужно, — пояснила я.

Мариота ненадолго замолчала, снова погрузившись в раздумья. Я ей не мешала. Впервые с того момента, как я оказалась в этом мире и в этом теле, удалось хоть немного расслабиться. Пусть и с помощью алкоголя. Так что теперь я наслаждалась лёгкой заторможенностью собственных реакций и тем, что мысли в голове больше не скакали как бешеные, а успокоились, пусть и всего на пару часов.

Луна проделала по небу немалый путь, пока мы с Мариотой обсуждали, как бы поаккуратнее намекнуть капитану о её чувствах. Рассматривали и вариант с заботой, и больше общения, и даже пытались продумать ситуации, в которых они могли бы хоть ненадолго остаться наедине, но чем больше Мариота рассказывала мне про Стэфана, тем сильнее я убеждалась, что она, как говорится "во френдзоне". Это не приговор, но в том, что ей удастся преодолеть незримый барьер, я сомневалась. Но лекарку старалась поддерживать, и она ушла спать довольная созревшим планом, а я осталась на палубе, чтобы ещё немного насладиться тишиной и хотя бы мнимым подобием одиночества.

Я сидела в тени, и наблюдала за белыми бликами на волнах, за тем, как постепенно светлеет горизонт и мутнеет глубокая небесная синева. Приближался рассвет, но спать всё еще не хотелось. Тяжесть в голове уже понемногу перерастала в головную боль, и стоило хоть немного вздремнуть, чтобы остаток дня не слишком заметно клевать носом, но подниматься на ноги было лень, так что я продолжала отсиживать попу на жестких досках и вслушиваться в тишину.

На миг задумавшись, я потянулась рукой к груди и нащупала нитку амулета, который всё так же висел на шее. Бог, дар... Точно! Я же могу попытаться найти что-нибудь, что поможет Стэфану и его команде избавиться от проклятья. Надо только сосредоточиться.

По опыту прошлых экспериментов я уже знала, что стоит мне чего-то захотеть, как странная сила будто тянет меня в направлении искомого. Правда, путь мне приходится прокладывать самой, и как я выяснила, пару раз вписавшись носом в стену, прямой — далеко не лучший.

Но в этот раз всё получилось совершенно иначе. Меня никуда не тянуло и не манило, я только ощутила, будто уже имею то, что необходимо для осуществления цели. Попыталась ещё раз подумать о желании — но с тем же результатом. Неужели старая ведьма всё же оказалась права, и снять заклятье должна я? Но каким образом? И как вообще звучало это заклятье? Стэфан отказывался говорить мне, так может Фредерик проболтается?

Когда я все-таки вернулась на камбуз, за спиной раздалась глухие шаги. Я замерла, приоткрыла дверь и выглянула на палубу. Тень от паруса падала прямо на меня, матросы не то дремали, не то просто отдыхали в другом конце корабля, а почти в центре палубы, у мачты, стояли оба капитана. Волосы Фредерика едва доставали до плеч, но их трепал ветер, так что я не могла разглядеть выражения его лица, зато прекрасно видела загорелое тело, не прикрытое ничем, кроме тонких штанов. Рядом с ним Стэфан казался немного субтильным и слишком бледным, зато рыболуд заметно выигрывал в росте, а его тело, покрытое чешуёй уже едва ли не на половину, блестело в первых лучах восхода. И к счастью, тоже оказалось прикрыто хотя бы штанами.

Я поежилась. Когда Фредерик подошёл к борту и встал совсем рядом со мной, я разглядела на его левом боку шрамы, кое-как замаскированные татуировками.

Дыхание перехватило от беспричинного страха. Мне почему-то очень хотелось остаться незамеченной, даже глаза прикрыла почти полностью, чтобы не выдали меня блеском.

— Оставь девчонку в покое. Видно ведь, что вы не пара, — сказал Фредерик, всматриваясь куда-то вниз, в воду.

— Я сам решу, кто мне пара. Ты давно мне не командир. Да и вообще, откуда тебе знать — мы на корабле всего день, — ответил Стэфан. Всё его хладнокровие и выдержка сейчас куда-то будто испарились, он едва ли не рычал, в то время как обычно весёлый Фредерик оставался спокойным и задумчивым.

— Как знаешь, — похоже, Фредерик не собирался ничего объяснять. — Но ты и сам должен понимать, что из этого ничего не выйдет. Она ведь тебе даже не нравится.

— А может, я её люблю без памяти, — слова Стэфана прозвучали саркастично и одновременно грустно. Я не сдержала ухмылку: натянуто называя меня "милой" и "дорогой", он скорее походил на уставшего от капризной супруги мужа, чем на пылкого любовника.

— Ты уж как-нибудь разберись. Готов спорить, ты её ни разу не целовал ещё, не то что... А заодно и её спроси, а то вдруг она тебя придушит от омерзения в первую же совместную ночь, — хохотнул Фредерик и кивнул на воду.

Стэфан скривился, но промолчал. Подошёл к борту и оба они, не сговариваясь, нырнули.

Я захлопнула дверь и вернулась на гамак. Попыталась задремать, но голова окончательно прояснилась на сквозняке, и хоть отдохнуть очень хотелось, беспокойство не давало сомкнуть глаз. Мысль о том, что Стэфан не

отказался от своего безумного плана, одновременно и пугала, и льстила. Он настолько одержим идеей избавления от проклятья, что готов держаться за соломинку, или и в самом деле что-то чувствует ко мне, но не знает, как это показать? Но какое бы из этих предположений ни было верным, оно не отменит моего плана — я сбегу. Или хотя бы попытаюсь.

Успокоенная собственной решимостью, я, наконец, забылась прерывистым сном.

Кацка вытолкала нас с Мариной с камбуза, едва солнце полностью поднялось над горизонтом.

— Ненавижу готовить, когда вокруг ошиваются бездельники, — проворчала она и захлопнула дверь прямо перед моим носом.

От громкого звука боль в голове на миг усилилась, но потом растеклась тягуче и гудяще, затуманила сознание и никак не давала сосредоточиться. Я успела только попить, Мариота торопливо дожевывала что-то, стянутое с кухонного стола, а за моей спиной уже раздавались звуки шагов и ленивые голоса.

— Меня раненые ждут, — сказала Мариота и скрылась, едва заметив, что Стэфан показался на палубе.

Я даже не успела ничего ей ответить, потому что меня настиг голос штурмана:

— Эстер, подойди!

Пришлось подчиниться. Дуглас как раз закончил что-то обсуждать с капитаном, и краем глаза я заметила, что у Фредерика волосы ещё не высохли после утренних водных процедур и слегка вьются от соленой влаги.

— Пока я за тебя отвечаю, девочка, ты больше не леди, а младший помощник, — отчеканил он, и хоть голос его по-прежнему казался тихим, он внушал ещё больше уважения, чем вчера.

— А что, есть ещё старший? — спросила я полушутя.

Дуглас скривился, зато Фредерик оценил мою шутку — усмехнулся и ушёл, видимо, не желая мешать воспитательной лекции. А в том, что таковая последует, я даже не сомневалась.

И штурман в самом деле повёл меня по кораблю со своеобразной экскурсией. Долго и занудно, будто специально издеваясь, рассказывал о распорядке дня, о правилах и негласных условиях. Я честно старалась запомнить хоть что-нибудь, но адская головная боль, казалось, сейчас взорвёт черепную коробку.

За завтраком едва не задремала, а после Дуглас отвёл меня в трюм и почти без объяснений всучил карты и координаты.

— На карте ответишь наш маршрут за последний месяц, но только лёгкими грифельными чертами. Я сам потом доработаю — всё равно пишешь как курица лапой, — проворчал он и удалился.

И зачем им понадобилось портить карту? Отчёты для морских богинь составляют, что ли? Однако на расспросы сил не осталось, да и на то, чтобы злиться на ворчуна, тоже.

Примерно полчаса я дремала на неудобном стуле, и трюк Мариоты с поддержанием равновесия уже не казался таким сложным. Но снаружи что-то упало, раздался чей-то крик, ругань, так что снова провалиться в полусон не получалось.

К тому же, меня нашёл Йо. Мокрый, пахнувший рыбой, он привычно вскарабкался на плечо, и я едва успела отшатнуться, чтобы не намочить карту и записи. Когда влажная, холодная шерсть коснулась спины, а капли с неё попали за шиворот и промочили тунику, я окончательно проснулась.

Теперь окинула предстоящую работу более осмысленным взглядом и решила, наконец, приняться за неё. Хоть здесь, в общей офицерской каюте, оказалось довольно просторно, к полудню всё равно становилось слишком душно. Похмелье уже понемногу уходило, оставляя в покое несчастную голову, но виски еще ныли. Однако я всё же взяла в руку лист с координатами.

Казалось бы — чего проще, поставить точки на карте по уже готовым цифрам и соединить линии. Такие упражнения я делала на школьных уроках географии. Но просидев над координатами полчаса, нормального маршрута получить так и не смогла: цифры заносили меня то в индийский океан, то в самый центр Африки, то ещё в какие-нибудь неведомые дали. Если бы все точки попадали на море, я бы подумала, что у этого корабля есть какая-то особая возможность быстро перемещаться, но прыгнуть до Гималаев он явно не мог.

Я попыталась переставить местами градусы и минуты, менять широту на долготу, чередовала точки координат в разном порядке, но вскоре окончательно убедилась в том, что старый пень Дуглас О'Ши банально дал мне неверные цифры.

Поначалу я взгрустнула, но потом в сознание ворвалась злость, почти ярость. Я ведь не напрашивалась к нему в ученицы. Хотела, да, но хотя бы из чувства самосохранения не стала бы настаивать на этой роли. Так что за нынешнюю ситуацию он должен благодарить принципы капитана! Но отыгрывается, конечно, на мне.

Я ссадила крысюка на стол и огляделась. Должны же ведь где-то неподалёку храниться и настоящие записи? Нормальный шканечный журнал, в котором значится настоящий маршрут. А ну-ка...

Я привычно прислушалась к ощущениям, пальцы сами потянулись к амулету, но Ксамен-Эк не отозвался. Только знакомая тяга потащила меня в нужном направлении. Почему-то наверх. Но ведь там нет ничего, кроме...

Ну конечно, где же ещё храниться важным документам, как не в каюте капитана.

Я сосредоточилась и попыталась найти другие записи, которые могли бы мне помочь, но тщетно.

Пришлось выбраться на палубу. И Фредерик, и штурман стояли у штурвала, закреплённого так, чтобы его не приходилось держать, и что-то обсуждали. Меня они не видели, а сама подняться к ним без приказа я не могла. Не на этом корабле: правила подобные вольности запрещали.

Проигрывать первую же партию сварливому старику не хотелось. Но я всё же вернулась к его записям, сложила их вчетверо и сунула вместе с грифелем в карман. Заодно подхватила со стола крысюка, который собирался снова куда-то убежать, но не успел.

В мыслях крутились планы о том, как отвлечь этих двоих, заставить их, а заодно и всю команду, смотреть куда-нибудь в другую сторону, причём подальше. Только одна из идей показалась мне достаточно привлекательной, хоть я и не была до конца уверена, что всё случится именно так, как мне нужно.

Я подняла ладони, на которых Йо беспокойно возился, и посмотрела зверьку в глаза.

— Спустись на пушечную палубу и перегрызи какую-нибудь верёвку, которая закрепляет колеса. Надо, чтобы пушка покатила, и стало шумно, понял?

Крысёк кивнул, ехидно блеснули бусинки-глаза. Я опустила руки, и он деловито потрусил куда-то к спуску в трюм.

Солнце пряталось за пушистой тучей, я шурилась то на него, то на волны, изображая безмятежный отдых. На самом же деле краем глаза следила за капитанским мостиком и ждала, когда Йо выполнит поручение.

Дуглас как раз заметил меня и собирался подойти. Наверное, отпустил бы какой-нибудь ехидный комментарий, но в этот момент под палубой что-то бухнуло. Потом ещё раз, и ещё.

И Фредерик, и штурман, почти не сговариваясь, бросились вниз. Многие матросы остались на постах, но всё смотрели под ноги и прислушивались.

Ай да Йо, молодец! Надеюсь, что он не попадётся, я скользнула в каюту капитана и, даже не успев привыкнуть к полумраку, нашла журнал. Торопливо пролистала его, вытащила из кармана обрывок бумаги и стала быстро записывать нужные мне координаты.

Почти закончила, когда дверь за моей спиной распахнулась. Я вздрогнула и повернулась. Пальцы разжались, грифель с тихим стуком упал на пол и прокатился по палубе. Фредерик прижал его носком сапога, поднял и осмотрел с деланным вниманием. Лишь после этого поднял взгляд на меня.

— Я, помнится, посчитал вас чем-то большим, чем капитанская подстилка, но тебя, рыбка, всё же тянет в офицерскую кровать? — медленно произнес он, вопросительно изгибая бровь. Глаза блестели как-то недобро.

— У меня есть имя, — выпалила я первое, что пришло в голову. — И я пришла только для того, чтобы посмотреть корабельный журнал.

— Не много ли ты на себя берёшь, рыбка? — последнее слово капитан выделил особо, и я сжала зубы, чтобы не послать его к чертям. Впрочем, он и так к ним регулярно ходит, если верить мифам.

— У меня не было выбора: никак иначе выполнить задание вашего штурмана я не могу. И я всё ещё человек.

Я выпрямилась. Раз уж поймали, то нечего бояться. Он ведь знает характер Дугласа, так что, может, мне это сойдет с рук.

Пока мы с Фредериком играли в гляделки, я незаметно положила записи в задний карман бриджей. После этого скрестила руки на груди и отвела глаза первой, иначе наша молчаливая битва могла бы затянуться до вечера, а то и до рассвета.

— Человек, говоришь?

Фредерик приблизился так быстро, что я не успела отскочить, его цепкие пальцы сжали моё запястье. Капитан сильно дёрнул мою руку вверх, на уровень глаз, а потом переплел свои пальцы с моими, заставляя выпрямить ладонь.

— Что вы делаете?! — я попыталась отстраниться, ударила поясницей о стол, по спине растеклась тупая боль, но я и думать о ней забыла, опустив взгляд на свою руку. Вернее на пальцы, между которыми тоненькие, как натянутый целлофан, и не выше сантиметра в высоту сформировались прозрачные перепонки.

— Какого... — голос дрогнул, и я замолчала, хотя на уме вертелось множество ругательств.

Несколько мгновений я пыталась осознать произошедшее, грудь раздирали страх и обида, внимательный взгляд Фредерика нервировал, хотелось закричать, а глаза стали влажными от подступивших слез.

Наконец, я рванулась вправо, освобождая руку.

— Это всё из-за вас! — хриплый крик вырвался из горла не по моей воле. Да и голос совсем не походил на мой. — Вашего чёртова корабля и правил, ради которых вы готовы погубить чужую жизнь!

Я шагнула вперёд, к выходу, но Фредерик схватил меня за плечо.

— Я не при чем, — сквозь зубы прошипел он, но слушать оправданий я не хотела.

— Отпустите!

— Сама Стэфану расскажешь, я вмешиваться не буду.

И отпустил. И как только я ощутила, что его сильные пальцы больше не давят на кожу, рванулась к двери. Ничего не замечая, проскользнула в офицерские помещения и, с облегчением осознав, что тут никого нет, наконец-то разревелась.

Кто я теперь? И что мне делать? Нежели — просто подчиниться безумию Стэфана и медленно ждать, пока море призовет и меня? Ответов я не находила. Только чувствовала, как слезы оставляют на щеках горячие дорожки,

как щемит в груди и горло сжимается от нового соленого комка.

Но реветь подолгу я никогда не умела, так что уже минут через десять нашла себя сжавшейся углу, как когда-то сидела Мариота, с мокрыми руками, распухшими щеками, но совершенно сухим лицом. Осмотрелась и поднялась, вынимая из кармана мяте записи штурмана, прямо поверх которых я торопливо поставила правильные координаты.

Место печали постепенно занимало спокойствие. Я осознала, что все еще жива, что прямо сейчас мир не рухнул, и адская бездна не разверзлась под ногами, и что у меня есть еще немного времени, чтобы обо всем подумать. А пока что не стоит посторонним знать о моей новой особенности.

Чтобы хоть немного успокоить мысли, я принялась с каким-то незнакомым прежде остервенением прослеживать по карте маршрут. Линия получилась внушительная: корабль Фрэдерики в начале месяца шел вдоль берегов Южной Америки на север, на пару дней задерживался у одного из карибских островов — вот уж любопытно, зачем, — а потом быстро нагнал судно Стэфана.

Как только я закончила и подняла глаза, встретила взглядом с Дугласом.

— Похвальное рвение, деточка, — с насмешкой произнес штурман, не глядя на карту. — Я стоял здесь уже минут десять, а ты даже не заметила.

Дуглас протянул руку, и я отдала ему исписанный лист, стараясь как можно плотнее сжать пальцы, гладкие перепонки между которыми давили на кожу и казались чем-то чужеродным.

— Вы немного ошиблись в цифрах, но не волнуйтесь, все исправлено, — как можно холоднее заметила я, с затаенным удовольствием наблюдая, как удивленно вытянулось лицо штурмана, стоило ему лишь взглянуть на цифры и карту.

Он долго и придирчиво переводил взгляд с листа на линию маршрута и обратно, и, наконец, отбросив несчастный клочок бумаги, рассмеялся. Сухо и тихо, но очень искренне.

— Капитан рассказал мне про твою выходку, — наконец, признался он.

Когда Дуглас зашагал к полке и удил из нее какую-то книгу, я напряглась. По поведению штурмана не похоже, что он знает о моем проклятии, но Фрэдерики мог рассказать и о нем. Однако старик шлепнул передо мной толстый том и открыл почти в середине.

— За остаток дня дочитаешь до этой страниц. А теперь иди отсюда, не мозоль глаза, — штурман махнул рукой в сторону двери и отвернулся.

Обрадованная возможностью наконец побыть в одиночестве, подхватила увесистый том и почти вбежала на палубу.

Теперь мне нужен новый план.

Книгу я честно прочитала, хоть мало что из неё поняла. Уже приноровилась к местному языку, да и многое из того, что автор писал о географии, ветрах и течениях, мне давно знакомо, но мысли постоянно вертелись вокруг проклятия. Я с трудом осознала, что теперь мне нельзя ступать на землю, и совершенно не представляла, что делать дальше. Зато теперь, оказавшись в той же ситуации, что и Стефан, начала лучше понимать его одержимость поисками избавления.

Вечером есть совсем не хотелось. Кацка заставила меня проглотить пару кусков рыбы, но больше я не осилила. Пока она собирала ужин для остальной команды, я стянула маленький нож со стола и в тот момент, когда моряки поднялись на палубу для вечерней трапезы, спустилась в трюм. Забилась между ящиками и мешками в дальний угол и теперь сидела, разглядывая собственные руки.

Полумрак тут разгоняла единственная лампа, но она бросала такие длинные тени и светила так слабо, что я видела только переливы на перепонках.

Йо сопел у меня на коленях, но я даже через одежду чувствовала, как напряжено его маленькое тельце. Будто зверек готов в любой момент сорваться с места и бежать.

За день я так измучилась в попытках скрыть собственные руки, что к вечеру поняла — надо избавиться от перепонки. Хотя бы на время. Когда я смотрела на них, по телу каждый раз пробегала дрожь, а стоило лишь подумать о проклятии, как к глазам снова подступали слезы, но уже не такие сильные, как днём, их я могла сдерживать.

Ещё раз подняла руку и всмотрелась внимательнее. Мне показалось, что перепонки стали плотнее, но возможно, всё дело в тусклом освещении. Потрогала наросты пальцем, потом ногтем — никаких ощущений. Как будто просто потрепала себя по волосам. Значит, будет не больно. Или хотя бы терпимо.

Когда взяла нож, рука дрогнула. Пришлось несколько минут сидеть и глубоко дышать в попытках успокоиться. В нос били запахи песка, соли и каких-то трав, влаги и смолы, но я снова и снова вталкивала воздух в лёгкие, и это постепенно помогло.

Когда лезвие в руке перестало трястись, сделала маленький пробный надрез между большим и указательным пальцами левой руки. И ничего не почувствовала. Отлично! Значит, убрать это уродство — всё равно, что ногти подстричь.

Воодушевившись, я аккуратно срезала остатки перепонки. На пальцах в тех местах, куда примыкали наросты, остались едва заметные хлопья, такие же, какие появляются, когда слезает с плеч обгоревшая кожа. Довольная результатом, тут же принялась за следующий тревожный признак, но вдруг услышала шаги.

Рука невольно дрогнула, и лезвие скользнуло по ладони. Острый нож распорол кожу, на длинном ровном порезе проступила кровь. Я рефлекторно сжала ладонь, а заодно — губы, чтобы не зашипеть. Кожу защипало, а некто, кому не сиделось на палубе, приближался.

Я замерла в надежде, что моряк уйдёт, и я снова останусь в одиночестве, которого так не хватало в последний месяц, но шаги замерли в опасной близости, так что решила всё же поднять взгляд.

— Ну что вы делаете, леди Эстер? — устало и, как мне показалось, с ноткой сочувствия спросил Фредерик, снимая треуголку.

Я промолчала, а он сел напротив меня и посмотрел на ладонь, по которой уже текла струйка крови.

— Даже если оттяпаете себе руки, жабры все равно вырастут, — с грустной улыбкой сказал он и потянулся за ножом.

Я отодвинулась и прижала лезвие ближе к себе.

— Всё равно хочу убрать эту мерзость, — я показательно растопырила пальцы, выставляя на свет еще четыре перепонки и длинную рану на ладони.

— Рано или поздно всё равно придётся сказать Стефану, — Фредерик пожал плечами и снова попытался отобрать у меня нож.

Я опять подалась назад и упёрлась спиной в какой-то мешок.

— Уходите. Всё это из-за вас, так что не надо изображать сочувствие.

Фредерик вздохнул и немного отстранился.

— Все это, — он выразительно посмотрел на мои руки, — из-за того, что вы участвовали в битве с кракеном. Помогли мятежникам — Стефану и его команде. Сражались за них, за нас, и потому разделила нашу участь.

Я замерла. Гнев на миг утих, но потом вспыхнул с новой силой. Правда, теперь я понятия не имела, на кого его направить. Роптать на судьбу — дело бессмысленное, а в ситуации, выходит, никто и не виноват. Конечно, если Фредерик говорит правду.

— Однако вы правы, я был непростительно груб, когда мы разговаривали в последний раз, — внезапно продолжил капитан, усаживаясь прямо на доски и опираясь спиной о какой-то ящик.

Я подняла на него удивленный взгляд, ожидая увидеть насмешку в карих глазах, но в лице Фредерика читалось лишь спокойное сочувствие. Еще не хватало, чтобы он меня жалел!

В порыве злости я не заметила, как капитан все-таки вытащил нож из моей руки.

— Позвольте в качестве извинений вам помочь, леди, — последнее слово Фредерик произнес с нажимом и протянул мне ладонь.

Сердце екнуло от смутной тревоги, когда он так выделил интонацией мой статус. Но руку ему я все-таки протянула. Кожа на его ладонях оказалась очень грубой, наверное, стертой канатами, но он прикасался ко мне так нежно, будто боялся повредить. Тем страннее это выглядело, чем ближе к моей коже он подносил нож.

Пока Фрэдрик аккуратно и быстро избавлял мои пальцы от экстравагантных украшений в русалочьем стиле, я беззастенчиво рассматривала его лицо. В котором и с первого взгляда заметна аристократическая порода. Очень долго пыталась понять, кого же напоминает мне капитан, и вскоре догадалась.

— Вы англичанин? — спросила я, почти уверенная в том, каким будет ответ.

— Да, — не поднимая глаз, признался Фрэдрик.

— Тогда как вы оказались здесь? — этот вопрос меня и в самом деле занимал, но спрашивала я скорее для того, чтобы разговором сгладить неловкость момента.

— Вас в самом деле интересует история моей жизни? — капитан поднял на меня удивленный взгляд, и я лишь кивнула в ответ. — Что ж, она довольно проста. Я — четвертый сын графа. Таким, как я, в наследство полагаются только связи. Ими и воспользовался, когда поступал на флот. Быстрее, чем мои ровесники, добился звания капитана. Ходил под парусом, но чаще не в военные походы, а в качестве переозчика особых грузов. На удивление успешно. Спустя десять лет поставлял некие... скажем так, подарки королей друг-другу. Меня знали как капитана, который никогда не потеряет груз, и в военных стычках приходилось бывать не раз. Сами понимаете — охотников до королевского золота во все времена много.

Я заворожено слушала и наблюдала, как нож скользит в опасной близости от кожи, как падают на пол ошметки перепонки. Поначалу напрягалась, но уверенность и спокойствие Фредерика постепенно передались и мне.

— Когда Европа получила достоверные сведения о новом континенте, казалось, загудели все порты. Далекая, неизведанная, полная чудес земля, в которой текут золотые реки, а люди настолько отстали, что до сих пор не знают о колесе или пистолете — это место казалось искателям приключений вроде меня настоящим раем. Многие страны претендовали на новые земли. Англия тоже подбирала людей: тех, кто формально не будет входить в состав ее флота, чтобы не вступать в открытое соперничество с соседями, но при этом потенциальный капитан в случае успеха должен был передать завоеванные земли короне. Как вы понимаете, я согласился. За вознаграждение, разумеется. Мне, кажется, и деньги, и должность обещали, но я сейчас плохо помню. Втянул в это дело двух товарищей — Стэфана и Карела Беккера. Перед ними я очень виноват.

Фрэдрик замолчал, а я задумалась. В целом хорошо знала историю покорения Америки, но не припоминала в ней таких сюжетов. Впрочем, я ведь в другом мире, и чем лучше я его узнаю, тем больше отличий от привычного мне земного вижу.

Когда перепонка между безмянным пальцем и мизинцем исчезла, я удивленно посмотрела на руку. Она выглядела так, будто со мной всё в порядке, а мелкие остатки кожистой плёнки теперь стали едва заметны. Фрэдрик всё ещё держал мою руку, едва ощутимо касаясь повреждённой кожи, так что я первая отстранилась, хоть и не без лёгкого сожаления. Даже в той, прошлой жизни никто не прикасался ко мне так осторожно. Мужчины были нежными, страстными, но почти никогда — бережными.

— Три корабля двести лет назад подошли к перешейку между материками. Я вёл наш маленький флот, шёл на флагмане, который назывался "Летучий Голландец", хоть от Голландии в нем к тому времени остались только мачты.

Поначалу местные приняли нас за богов, даже чествовали, но, когда поняли, что нам надо, едва не перебили всех. Кое-кто из команды спасся, мы вернулись на корабли, запаслись оружием, потом даже победили в нескольких стычках. Аборигенам ничего не оставалось, кроме как обратиться к своим богам. На их зов отозвались Икшель и Иктаб — местные богини моря и утопленников. Они не церемонились, поставили условие: если мы нападём на их народ снова, то будем обречены вечно скитаться по морским волнам без права ступить на землю.

Заслушавшись, я и не заметила, как Фрэдрик помог мне избавиться от перепонки на второй руке. Опустила взгляд только после того, как он отложил нож, но продолжал держать мою руку в своей.

— Мы все в те времена ходили под покровительством Ллира или Мананнана, наших морских богов, и думали, что они защитят нас. Но вдали от родины их силы ослабевали, как оказалось. Мы разбили аборигенов в последней схватке и отправились на корабли. На следующее утро один из матросов вернулся на сушу — не помню, зачем. И стоило ему ступить на землю, как он начал иссыхать прямо на глазах, и умер всего за несколько мгновений от обезвоживания. Он хрипел, в его глазах лопались сосуды, носом шла кровь, но он не мог сказать ни слова. Нам даже не удалось его похоронить — никто не решился нарушить запрет, да и чем это могло бы помочь, если каждого из нас ждала такая же участь?

Голос Фредерика завораживал, но как только капитан ненадолго замолчал, я очнулась и разъединила, наконец, наши ладони. Его пальцы скользнули по моей коже, будто прощаясь, но лицо не выразило ни беспокойства, ни сожаления. Он просто продолжил говорить.

— Сто лет мы скитались по морям, выплавляли души утопленников и доставляли их в сеноты — подводные

озера, через которые в особые ночи можно попасть в Шибальбу. Каждый раз кому-то одному приходится жертвовать днём свободы — единственным за семь лет — чтобы доставить этот печальный груз. Постепенно люди о нас узнали. Я уже и не помню, как назывались корабли Стефана и Дэйва, но люди почему-то решили, что все они — один и тот же "Голландец". Со временем мы вообще перестали давать имена новым кораблям — народная молва это сделала за нас.

Я сидела, обхватив руками колени, почти не видела лица капитана, но в воображении всплывали то фотографии тех самых сенотов, то ужасная сцена, которая когда-нибудь должна стать для меня реальной: я видела, как стою на палубе корабля, вижу землю и осознаю, что не могу даже коснуться её.

— Тогда как Европе все же удалось завоевать эти земли? — задумчиво спросила я скорее у себя самой, чем капитана.

Он зглянул на меня удиленно.

— А с чего вы зяли, что Европе это удалось? Да, завоеваны острова, находящиеся далеко от континента — те, над которми не властна сила богинь. Но в Южную Америку и в море, его окружающее, никто до сих пор не суется, местные жиут почти автономно. Идет слабая торговля, но, сами понимаете, желающих ходить по этим водам совсем мало.

Я похолодела, заметив, что Фрэдерику заинтересованно меня разглядывает. А он и не скрывал ни ехидной улыбки, ни пронизательного взгляда. Явно ведь что-то понял: благородной леди полагается знать, какова политическая ситуация, а я сморозила такую глупость!

— Тебе... Вам никогда не хотелось снова стать человеком? — спросила я, чтобы переменить тему, но тут же прикусила губы, вспомнив, что Фрэдерику не особенно нравилось, когда я указывала на то, что он человеком не является.

Но он не обратил внимания на мою грубость и только пожал плечами.

— Поначалу тоже искал и зарастал чешуёй, как Стэфан сейчас. Едва не нырнул в море навсегда, но вовремя одумался. Когда вернулся на службу к морским ведьмам, постепенно обрёл и человеческий вид. Но, похоже, моя душа уже навсегда останется с морем. Я бывал в удивительных местах, видел то, о чем при жизни мог только читать в древних книгах, и могу ещё долго бороздить эти моря. Сейчас я даже благодарен за такую возможность, хотя воспоминания о смерти моряков в тех стычках всё ещё... неприятны.

Фрэдерику замолчал, и мне казалось, что он хотел что-то ещё сказать, но не решился. Просто поднялся на ноги и подхватил шляпу. Крысюк, который уже успел уютно устроиться в ней, шлепнулся на пол и недовольно пискнул.

Я всё ещё сидела, не находя в себе сил двигаться.

— Не буду советовать тебе, что делать. Честно говоря, не знаю, что бы сделал сам на твоём месте, — уже громче и увереннее признался капитан, нахлобучивая треуголку.

Я лишь пожала плечами, мол, не знаешь и ладно, мне-то какое дело?

Фрэдерику ещё постоял несколько мгновений над душой, и когда молчание между нами стало совсем гнетущим, наконец, ушёл, возвращая мне одиночество, которое теперь уже не казалось таким желанным.

"Ксамен Эк, ну хоть ты скажи, что мне делать?!" — почти в отчаянии подумала я, не особенно надеясь, что Бог отзовётся.

"Не знаю... Ты сама — своё избавление. Так говорит мой дар", — прошептал он в ответ.

Несколько дней пролетели за работой как один. И Дуглас О'Ши, и Фрэдерику оказались гораздо более разговорчивыми, чем Стэфан. Заметив это, я то и дело донимала вопросами их обоих, они отвечали, как умели. Штурман перемежал объяснения с ругательствами, которые с каждым днём становились всё мягче, так что вскоре он удовлетворился тем, что стал называть меня "рыбой-прилипалой". Я вздрагивала каждый раз, когда он так ко мне обращался, но перепонки пока ещё не отросли заново, да и других признаков проклятья я на теле не замечала, так что вскоре успокоилась.

Случая побеседовать наедине со Стэфаном мне пока не представилось — он почти не выбирался на палубу. Подозреваю, что находиться на чужом корабле ему не особенно нравилось.

Сегодня, в предпоследний день плавания, я стояла на капитанском мостике. Фрэдерику оперся локтями на штурвал и не столько вёл, сколько следил да приготовлениями. Матросы вытаскивали на палубу или перекладывали какие-то мешки и ящики, о содержании которых мне никто упорно не хотел рассказывать.

Над палубой, во влаге и под солнцем, расцветали множество разных запахов. Я даже не могла отличить их источники — настолько сильно они смешались. Именно поэтому я забралась повыше — отсюда какофония ароматов ощущалась не так остро.

— В прошлый раз, когда мы с вами беседовали, — сказал Фрэдерику, выразительно зглянув на мои руки, — я не стал задавать вам вопросы, однако сейчас все же хочу спросить.

Я замерла и напряглась. Конечно, отдала дань тактичности капитана, который не стал устраивать мне допрос в тот раз и просто поддержал, но не тогда, так сейчас мне придется несладко, ведь о прошлом Эстер я все еще помню крайне мало. Или он овсе не о ней хочет узнать?

— Вы всегда мечтали путешествовать? — огорошил меня капитан.

Я покосилась на него с удивлением, не зная, как ответить. Пока пыталась лихорадочно сообразить, что сказала бы аристократка, моряк хитро прищурился и, воровато оглядевшись, тихо добавил:

— Я спрашиваю не о леди Эстер, а о вас, кто бы вы ни были.

Ошарашенный взгляд наверняка выдал мою тайну с головой. Мне не хватило ни сил, ни актерского мастерства, чтобы притвориться дурочкой, и я лишь смотрела, как на лице капитана расцветает самодовольная улыбка. Ну каков наглец!

На миг я задохнулась от возмущения, но быстро сообразила, что если бы он хотел воспользоваться своей догадкой, то давно мог бы это сделать. Но пока молчал.

— Всегда, — тихо призналась я. — Но как вы...

— Слышал о переселении душ. Но сталкиваюсь впервые, — оборвал меня Фрэдрик, заметив, как из офицерской каюты вынырнул Стэфан.

— ... это особенный порт, — нарочито громко заговорил капитан, но теперь я слушала его лишь краем уха, вглядываясь в лицо того, кого так и не смогла полюбить, в попытках понять, не услышал ли он наш разговор. Но по спокойному лицу Стэфана мало что удалось понять. Однако никаких неожиданных или резких действий он не совершал, лишь вглядывался в горизонт, на котором уже показалась легкая дымка — предвестник земли.

Я заметила улыбку на лице капитана и собиралась все-таки выспросить, что же такого там, на этом острове, но меня прервал окрик Дугласа. Он всучил мне какие-то расчеты, коротко поручил уточнить их и привести в порядочный вид, а сам снова куда-то исчез.

Я оперлась на борт и вгляделась в цифры.

Старый пень опять специально поменял координаты местами и не дал пояснений, это я поняла, стоило только повнимательнее приглядеться и сложить в уме пружисел. В прошлой жизни математика не была моей сильной стороной, но за несколько дней, проведенных в компании старого штурмана, я уже привыкла делать в уме множество простых подсчетов. Иногда казалось, что чем легче и быстрее считаю, тем более ясными и упорядоченными становятся ее мысли. Но думать об этом было некогда.

Работа помощника штурмана хоть и занимала совсем немного времени, но выматывала, особенно в первые дни. Однако чувство причастности к общему делу, к команде, завораживало.

Для того, чтобы во всем разобраться, пришлось взять из офицерских кают инструменты — после недавнего происшествия мне их давали по первой же просьбе. С астролябией я возилась пару дней, прежде чем поняла, как правильно ее использовать, и теперь с удовольствием пользовалась новыми знаниями.

С расчетами я провозилась почти пол дня, а когда оторвала от них взгляд и осмотрелась, от удивления замерла на месте. Штурман, гладко выбритый подбородок которого, оказывается, чернел от татуировок, с проворством кошки начал карабкаться по вантам. Его сухое тело гнулось и извивалось, как у кошки. Я осмотрелась, но спросить, зачем старику такие акробатические упражнения, оказалось не у кого — все слишком заняты.

Я почесала нос, с него тут же слетели хлопья кожи. Теперь приходилось всегда носить на палубе шляпу, потому что за первые пару дней работы лицо успело обгореть. Красное, поджаренное, лицо шелушилось, и солнцу снова открылась моя полу-мертвенная бледность. До путешествия тот факт, что моя кожа почти не загорает, воспринимала философски, и только сейчас, на корабле Фрэдерики, это впервые стало проблемой и — темой многочисленных шуток.

Ожидая получить новые указания, я подняла голову.

Старый штурман, будто почувствовав мой взгляд, остановился и посмотрел вниз. Его серые глаза горели так, будто он затевал очередную шутку, к которым за время новой работы я уже успела привыкнуть. Чего стоил только тот факт, что всякий раз, когда он просил записать отчет или что-то посчитать, задание непременно оказывалось с подвохом — какие-нибудь координаты внезапно оказывались неверными, подсчеты — неточными, однако требовалось дать правильный результат. Поначалу меня изматывало решение этих загадок, а потом привыкла и включилась в игру: заваливала «учителя» горой каверзных вопросов, на которые он, к моей гордости, не всегда мог ответить.

— Эй, рыба-прилипала! — вдруг крикнул старик так, что на мощный рев обернулись все, кто был на палубе. — Забирайся-ка сюда!

Я на мгновение опешила. На горизонте виднелась полоса мелкого островка — не того, что нам нужен. Наверное, обычные моряки пополняли там запасы воды, но зачем этот клочок земли понадобился Дугласу? Да настолько, что он, похоже, решил забраться в «воронье гнездо» — смотровую площадку на верхушке мачты.

— Давай, давай, шевели лапками, сухопутная крыса, — проворчал старик, но ветер донес до меня эти слова.

Я быстро сунула записи в маленькую сумку, прикрепленную к ремню, и схватилась за канаты. Уж что-то, а лазать умею хорошо, и качка почти не мешала. Вернее, умела в той жизни, так что стоит проверить, насколько ловкое тело Эстер.

— Да не каркай ты, старый попугай, я уже иду, — старик не расслышал этих слов, зато они долетели до Фрэдерики.

— Я смотрю, вы с Дугласом нашли общий язык, — усмехнулся он.

Я нарочно не спешила. Наблюдала, как с каждым движением вверх усиливается ветер, как качка становится все более ощутимой. Могла бы добраться до старика вдвое быстрее, но хотела насладиться новыми ощущениями.

— Быстрее, ползешь как каракатица! — снова прикрикнул штурман. Он уже почти добрался до «гнезда», в то время как я была еще на половине пути.

Только опершись на перегородки, я позволила себе взглянуть вниз. До этого видела только канаты, за которые надо хвататься, и небо, бесконечно-голубое, очень далекое и никак не желающее приближаться, сколько бы ни карабкалась. Теперь перед моим взглядом раскинулся бескрайний простор. И я-то, наивная, думала, что стоять на палубе корабля — это свобода? Ничуть не бывало! Настоящая, подлинная свобода ощущалась именно здесь, на высоте птичьего полета, где качка мерно швыряла мачту из стороны в сторону, ветер выбивал из глаз слезы, не было укрытия от палящего солнца.

Вцепившись в мачту, я сделала несколько глубоких, неровных вдохов, но до конца успокоиться так и не смогла. Ветер здесь, наверху, опьянял. Голова оставалась по-прежнему ясной, тело — полностью подчинялось, но грудь горела от восторга, который, казалось, прямо сейчас разорвет изнутри. Только здесь, на высоте, чувствовалась скорость, которую на палубе можно лишь измерить цифрами, и огромные расстояния, которые раньше я только чертила на карте.

— Все вы, птенцы, в «вороньем гнезде» одинаковые, — наблюдая за моей реакцией, проворчал Дуглас, однако от меня не укрылась его понимающая улыбка и доброта в прищуренных глазах.

Штурман еще немного помолчал, наблюдая за приближением корабля к острову и давая «ученице» время, чтобы освоиться. Наконец, он поднял руку и указал в сторону острова и его прибрежных вод.

— Наблюдай за цветом воды, — старик-штурман, казалось, был полностью погружен в свои мысли и озвучивал

их исключительно ради меня.

Я последовала его совету, и через пару минут напряжения смогла, наконец, различить оттенки морской глади. На темно-голубой воде для меня все ярче проступали светло-голубые и темно-зеленые пятна, блики на волнах быстро сложились в картину течений и водоворотов. Глаза начали побаливать, а небо над головой и корабль далеко внизу будто исчезли.

— Темно-голубая вода там, где глубина вполне приличная, темно-синий или темно-зеленый цвет означает очень большую глубину, или водоросли — со временем научишься отличать, — продолжал бормотать старик, а я ловила каждое его слово, не отрывая взгляда от слепяще-яркой воды.

— Обычно удобные заливы есть в устьях рек. В пресной воде кораллы не растут, поэтому там, где река впадает в море, можно легко провести корабль, — следуя словам старика, я бегло осмотрела берег и увидела среди деревьев блики воды.

От берега в том месте, где ручеек впадал в море, темно-синяя широкая «дорога» вилась между светло-голубыми и ярко-зелеными пятнами. Почти от самого берега эта дорога резко отклонялась на запад, и выравнивалась только спустя несколько миль. Для того, чтобы безопасно добраться по ней в бухту, кораблю потребуется пройти вдоль берега.

— Пресную воду относит течением, и поэтому путь в бухту — не прямой? — после некоторого сомнения спросила я. Вопреки моим ожиданиям, вопрос не разозлил старого моряка.

— Да, — только и сказал он. — Теперь слезай, тебе на сегодня хватит.

Бросив короткий взгляд на водную гладь, я схватилась за канаты. Перед глазами плясали черные и красные круги, так что спускаться пришлось почти на ощупь и гораздо медленнее. Как только ноги ощутили палубу, показавшуюся вдруг прочной, как земля, я тут же вцепилась в борт и накрыла ладонью лицо. Глаза безумно болели.

Когда боль стала достаточно терпимой, я открыла глаза. И столкнулась взглядом со Стэфаном, который, наверное, стоял надо мной уже довольно долго.

— Понравилось? — без тени улыбки спросил он, так что я даже не могла понять, иронизирует или пытается поддержать.

Пришлось лишь кивнуть в ответ — что сказать, я просто не представляла, — и рефлекторно сжать руки, чтобы ни единый мелкий намёк не выжал мою проблему.

— Давай поднимемся на мостик. Надо поговорить, — вдруг заявил Стэфан.

Сердце рухнуло куда-то в пятки, в груди все похолодело. А вдруг он узнал? Или кто-то рассказал ему? Что тогда со мной будет?

Пока поднималась по скрипучей лестнице, тревожные догадки еще сильнее распалили страх. Оставит ли меня Стэфан на корабле, или вообще в море выбросит? Он ведь так надеялась, даже пытался быть милым.

Я посмотрела на блестящую от чешуи шею, но перепончатые руки и ещё сильнее сжала собственную ладонь. Но когда Стэфан остановилась и, воровато оглядевшись, заговорил, с меня будто сняли многотонный камень.

— На острове, в том порту, куда мы пристанем, живёт ведьма. Мы сможем до неё добраться и узнать, почему она показала мне именно тебя. Это... для меня может быть несколько рискованно, так что мне понадобится твоя помощь, — заговорил он почти на одном дыхании.

— Не рассчитываете же вы, что я понесу вас на руках по земле? — я прищурилась, стараясь выглядеть как можно более весёлой и беззаботной.

Однако в голове набатом била лишь одна мысль — "сейчас самый подходящий момент, надо ему сказать".

Но Стэфан покачал головой и посмотрел на меня с такой странной, почти безумной надеждой, что я, уже открыв рот, только глубоко вздохнула. Может, в этот раз ему и правда удастся? И тогда мы сможем избавиться от этой мерзкой напасти?

— И что я должна сделать?

— Пока просто пообещай, что когда я попрошу, пойдёшь со мной, тихо и без лишних споров.

Я не сумела сдержать усмешку — настолько неоднозначным показалось мне предложение.

— Не волнуйся. Я обещал, что не причиню тебе вреда. Пока ты жила на моём корабле, я и так мог бы сделать всё, что хотел, — заметив мою иронию, поспешил добавить капитан.

И ведь прав. К тому же, весь его вид выражал такую сильную убеждённость в успехе, что я невольно заразилась его настроением. Стэфан наверняка перепробовал кучу разных способов решить проблему. Может, новый наконец-то окажется удачным?

— Хорошо, — я кивнула и замерла.

Желание рассказать ему правду боролось с необъяснимым страхом и надеждой, и пока я решалась, капитан развернулся и ушёл.

Прекрасно, момент упущен.

Остаток дня я шаталась по палубе в полутрансе, ничего не видя под ногами от смутного беспокойства. Едва не

отдавила хвост Йо, так что он прыгнул в море, и я не видела его до заката. Спала тоже плохо.

Снился почему-то горный поход, моё первое самостоятельное путешествие. Я очень долго шла, ляжки рюкзака отдавливали плечи, солнце садилось и поднималось, а я всё шагала по узкой тропе. Справа от меня возвышались горы, слева в бесконечную темноту уходил резкий обрыв.

Проснувшись, обнаружила, что по щекам текут слезы, а Мариота смотрит на меня удивлённо. Поспешила вытереть лицо, но краснота с глаз от этого, наверное, никуда не делась. Пришлось усиленно гнать мысли о том, что может быть, мне никогда больше не придётся так долго брести по тропам гор или хотя бы островов, чтобы не разреветься снова.

И без того паршивое настроение опустилось ниже морского дна, стоило мне выйти на палубу: на горизонте уже показался окутанный рассветной дымкой остров Монтсеррат. В небо упиралось жерло вулкана, и с огромного расстояния я больше ничего не могла разглядеть, но вид земли — не гипотетической, а настоящей, — почему-то поразил меня именно сейчас. В груди всё сжалось, хотелось забиться в угол и заплакать, еда опять не лезла в горло.

Я украдкой глянула на свои руки — проклятые перепонки снова начали появляться. Пока что они почти сливались с кожей ладоней, но через пару дней, возможно, придётся опять их срезать.

Но предаться новому приступу грусти я не успела. Дуглас едва ли не за шкуру поймал меня среди остальных моряков, всучил кипу черновиков с корабельным журналом в придачу и отправил наводить порядок в бумагах. Так что почти целый день я проторчала в каюте. На этот раз, для разнообразия, с верными цифрами и подробными пометками. Всё это аккуратно перенесла в таблицы. Почерк у Эстер оказался витиеватым, но разборчивым, и хоть писала она и медленно, мне нравилось, как рука точно и привычно двигается по бумаге, какими удивительно опрятными получаются записи пером и чернилами. В прошлой жизни я сама едва понимала свой почерк, а тут — такая красота.

Как только я закончила, отворилась дверь, и вошёл Дуглас.

— Всё веселье пропустила, прилипала. Пришвартовались уже, пойдём.

Я поспешила выйти вслед за ним. Понятия не имела, что представлял собой Монтсеррат восемнадцатого века на Земле, и мне безумно хотелось знать, зачем мы все-таки прибыли сюда.

Любопытство на какое-то время оттеснило страхи, а когда я увидела, куда попала, и вовсе забыла обо всех тревогах.

Корабль мягко покачивался на волнах в порту, который оказался плавучим. Как и почти весь удивительный город. До земли, до берегов острова оставалось ещё около километра, который оказался заполнен бесчисленным множеством лодок, больших плотов с палатками и даже домами. Ближе к берегу большие постройки стояли на сваях, и почти до середины высоты вулкана берег был плотно покрыт зданиями. Ни одно из них не стояло на земле.

Между домами сновали люди, вокруг корабля уже столпились лодки торговцев. Некоторые из местных — загорелых с большими скулами и карими глазами людей — уже забрались на палубу и бойко торговались с матросами, обмениваясь всякой ерундой.

Какофония цветов и заказов ошеломила меня настолько, что я не могла сдвинуться с места. И в шуме, гаме голосов, тарабанивших на совершенно незнакомом языке, даже не услышала, как кто-то подошёл сзади. Только когда ощутила прикосновение к плечу, обернулась.

Фрэдрик улыбнулся, заметив мой сияющий взгляд.

— Туда... — я не знала, как сформулировать вопрос, мысли от восторга куда-то разбежались.

— Можно пойти, — кивнул капитан, приближаясь. — Это почти безопасно — там такая плотная застройка, что риск упасть на землю почти нулевой.

Хотелось спуститься в город, осмотреть это невероятное место. Впервые с того момента, как я узнала о проклятии, ко мне вернулось прежнее любопытство. Поговорить с местными, попробовать специи, узнать, с кем и чем тут торгуют и как живут — я даже дышать стала чаще, и перспектива смерти в тёмных водах показалась не такой уж ужасной, если перед таким финалом мне удастся ещё хотя бы несколько дней провести здесь.

— Прогуляемся? — предложил Фрэдрик, указывая рукой на трап.

Я согласилась, мы спустились, капитан уже шагнул в сторону низких домов, но нас нагнал Стэфан.

— Она пойдёт со мной, — безапелляционно заявил он и взял меня за руку.

Я удивлённо на него посмотрела и попыталась аккуратно высвободиться, на что получила тихое "ты обещала", сказанное с раздражением сквозь стиснутые зубы.

Оставалось только кивнуть, ведь мы и в самом деле договаривались, и пойти вслед за Стэфаном куда-то к переулку между хижинами. Обращиваться не хотелось, но я успела мельком глянуть на Фрэдрика. Он, еще минуту назад спокойный и улыбочивый, скрестил руки на груди и провожал нас ледяным взглядом.

Мы углублялись куда-то в бесконечные ряды построек, доски пирса качались под ногами, и казалось, что я вовсе не сходила с корабля. Хотелось идти помедленнее, разглядывать лавки торговцев, поболтать с кем-нибудь — хотя бы жестами, но Стэфан уверенно тащил меня куда-то вглубь острова, к вулкану.

— Мы идём к жрице? — спросила я, с трудом выравнивая дыхание, которое сбивались из-за быстрой ходьбы.

— Да, — ответил Стэфан, ускоряя шаг. — Мы будем очень близко к земле, и тебе, возможно, придётся немного меня подстраховать, так что...

Тут капитан скользнул по моей ладони пальцами и замер. Обернулся, опустил взгляд. Я вздрогнула и попыталась выдернуть руку, но он долго смотрел на чертовы перепонки, которые удлиннились за день. Потом поднял на меня глаза — потускневшие и равнодушные.

— Давно? — вопрос будто ударил холодом.

— Почти неделю, — сдавленно прошептала я, опуская взгляд.

Несколько мгновений мы молчали, а потом Стэфан, не отпуская моей руки, пошёл дальше.

— Тогда тем более навестим эту шарлатанку, — бросил он на ходу, но я не ответила, потому что еле поспевала за его стремительным шагом.

Мы шли переулками, и я разглядывала дома, следящие друг за другом в окна, слышала скрип досок под ногами и старалась ни о чем не думать. Очнулась только в тот момент, когда мы добрались до окраины.

Пологий бок вулкана убегал вверх, за него цеплялась низкая желтоватая трава и редкие кустарники. Вдалеке от необычного города, метрах в десяти выше по склону, стояла на сваях хибарка, соединённая с платформой, на которой остановились мы, тонким подвесным мостом.

— Нам туда, — ехидно сообщил Стэфан и первым взялся за веревочные перила.

Я слотнула и попятилась. Вспомнился рассказ Фрэдрика о том, как за считанные мгновения иссох один из матросов, и по спине пробежали зудящие мурашки.

— А мне обязательно туда идти? — спросила я, и даже стыдно стало за собственный дрожащий голос.

— Разве не хочешь посмотреть в глаза той, которая втянула тебя во всю эту историю? — Стэфан сделал несколько шагов вперёд, обернулся и протянул мне руку.

Ему и в самом деле удалось меня убедить. Я подошла к мосту, схватилась за верёвку, как будто она могла помочь, но к руке капитана не прикоснулась. Он хмыкнул и двинулся дальше.

Проклятая лестница шаталась и скрипела под ногами. Казалось, что сейчас любая из тонких деревяшек

обвалится прямо под стопой, но ничего подобного не произошло. Однако когда мы оказались на прочном пороге хижины, я чувствовала себя такой уставшей, будто пробежала пару тысяч метров.

Стэфан постучал. Несколько мгновений ничего не происходило, потом из-за двери послышался шорох. Дверь отворилась почти бесшумно, и из щели выглянуло сморщенное женское лицо.

Как только старуха подняла взгляд и узнала Стэфана, её глаза округлились, она завизжала и захлопнула дверь прямо перед его носом.

— Открывай, старая сволочь!

Капитан рванул дверь на себя. Она легко поддалась, и он рванулся внутрь. Я шагнула следом. На несколько секунд меня ослепила темнота, в нос ударил запах каких-то трав и благовоний — такой резкий, что закружилась голова, а потом меня ослепила внезапная вспышка света.

Проморгавшись, я поняла, что из хижины есть ещё один выход, и сейчас вторая дверь распахнула, а старуха улепетывала вверх по слону так быстро, как только могла. Она тащила по земле, прихрамывая и постоянно оглядываясь, ворох грязно-коричневых юбок волочился вслед за ней, и чем сильнее бабака от нас отдалялась, тем медленнее шла. Видела, что я не пытаюсь догнать, и, похоже, всё поняла.

От досады я топнула ногой, но не успела ничего сказать, как Стэфан выхватил из кобуры пистолет.

— Стой, сволочь, иначе выстрелю! — крикнул он.

Я взглянула на лицо капитана и догадалась, что тот отчаянно блефует. Если старуха умрёт, мы вообще ничего не узнаем. А если её просто ранить, то как доставать потом с земли?

Но жрица этого не поняла. Остановилась, покосилась с опаской и медленно двинулась назад, придерживая тряпье тощими руками.

— Живее!

От нового окрика Стэфана я вздрогнула, но не могла оторвать взгляд от старухи — сгорбленной, сморщенной. Её злобные глазки сверкали из-под нависших безволосых бровей, а шея чернела от некогда чётких, а сейчас расплывшихся татуировок.

Как только жрица, крихтя, забралась по ступеням и оказалась внутри, я тут же захлопнула дверь и прижалась к ней спиной. Стэфан встал возле того входа, через который проникли мы, и презрительно оглядел старуху, не опуская оружия.

— Твоё пророчество — брехня, — почти прорычал он.

Я невольно дёрнула плечами. За всё время, что провела на корабле с ним, разу не видела, чтобы он выражался так... резко и жутко.

Старуха как затравленная крольчиха посмотрела сначала на Стэфана, потом на меня, и вдруг заголосила так громко, что у меня заложило уши.

— Прости меня, девочка! — слезы покатались из щелок-глаз, и бабка вдруг рухнула на колени. Но кроме омерзения и злости я ничего к ней не испытывала.

— Я ж не знала, думала, помогаю большой любви, я же... я... — причитала она под недоуменным взглядом Стэфана.

— Встань! — прикрикнул он, но жрица рыдала, не унимаясь.

Судя по всему, её приступ самобичевания — не просто актёрская игра. Она дёргалась себя за волосы, рвала подол юбки, её ноги подкашивались каждый раз, когда она пыталась подняться.

Дождаясь, пока закончится эта отвратительная сцена, я оглядела хижину. Типичная лавка деревенской ведьмы: пучки трав, склянки из мутного стекла, глиняные тарелки и кувшины, ракушки, рыбы хвосты и плавники. У стены, за мешком, я заметила угол как будто бы рамы от картины. Заинтересованная, подошла и потянула за резное дерево. Оно не поддалось. Пришлось отодвинуть мешок, и когда я все же вытащила полотно в центр хибары, то присвистнула от удивления. С картины на меня пустыми голубыми глазами смотрела Эстер.

Я в оцепенении перевела взгляд с портрета на Стэфана. Капитан даже не пытался вернуть себе показное спокойствие и тоже во все глаза рассматривал полотно, нарисованное пусть и не слишком изящно, однако вполне узнаваемо.

Блеклая кожа, бессмысленный взгляд в неизвестную даль, сложенные на коленях руки с болезненно-тонкими и синеватыми запястьями — неужели я и правда выгляжу именно так?

— Откуда это? — я приподняла картину и стукнула рамой об мол.

Старуха сжалась под моим взглядом, поднялась на ноги и отряхнула юбку.

— Расскажу всё как есть, но клянись, что потом вы уйдёте, — проворчала жрица.

Стэфан кивнул, вернул пистолет в кобуру и сделал рукой странный жест, который я даже не успела уловить. Местный вариант клятвы, надо полагать. Старуха окинула капитана взглядом хитро прищуренных глаз, довольно кивнула, и, даже не взглянула на меня, начала торопливо объяснять.

— Аккурат за десять дней до того, как ты, капитан, вернулся в порт, ко мне пришёл молодой моряк,

офицеришка какой-то, не то француз, не то англичанин — для меня все они на одно лицо. Купил он у меня травок и рассказал прелестнейшую историю. Есть, говорит, у южных берегов остров, на котором живёт девица. И вот она-то якобы сильно любит тебя, Стэфан. Так сильно, что без тебя и жизнь вроде как не мила. Но не может она с тобой ни увидеться, ни словом обмолвиться.

Я подавила в груди kloкочущий гнев и присела на ближайший сундук, чтобы дослушать историю жрицы до конца. Однако о том, кто именно пришёл к ней, я уже догадалась.

— И портрет мне этот привез, будто я не колдунья, а шарлатанов какая, — ведьма пренебрежительно кивнула на картину и вальяжно прошлась по комнате, разминая ноги. — Попросил меня этот офицеришка, чтобы я тебе в видении эту красавицу показала и поведала про избавление от твоей напасти.

Я мельком глянула на Стэфана. Он от злости стиснул зубы, и скулы напрялись так, что, казалось, сейчас прорвут бледную кожу, но молчал, хоть в глазах и отражались ярость напополам с тоской. Сейчас он выглядел как никогда похожим на обычного человека.

— Я поначалу отказалась было — неладное почуяла. Но он угрожать начал. Я не сдавалась, тогда предложил он мне вот эту красоту, — старуха порылась в складках юбки и выудила оттуда кольцо.

То самое, из моего сна, с перламутровой крупной жемчужиной. Я дёрнулась вперёд, но замерла. Жрица отпрыгнула и спрятала драгоценность за спину.

— Хоть режьте, не отдам! — крикнула она, и я от удивления отстранилась. — В нём столько печали и злобы, что хватит целый город проклясть!

— Так и быть, оставь кольцо себе и рассказывай уже, что случилось дальше? — почти прикрикнула я от нетерпения, хотя всё и так уже стало понятно.

— Да что дальше то? Как узнала, что Стэфан здесь, послала к нему ученика с весточкой. Капитан явился, и я ему в видении показала твоё лицо. А дальше вы уж без меня разобрались, — старуха снова прищурилась. — Но дорого мне обошлась эта история. Ведьмы морские явились ко мне во снах, сказали, что зло сделала. Выпили из меня сил и крови столько, что думала, помру. Но живехонька, как видите. Не знала я, почему богини меня пощадили, а теперь вот вижу: нет им в тебе опасности девочка, послужишь ещё этим прохвосткам. Хорошо послужишь.

Старуха ослабилась, демонстрируя кривой ряд жёлтых зубов.

— Как послужу? — тут же спросила я, наклоняясь к бабке. Та снова попятилась.

— Не ведаю, и не просите, не скажу! Больше в дела этих гадин не полезу!

Стэфан вздохнул, я заметила брошенный в мою сторону мрачный взгляд. В этот момент я и сама не понимала, чего в душе больше: страха, гнева или боли. Чувства смешались, и в первые пару мгновений я боялась, что разревусь, но глаза оставались на удивление сухими. Вместе с эмоциями на меня хлынула гора вопросов: зачем я понадобилась богиням? Почему тот офицер — я ведь даже имя его не помню — решил так меня подставить? За что, ведь судя по моим снам, Эстер даже не пыталась писать ему или увести его у невесты! Да и вообще, за что всё это лично мне, той мне, которая когда-то жила в совершенно ином мире и была счастлива в нём?!

— Пойдём! — я очнулась, когда Стэфан коснулся моего плеча.

Поднялась, плохо осознавая, куда идти, и последовала за капитаном. Мост миновала незаметно, и шла по узким улицам, не задавая вопросов. По крайней мере, вслух.

Несправедливо, черт возьми! Я этот путь не выбирала!

— Что теперь со мной будет? — спросила я, когда вдруг осознала, что мы со Стэфаном сидим в каком-то кабаке.

— Я тебя во всё это втянул, так что можешь присоединиться к моей команде, и мы вместе продолжим поиски. Больше я ничего не могу предложить. Или если хочешь, останься здесь, на Монтсеррате. Деньгами обеспечу, если надо. Ни к чему принуждать я тебя не буду, но если захочешь остаться на моём корабле, — то добро пожаловать!

Стэфан придвинул ко мне кружку с каким-то горьким алкоголем — подозреваю, элем, — и отхлебнул из своей. Я последовала его примеру. Поморщилась, в горло и нос отдало мерзким хмельным жаром, но всё же сделала новый глоток.

— Я снял для тебя комнату наверху, дальняя правая на втором этаже. Отдохни там, а завтра к обеду я тебя найду, — с этими словами Стюэан залпом допил эль и поднялся.

— Куда ты? — скорее по инерции, чем из реального интереса спросила я, вскинув голову.

— Попытаюсь купить новый корабль, — ответил он, надеваю треуголку. — А ты пока подумай, хочешь ли оставаться хоть раз каком-нибудь корабле.

Когда капитан ушёл, я через силу дотянула выпивку, чтоб хоть немного забыться, и поднялась в ту самую комнату. Вернее, почти чердак. Повалилась на кровать, крыс впервые за день сполз с плеча и устроился под боком на кровати.

— Отъелся ты, однако, — пробормотала я, растирая затекшую под весом пушистой тушки руку.

Потом опустила взгляд и наткнулась на заплатку, которую шила еще на корабле Стэфана. В целом выглядела я как оборванка: протертые на коленях штаны, стоптанные сапоги, застиранная туника. Нет, так не пойдёт. Помирать — так хоть в красивой одежде.

Солнце пока даже не коснулось горизонта, значит лавки и магазины — если они тут есть — должны работать.

Я решительно поднялась, выбралась на улицу и огляделась. Прямо напротив таверны ломбард с кривой вывеской обещал "лучшие цены на подержанные товары". Отлично, с него и начнём.

За время плавания крыс притащил три крупные жемчужины и одну совсем маленькую. Я не рассчитывала выручить за них слишком много, но сумма, которую выдал после долгого торга ушлый старик с костылём и в чёрной косынке поверх седых волос, меня вполне устроила. О курсах местных валют, которые совсем не походили на привычные мне земные, во время одной из бесед рассказал Дуглас. Так что я примерно ориентировалась в стоимости местных товаров.

Сжимая в руке увесистый кошель, я отправилась в сторону порта в поисках лавки с одеждой. И вскоре её обнаружила. Дородная женщина в яркой юбке встретила меня не слишком приветливым взглядом. Глубоко посаженные глазки впились в мое лицо со злобным любопытством, а нос торговки, похожий на свиной пяточок, отчего-то дёрнулся.

— В эдаком тряпье милостыню просить стыдно, — фыркнула торговка и поднялась мне навстречу.

Ростом она оказалась раза полтора выше меня, и во столько же шире в обхвате талии, но священный трепет внушали даже не её габариты, а низкий, громовой голос.

— Так помогите приодеться, — с вызовом ответила я, и тётка тут же направилась к многочисленным сундукам и ящикам.

После почти часа утомительных поисков я обзавелась парой белых просторных рубашек, чёрными штанами из плотной ткани, кожаной жилеткой. Собиралась уже уходить, но заметила на одном из шкафов широкий кушак такого глубокого тёмно-синего цвета, что казалось, в нём можно утонуть. Долго торговалась и всё-таки купила его.

— Сапожник дальше по улице, — крикнула довольная торговка, когда я выходила.

Солнце уже тянулось круглым боком к воде, когда я купила, наконец, обувь, а заодно и лёгкую сумку из мягкой кожи, в которую и сложила старую одежду. Сапоги же продала почти за бесценок — всё равно таскать их с собой смысла нет.

Теперь, когда с делами покончено, возвращаться в душную корчму совсем не хотелось. Я посмотрела на ясное небо, и вдруг захотелось увидеть закат, хоть я и наблюдала его уже много раз. Поразмыслив, я всё же двинулась к плавучей гавани. Здесь ещё суетились моряки и рыбаки: что-то вытаскивали с кораблей и лодок, торговались, кричали, а кто-то пил прямо с горла бутылки, перемежая каждый глоток с бранью.

Солнце медленно растворялось в морских волнах, окрашивая волны в фиолетовый. Мерно качались корабли и лодки, постанывая от ласк тёплого бриза. "Голландец" Фредерика казался гигантом среди прочих судов-карликов: почти в полтора раза больше, чем погибший корабль Стэфана, он странным сочетанием простоты и силы напоминал своего капитана.

Вспомнив Фредерика, я отчего-то поежилась. Тут же воображение нарисовало его грубые, но бережные руки,

тёплую улыбку и тонкие, едва заметные ямочки на щеках, которые предательски углублялись каждый раз, когда он улыбался. Так, стоп!

Я покачала головой и окинула пристань более осмысленным взглядом. Да, пожалуй, у меня давно уже не было мужчины, но это не повод бросаться едва ли не на первого встречного, кто проявил хоть толику уважения.

— Эй, красавица! — хмельной голос незнакомца нарушил моё единение с природой, так что пришлось обернуться.

Нападения или драки я не боялась — пусть я плохой боец, но от парочки пьяных мужиков удрать сумею.

— Иди ка отсюда, — мягко посоветовала я, разглядывая оплывшее лицо, голую волосатую грудь и кустистые брови, висящие едва ли не ниже глаз.

— О! Это та потаскуха, про которую Эрик говорил! — завопил вдруг второй мужик, тощий и низкорослый, тыкая в меня коротким пальцем.

Я на миг растерялась, но в следующий даже обрадовалась возможности выплеснуть накопившуюся за день ярость и обиду.

— Что ты сказал, рыба бабка?! — закричала я, хотя под категорию "рыбьей бабки" подходила скорее я сама, чем этот вполне себе человеческого вида красноносый моряк.

— Да ладно, не упрямясь. Мы ж тоже... того, моряки! А знаешь, где бывали! Вот я те... — тощий мужик попытался схватить меня за руку, но я рывком оказалась рядом с ним и двинула по красному носу. Кулак пронзила тупая боль, но удовольствие от вида крови на самодовольном квадратном лице её притупило.

Моряк поднял на меня злой взгляд, осклабился и замахнулся, но я двинула ногой в пах. Он скрючился пополам, а я повернулась к его товарищу, но тот предусмотрительно попятился.

Драка ещё сильнее распалила кровь, и без того уже подогретую алкоголем, там что я сдала кулак и двинулась к мужику.

— Что, говоришь, за Эрик такой? — я широко улыбнулась, моряк отчего-то вздрогнул и продолжил пятиться.

— Дык я же это... Только засвидетельствовать почтение своё, во! Я же ничего... Это всё Эрик... Фредерик. Капитан "Голландца", он сказал, что вы за красивую историю под мундир полезете... — осознав, что сболтнул лишнего, мужик зажал рот рукой.

Фредерик, значит! А я уже тут размечталась. Черт бы подрал этого козла.

Гнев не утихал, но бить того, кто лишь дрожит и беспомощно выставляет вперёд руки, не хотелось.

— Где он сейчас? — спросила я, немного отстраняясь от перепуганного моряка. И чего он так боится, интересно, я ведь просто девчонка, да ещё и хрупкая на вид.

Моряк дрожащей рукой указал в сторону одной из портовых таверн.

— Тут, рядом совсем. Кабак "Зелёный змий", вон тот.

Я усмехнулась и кивнула. Символично, однако, только этого засранца я лично придушу, змия дожидаться не буду.

Я отвернулась от мужика и услышала отчётливый выдох, но мне до него больше не было дела. Я уже шагала к таверне, полная решимости как минимум вдоволь поругаться, но когда зашла в переполненное душное помещение, мой пыл немного поубавился.

Я прошла взглядом по головам, но хама-капитана не заметила. Тогда набрала в лёгкие побольше воздуха и громко спросила, где его искать. Несколько удивленных взглядов устремились на меня, а потом моряки показали куда-то в дальний тёмный угол.

Распихивая попавшихся на пути людей, я подошла к Фредерику. Он сидел, опершись спиной от стену, покачивался и, похоже, уже мало что соображал. Как только я собиралась с ним заговорить, его голова плавно опустилась на руку, и он глубоко вздохнул, явно намереваясь захрапеть до утра. Да уж, змий меня все же опередил. И когда успел так нажраться, рано же ещё?

Я окинула взглядом стол и заметила под ним пять кувшинов, судя по всему, пустых. Над капитаном же висел такой смрад перегара, что приходилось дышать через раз. На миг мелькнула мысль о том, чтобы оставить идиота в покое до утра, но злоба на жизнь и мерзких матросов пересилила, и я пнула ногу Фредерика.

— Эй, козёл плешивый, поднимайся! — все взгляды тут же обратились ко мне, но ничто уже не могло меня смутить.

Фредерик что-то невнятно промычал, не отрывая голову от стола.

— Вставай, кому говорю! — не унималась я, но пинать его больше не решилась.

— Ты бы, милочка, лучше подождала, пока проспится. Сейчас от него толку всё равно шиш, — усмехнулась бойка подавальщица, проходя мимо с огромным подносом.

— От него и потом толку не будет, — проворчала я, ещё раз оглядывая моряка. Пыл мой ещё совсем не угас.

— А дай как мне ведро, уважаемый, — попросила я у трактирщика, который тоже с любопытством и долей тревоги поглядывал на развернувшееся представление.

Он тут же предоставил мне кадку с веревкой вместо ручки, и отчего-то вздрогнул, когда передавал ее мне.

Я не поленилась сходить к причалу, спуститься по хлипкой лестнице к самой воде и зачерпнуть полное ведро. Мельком глянув на своё отражение, заметила, что на скулах появились тёмно-синие чешуйки, а зубы будто заострились. Теперь стало понятно, почему я вызывала в окружающих ужас.

Новые украшения в подводном стиле разозлили меня ещё больше. Я поднялась. С трудом, но дотащила кадку до таверны и с огромным удовольствием перевернула над головой Фрэдерика.

Он от удивления подскочил и едва не стукнулся головой о стену, его взгляд бешено заметался по таверне, пока не остановился на мне.

— Повтори как ещё раз всю ту пахабщину, которую ты лаял, пока меня здесь не было! — потребовала я, не дожидаясь, пока капитан окончательно придёт в себя.

— С удовольствием! — наконец осознав, где он и что происходит, Фрэдрик расплылся в улыбке.

По расфокусированному взгляду и замедленной речи стало понятно, что они всё ещё сильно пьян.

— Пусть весь порт знает, как сильно я тебя переоценил!

— Я не побрякушка, чтобы меня оценивать! — злость уже застилала глаза настолько, что я едва думала о сказанных словах. А ведь почти начала доверять этому уроду, и вот, что получила взамен. Прямо как на Земле, никакой разницы, кроме треуголки.

Я наклонилась над Фрэдериком и схватила его за грудки. Он попытался отстраниться, но не смог, и поднял на меня удивлённый взгляд. Я тоже удивилась собственной силе, но виду не подала.

— Потаскуха, значит! Продамся за красивую байку! — процитировала я, глядя в серые с ярко-желтыми прожилками глаза.

— Ну можно сказать и так, если ты настаиваешь, — сально ухмыльнулся Фрэдрик.

Я оттолкнула его и отступила на пол шага, наверное, уже покраснелись от бешенства, кулаки сжались сами собой, но я всё же нашла в себе силы выпрямить ладонь и вместо смачного удара вlepила моряку звонкую пощёчину. Он перехватил мою руку и прежде, чем я успела ее отдернуть, коснулся губами тыльной стороны ладони. Аристократ, чтоб его черт на рога посадил!

— Я вызываю вас на дуэль, капитан! За оскорбление будете платить вашей рыбьей кровью, если она у вас вообще есть, — перед такими словами полагалось ударить перчаткой, но что имеем, то имеем.

От пафоса собственных слов стало тошно, ладонь покраснела и горела, будто я взяла охапку крапивы, а Фрэдрик теперь щеголял ярким следом на левой щеке. Лицо его выражало полную растерянность, и на миг я испугалась, что он и слова-то такого не знает, но в следующий миг он поднялся. Пошатнулся, но устоял на ногах и аккуратно — видимо, чтобы не потерять равновесие, склонил голову.

— Я принимаю ваш вызов. Будем стрелять. Хотя такое, — капитан выразительно замолчал и ещё раз окинул меня взглядом мутных глаз, — с женщиной у меня впервые. На рассвете. Я пришлю за вами юнгу, он отведёт в подходящее место.

Получив ответ, я развернулась и удалилась, чувствуя на себе мерзкие взгляды, которые мухами вились над головой и будто норовили залезть под одежду.

Стоило мне оказаться снаружи, как боевой пыл унялся. Я вдохнула прохладный, хоть и наполненный сотней запахов воздух, и медленно пошла в сторону таверны, в которой мне предстояло ночевать.

Спустя десяток шагов меня начали одолевать сомнения. Стоило ли ввязываться в столь сомнительное предприятие? Он ведь и убить меня может. Впрочем, стоит ли бояться смерти, особенно после того, как я дважды вернулась с того света, а теперь даже не совсем жива? Старуха с косою так упорно за мной гонялась и не могла достать, а теперь я, кажется, сама кладу шею на плаху.

Хотя мне нечего терять и я понятия не имею, что делать дальше. Если выживу, то неизвестность уже не покажется такой пугающей. А если нет, то и печалиться будет поздно.

Такие фаталистические мысли мне не свойственны, но они успокоили, дыхание стало ровным, стремительный шаг замедлился. Я улеглась на жёсткую кровать почти спокойной, размышляя о предстоящей схватке. У Федерика больше опыта, наверняка он если не будет, то ранит меня...

"У тебя есть силы, чтобы одолеть его".

Я не сразу узнала голос Ксамен-Эка и вздрогнула, когда он внезапно раздался в голове, так не похожий по звучанию на мои собственные мысли.

"Какая ещё сила?" — удивилась я, припоминая обстоятельства нашей встречи. Я ведь могла сегодня не пугать моряка, Фрэдерику отыскала бы и сама, причём очень быстро. Но так хотелось пошуметь, покричать, а сознание так затуманилось от боли и обиды, что на применение особых сил не осталось ни возможности, ни желания.

"Искать можно не только вещь или место. Причины чувств — своих и чужих, верного друга или... подходящий момент для выстрела", — пояснил древний бог, и в его интонации мне послышались ехидные нотки.

Интересно, а с фехтованием это тоже работает? Искать время для верного удара можно?

"Освойся сначала с пистолетом", — проворчал Ксамен-Эк, а через несколько секунд я уже перестала ощущать его присутствие. Наверное, он уснул, и я решила последовать его примеру.

Спала я плохо. Можно сказать, что и вовсе не отдыхала. Не хватало морской качки. А ведь месяц назад я подумать не могла, что будут скучать по столь раздражавшему прежде постоянному движению.

Проснувшись в очередной раз после мутного, необъяснимо-тревожного сна, который никак не могла вспомнить, я погладила Йо, сопевшего рядом, и даже позавидовала его спокойствию. Что бы ни случилось, этот зверёк никогда не откажется от еды и отдыха.

Мысли то и дело возвращались ко вчерашним событиям, в груди отчего-то болезненно ныло. Я вспоминала собственные крики, брошенный Фрэдерику вызов, и всё произошедшее казалось пьяным бредом. Сейчас я не могла поверить, что тот, кто так бережно держал мои руки, мог облить меня грязью. Впрочем, не стоит забывать, что мировоззрение местных мне до конца незнакомо. Может, для здешних моряков такое поведение — единственная возможная норма?

Развить мысль я не успела. В дверь кто-то постучал. Я подскочила и напряглась, но из коридора донёсся голос Ги.

— Леди Эстер, откройте. Я от капитана Фрэдерику, — сказал он и постучал ещё раз.

Я поднялась с кровати, натянула сапоги и взяла со стола кружку с водой, которую предусмотрительно прихватила вчера с кухни. Но питьё даже не притупило ощущения сухости в горле, а голова начала ныть, стоило только телу принять вертикальной положение. Если мне не слишком хорошо, то интересно, каково же Фрэдерику?

— Заходи, — почти прохрипела я и попыталась откашляться, пока подпоясывала рубашку.

Может, я надеваю новые тряпки первый и последний раз, так почему бы и не покрасоваться.

— Почему ты здесь? — этот вопрос мучил меня с того момента, как я услышала голос рыжего юнги. Юнги с корабля Стэфана.

— Я... — парень опустил взгляд и резвее зашагал по коридору, будто пытался убежать от неудобного вопроса, но я нагнала его. — Я... Вы простите, Леди Эстер, но я теперь служу в команде Фрэдерику. Капитан Стэфан — хороший человек, но...

Тут мы подошли к лестнице и Юнга поскакал по ней через ступеньку, оборвав речь на полуслове.

— Но плавники тебе не нравятся, — догадалась я, спускаясь вслед за ним. — Тебе нечего стыдиться. Особенно передо мной.

Мы в полном молчании шли по тихим переулкам. Я интуитивно знала, куда мы идем, но в лабиринте узких проёмов между домами ориентировалась плохо. Небо постепенно светлело, и когда мы выбрались на довольно широкую площадку между домами и склоном вулкана, моё сердце ёкнуло от страха. Как бы я не храбрилась вчера, сегодня жить отчаянно захотелось, и даже невозможность касаться земли перестала быть столь уж значимой проблемой на фоне реальной опасности.

Заметив меня, Фрэдерику поморщился. Ветер трепал широкие рукава его белой рубашки, и даже издали я заметила двухдневную щетину на подбородке и глубокие складки между бровей. Капитан, видимо, страдал от жуткого похмелья. Или может, надеялся, что я не приду. В любом случае, утренней прогулке он явно не рад.

Рядом с капитаном стоял Дуглас и держал в руках коробку — чёрную, покрытую позолоченными росписями. Наверное, в ней парные пистолеты для дуэли. Он переводил взгляд с меня на Фрэдерику и обратно, и по каменно-спокойному выражению его лица я понимала — штурман эту идею, мягко говоря, не одобряет.

— Вы с капитаном — два идиота, — шепнула мне Мариотта, появившись откуда-то из-за спины. — Постарайтесь не продырявить друг друга, я не хочу тратить на вас силы.

Судя по всему, порядок дуэлей в этом мире такой же, как и в моем. Для процедуры требуются секундант, он же штурман, лекарь, новое непристрелянное оружие и два соперника, которые, поссорившись по пьяни, теперь и сами не рады предстоящему бою.

— Доброе утро, леди Эстер, — столько яда в голосе Фрэдерику я не ощущала ни разу, даже во время первой нашей встречи.

Поздоровавшись в ответ как можно нейтральнее, я приблизилась к капитану.

— Я обязан спросить, есть ли возможность разрешить конфликт мирным путём, — монотонно произнёс Дуглас, видимо, не особенно надеясь на бескровный исход.

— Пусть капитан Фредерик извинится за свою грубость, — тут же предложила я, высокомерно вздергивая подбородок.

— Мне не за что извиняться, — холодно ответил Фредерик, пожимая плечами. — А вам, леди Эстер, следовало бы просить прощения за то, что вы позволили себе в присутствии команды ударить меня по лицу.

Ага, значит, свою пьяную брань он забыл, зато "оскорбление" запомнил! Вчерашняя злость вернулась, пусть и не в полной мере, и я не осознано сжала кулак.

— Очевидно, к согласию вы не придете, — подытожил Дуглас и открыл коробку.

Я подошла к нему и на несколько мгновений забыла о страхах и злобе, разглядывая шикарные парные пистолеты. Чёрные, с тяжёлыми позолоченными рукоятками и тонкими стволами, они матово поблескивали в лучах рассвета и явно хранились для какого-то особого случая. Я взяла один из них, сжала рукоять, покрутила оружие в руке. Оно приятно оттягивало ладонь, и, завозившись с заправкой пули в дуло, я даже не заметила, когда Фредерик успел взять зарядить свое.

— Дуэль на линии, начало с двадцати шагов! — объявил штурман и поставил коробку на землю у своих ног.

Уже по названию я примерно поняла, что меня ждёт, но Дуглас всё же снизошёл до более подробных пояснений. Суть местного варианта почти ничем не отличалась от знакомого мне по книгам земного: противники отдалялись друг от друга на двадцать шагов и постепенно сближались. Стрелять можно в любой момент, и потенциально в выигрыше тот, кто способен попасть в цель с большего расстояния. После первого выстрела противники останавливаются, и второму из них придётся стрелять с той дистанции, с которой стрелял первый. Если один из дуэлянтов к этому моменту не истекал кровью, конечно.

Пока штурман отсчитывал шаги, неодобрительно покачивая головой, я крепче сжала рукоять и пыталась заставить тело стоять ровно, без дрожи. Фредерику затея тоже не нравилась, он украдкой поглядывал на меня и хмурился, хоть и пытался казаться я спокойным. Трагикомичность ситуации заключалась в том, что никто из нас теперь не мог отступить, даже если бы и захотел. Но в моей груди ещё горела обида за мерзкие слова. И усиливалась она тем, что поначалу капитан казался вполне дружелюбным. Так что когда Дуглас указал на точку, куда мне следовало встать, я почти без страха заняла позицию.

— Один выстрел. Начало по моему хлопку, — провозгласил Дуглас и отошёл в сторону.

Я напряглась, но тут же одернула себя и повела плечами. Давно заметила, что способность находить искомое лучше работает именно в моменты расслабления. Сейчас полностью сосредоточиться не получалось, но через несколько секунд я, поставив своей новой целью верный выстрел, ощутила, что ещё рано.

Наконец, раздался звонкий хлопок, и я сделала первый шаг вперёд. Фредерик двинулся мне навстречу.

Рано.

Я едва переставляла ноги, капитан тоже. Мы сходились очень медленно, и если я сейчас выпущу пулю издалека, то, скорее всего, не попаду, и это станет своеобразным призывом к примирению. Если Фредерик его примет, то может сделать ответный выстрел небрежно и тоже промазать. Тогда дуэль формально состоится, мир и честь будут восстановлены.

Но чуть по-прежнему говорило, что рано, а я уже привыкла ему доверять, поэтому продолжала идти.

От напряжения тело будто задеревенело, но я чувствовала, что готова в любой момент вскинуть руку и нажать на курок.

Рано... Рано...

Поймав заинтересованный взгляд капитана, я нахмурилась. Он приближался медленно, даже вальяжно, его движения казались какими-то кошачьими. Он явно не видел во мне серьезной угрозы, и это разозлило ещё больше.

Рано... Сейчас!

Всё случилось одновременно. Я занесла руку, откуда-то из-за спины раздалась ругань, судя по голосу —

Стэфана. Фрэдрик едва заметно дёрнулся, мой палец дрогнул на курке, прогремел выстрел, отдача отбросила руку. Не прошло и мгновения, как грохот раздался вновь, но мне хватило мужества не двинуться с места.

Когда в воздухе вновь повисла тишина, я обнаружила, что так и не опустила пистолет, и наконец, с облегчением расслабила руку. Окинула своё тело быстрым взглядом, но ран не заметила. Зато стоило поднять глаза, как взгляду открылась прелестная картина: по плечу Фрэдерикиа расплзлось яркое красное пятно, а он с лёгкой полуулыбкой косится на него, будто не веря, что подобное вообще возможно.

— Что здесь происходит?! — крикнул Стефан, приближаясь и поражённо осматривая нас.

В следующий миг Мариота очнулась и подошла к Фрэдерику, но прежде, чем она успела ему хоть что-то сказать, он отстранил лекарку и, не обращая никакого внимания на рану, посмотрел на меня.

— Нам помешали. Требую реванша. Завтра, на тех же условиях, — сказал он с такой мягкой улыбкой, будто звал меня на свидание, а не на очередное стрельбище.

Его тон настолько не подходил ситуации, что я расхохоталась, как сумасшедшая, то ли от удивления, то ли от радостного осознания того, что до сих пор жива.

— Как пожелаете, капитан. Надеюсь, завтра вам удастся меня застрелить, — ответила я и повернулась, чтобы уйти.

От меня не укрылся внимательный взгляд Фрэдерикиа, и я даже не сомневалась, что рассматривает он синюю чешую на скулах — причину моего острого желания расстаться с жизнью. За ночь она, кажется, ещё немного потемнела.

Я примерно помнила, как вернуться в таверну, и у меня оставались деньги, чтобы расплатиться за постой на пару дней. Сейчас видеть никого не хотелось. Всё, в чем я нуждалась — это тишина и одиночество. Но ни того, ни другого я не получила. Стоило мне сделать шагов сто, как сзади послышался окрик Дугласа.

— Эй, прилипала, погоди!

Я остановилась и обернулась. Штурман широкими шагами нагнал меня и улыбнулся.

— Ну и сцену вы уже капитаном сегодня строили! Вечером весь порт будет говорить об этом.

— Отлично, — я старалась отвечать нейтрально, хотя веселье штурмана меня удивило. Насколько я поняла, он изначально не одобрял эту затею. — Пусть весь порт знает, что я продырявила плечо капитану "Голландца".

— Пусть знает, — штурман махнул рукой, а с его лица всё не сходила довольная улыбка. И чему это он так радуется, интересно? Неужели тому, что все живы и здоровы? Не особенно на него похоже.

— Я хотел тебе кое-что показать, пока мы ещё на Монтсеррате, — вдруг перевел тему Дуглас.

Я удивлённо посмотрела на него, но не нашлась с ответом. Отказывать глупо, но и соглашаться не особенно хотелось. Впрочем, моего согласия он и не спрашивал.

— Стефан сказал, что будет возиться с бумагами на корабль ещё два дня, так что ты полностью свободна сегодня, — констатировал штурман и, взяв меня под локоть, потащил в противоположную от корчмы сторону.

Дугласу удалось зацепить моё любопытство, и он знал, что я, заинтригованная, не стану сопротивляться, так что мы шли, наслаждаясь утренней прохладой, и у меня теперь появилась возможность получше рассмотреть местных жителей.

В моем мире карибские острова были колониями Британии и Франции, в разное время переходили из рук в руки. Жили на них в основном плантаторы, завозили сюда чернокожих рабов и выращивали на удобренных вулканическим пеплом землях сахарный тростник. Но тут всё совершенно иначе. Люди — и европейцы, и местные индейцы, и метисы — все занимались своими делами: торговали, строили, мастерили или украшали. Никаких признаков губернатора или другой власти тут я не замечала.

— Как появился этот город? — спросила я, чтобы скрасить путь. Дуглас будто только и ждал, когда я подам голос.

— Его основали британские колонисты лет сто пятьдесят назад. Тут всё как полагается — губернатор, порты, торговля. Местные почти ничего не выращивают, только ловят рыбу и жемчуг, зато заместники и богачи отстроили хорошие склады и берут за аренду в три дорога. А им платят — выбора то нет. Так что деньги у местных водятся. Но это по другую сторону вулкана. А здесь район победнее. Несколько раз извергался вулкан, в такие моменты тряслась земля и берег затапливало. В первый раз кто утонул, кто сгорел, после этого долго сюда не совались, но потом прибывших становилось всё больше, места не хватало, и отстроили дома на сваях. Случись что — ближние к морю постройки дальше на глубину отчаливают, переживают извержение, а потом заново всё строят. Так и живут.

— И не страшно им? — я прищурилась и внимательно взгляделась в лицо ближайшего прохожего — высокого мужчины с тёмным загорелым лицом и крупными губами.

— На виселице или каторге страшнее, — усмехнулся штурман и внезапно остановился перед одной из дверей.

Ясно. Значит, город беглых преступников. Наверное, кто-то просто искал лучшей жизни, и всех под одного грести не стоит, но ночами по улицам всё же лучше нет гулять. По крайней мере, в одиночку.

— Проходи. Покажу тебе мою халупу, — Дуглас открыл дверь домика, который стоял прямо над водой, и жестом пригласил меня войти.

В большой комнате царил приятный полумрак, простая мебель не занимала и половины места, но моё внимание привлекла не обстановка, а кипы книг и карты, разложенные на столе, свёрнутые в трубки и прислоненные к стенам. Пухлые, тяжелые тома лежали высокими стопками на всех доступных поверхностях, только кровать оказалась расчищена, видимо, по очень серьёзной необходимости.

— Откуда это всё? — я пыталась обхватить взглядом всё разом, и никак не могла выбрать, что же рассмотреть в первую очередь — карты на стенах или книги в тяжёлых кожаных переплетах.

— Отовсюду. Кое-что сам написал, кое-что выкупил. Переписываться с издателями и коллекционерами мне ведь никто не запрещал, — Дуглас вытянул с полки потрёпанный томик и вручил его мне.

— Это мои самые первые записи. Полистай, — предложил он, но я и без его подсказки уже открыла первую страницу.

— Здесь целое состояние. А что, если снова начнётся извержение? — спросила я, взглядываясь в наброски береговой линии и продираясь через едва читаемый почерк.

— Тут ничего не случилось уже лет сто, а если вдруг вулкан проснётся, этот дом достаточно далеко в море, его не заденет, — отмахнулся Дуглас. — К тому же, большая часть этих томов издаётся на материке. А самое ценное я держу в сундуке, под полом, прямо на дне. Туда точно никто не доберётся.

Получив ответ, я тут же углубилась в записи. И чем больше читала, тем сильнее меня охватывал восторг. Зарисовки птиц и рыб, записи о течениях, даже анатомия некоторых монстров — старик досконально изучал буквально всё, что попадалось под руку. Прямо Да'Винчи Нового Света.

Мы просидели над старыми картами и дневниками дотемна. Что-то я выспрашивала, что-то штурман рассказывал сам. Я понятия не имела, почему один вид этих книг вводит меня в такой детский восторг, но не могла остановиться, вчитываясь в новые и новые строки. И чем глубже погружалась в местную природу и особенности, тем отчётливее понимала, насколько сильно мир, в котором я жила прежде, отличается от этого.

Спустя несколько часов бесконечных разговоров, я, давно уже сидевшая на полу, оперлась спиной о кровать и прикрыла глаза. Тут же вспомнились события вчерашнего дня, но я попыталась отогнать их. Однако наставник вдруг решил поднять эту тему.

— Не понимаю, за что ты так взъелась на Фрэдерику, — тихо сказал он.

Я открыла глаза и удивлённо уставилась на штурмана.

— Я вчера пил с ним, он рассказывал, что... — тут Дуглас замялся, сглотнул и продолжил. — Что вы с

капитаном Стефаном хорошая пара. Что такие юные леди как ты, любят загадочных мужчин с тяжёлым прошлым.

— И всё? — ошарашенно уточнила я, припоминая слова пьяниц. Ведь ничто не мешало им переиначить фразы Фрэдерику на свой лад, а я... Боги, какая же я идиотка. Так что поделом мне. Ведь избил человека ни за что.

— И всё, — пожал плечами Дуглас. — Фрэдрик вообще женщин не оскорбляет — бывший аристократ, чтоб его.

Я, сама нет своя от удивления, молчала, и штурман, чтобы заполнить тишину, добавил:

— И вот представь себе картину: выхожу я воздухом подышать, возвращаюсь, а капитан сидит мокрый — с него на полу уже лужа набежала — и просит меня быть секундантом на его дуэли. На дуэли с тобой!

Старик рассмеялся, и я вместе с ним. А потом коротко пересказала то, что случилось в порту. И не забыла упомянуть, что вечером выпила кружку эля.

— Но какое дело капитану до моей личной жизни, интересно? — забывшись, шутливо спросила я. — Он же не торговка базарная, чтобы сплетничать.

Дуглас вдруг резко посерьезнел и поднялся с пола, сделавшись враз из доброго наставника строгим командиром.

— Будет возможность — сама у него спроси.

По воцарившейся в комнате прохладной тишине я поняла, что задерживаться больше не стоит. К тому же, стало настолько темно, что даже лампа не помогала разобрать надписи на страницах, а перед глазами у меня плясали красные круги. Я с сожалением поднялась и уже собиралась уходить, но меня остановили слова Дугласа, сказанные как будто бы в никуда.

— Мир огромен. Кто умеет видеть, тот, увы, никогда не охватит всего, что хотел бы, но и никогда не перестанет пытаться. Многие мечтали бы о столь долгой жизни, так стоит ли с ней так легко расставаться?

Мне показалось, что Дуглас пародирует или даже цитирует чей-то тяжеловесный слог, но я не поняла, чей именно. Возможно, автора я и вовсе не знаю.

Не придумав, что ответить, я вышла на свежий воздух, и только в комнате корчмы осознала, что забыла попрощаться.

Наутро я почувствовала себя на удивление бодрой и спокойной. Всё, что раньше беспокоило меня, вдруг перестало казаться важным. Внезапно накрыло осознание того, что больше никакой миссии и никаких обязательств у меня нет. Есть проклятье, но с его объективной реальностью я бороться не могу. Есть дуэль, и если она пройдет по вчерашним правилам, то в моих руках все шансы сделать её бескровной.

Необъяснимое чувство освобождения так взбодрило, что с кровати я едва ли не взлетела. Уже на выходе из комнаты крысенок догнал меня и впился когтями в плечо так сильно, что я зашипела. Попыталась отцепить его, но зверёк буквально прилип ко мне и не желал двигаться с места. Ладно, раз так настаивает, значит, приходится.

Быстро натянула сапоги и направилась в сторону места для проведения дуэли, уже на середине пути столкнулась с Ги, которого, видимо, как и в прошлый раз послали за мной.

Заметив меня, юнга расплылся в плутовской улыбке и махнул рукой. Развернулся, толстая коса хлестнула его по спине, и мы знакомым путём быстро добрались до места поединка.

Вывернув на открытую площадку, я замерла. В утренних сумерках вдоль стен домов и у самого края платформы, где она постепенно переходила в обычную землю, столпилась почти вся команда. Я удивлённо оглядывала матросов, нашла в толпе дородную фигуру Кацки, которая стояла рядом с огромным — выше всех остальных на голову — индейцем, тоже из моряков. Неподалёку, в тени переулка, я заметила и Стефана, который, приобняв Мариоту за плечи, тоже наблюдал за происходящим.

— Какое лестное внимание, — громко сказала я, перекрывая гомон низких голосов.

Вскинула голову, медленно подошла к Фрэдерику и мы обменялись чем-то вроде приветственных кивков. Сегодня на плечи капитан накиннул бушлат, видимо, скрывая плотную перевязку. Но выглядел он волне бодрым и здоровым.

Поискала взглядом Дугласа или другого секунданта, но не обнаружила никого подходящего. Может, опаздывает?

— Сегодня особый день, — в тон мне ответил Фрэдрик и улыбнулся.

Поманив меня за собой, отступил на несколько шагов и оказался в самой середине площадки. Совершенно растерянная, я последовала за ним, хоть мы и без того находились в центре всеобщего внимания.

— Вы очень талантливы, леди Эстер, и Дуглас прекрасно отзывался о ваших успехах в навигацком деле. Я не хочу причинять вам вреда, да и получить вторую дырку в теле тоже не горю желанием. Так что предлагаю вам сделку, — произнёс Фрэдрик с вежливой улыбкой.

Я хоть и старалась сохранять видимость спокойствия, но дыхание сбилось от удивления. Едкий комментарий о трусости вертелся на языке, но я решила всё же промолчать. Выждав короткую паузу, капитан продолжил.

— Я готов признать результат вчерашней дуэли и принести вам свои извинения, если чем-то обидел. Взамен

предлагаю вам вступить в мою команду в качестве помощника штурмана.

Над площадкой повисла странная тишина. Я огляделась, и по улыбкам матросов, по довольному прищурю Ги и одобрительному кивку Дугласа поняла, что все, кроме меня, ещё вчера знали о намерениях Фредерика.

Место злобы тут же заняли удивление, а вслед за ним — надежда. На корабле Фредерика, выполняя долг, как и другие проклятые, я смогу избавиться от мерзкой чешуи и перепонок. И от участия старого Кока, который ушёл по зову моря. Но если Стэфан найдет-таки избавление, уже не могу ему присоединиться, да может, и узнаю об этом лет через сто.

Я целые сутки металась из угла в угол комнаты в корчме, пытаюсь решить, что же делать. Желание избавиться от проклятья поминутно чередовалось с любопытством, которое вызывал во мне этот мир.

Йо водил носом из стороны в сторону в такт моим шагам, но не выбирался из кокона колючего одеяла. Когда мне надоело ходить, и я с размаху плюхнулась на жесткий матрас, крысенок от удивления подпрыгнул и недовольно пискнул.

Я прикрыла глаза, хотя закатные лучи слепили даже сквозь закрытые веки, и попыталась представить, что будет, если Стэфану все-таки удастся найти способ избавления. Что будет, если не удастся, я уже много раз представляла во всех подробностях.

Я смогу сойти на землю, возможно, доберусь до материка, а что потом? Ни связей, ни больших денег у меня нет. В лучшем случае я снова наймусь на торговый корабль где-нибудь в Средиземном море, в худшем — осяду в одном из грязных европейских городов и буду остаток жизни коротать на сбережения от продажи жемчуга.

Не очень впечатлившись перспективами, я снова поднялась на ноги и коснулась пальцами скул. Острые чешуйки оцарапали палец, и я отдернула руку. Снова прислушалась к себе, и таинственная сила снова намекнула, что избавление от проклятья — во мне самой. Значит, на какой бы корабль я ни пошла, мой выбор ничего не изменит. С другой стороны, под командованием Фредерика я скорее всего проживу подольше.

Тут же некстати вспомнились и записи, которые показывал Дуглас. Хитрый старый лис ведь специально этот сделал. Уж не знаю, зачем я ему понадобилась, но вчерашней демонстрацией он явно пытался меня заинтересовать.

Чуть позже память подкинула и трюм, тонкое лезвие ножа и нежные прикосновения грубых рук... Но эти лишние детали я тут же постаралась выбросить из головы — они к делу мало относились.

Спустя час после того, как я всё же приняла почти окончательное решение, дверь в мою каморку приоткрылась, и в образовавшуюся щель просунулся сначала нос, а потом коса Ги.

— Добрый вечер, леди Эстер.

Получив разрешающий кивок, юнга зашёл в комнату и прикрыл за собой дверь.

— "Голландец" капитана Фредерика отчаливает с рассветом. Все члены команды обязаны вернуться на корабль не позднее сегодняшнего вечера. Если вы согласны принять предложение капитана, то должны сегодня явиться на борт, — на одном дыхании выпалил паренек, будто заучил фразу.

Я кивнула и взяла сумку. Посадила крыса на плечо и вслед за Ги вышла из комнаты.

На фоне золотистого неба потемневшие от влаги дома из дерева казались совсем чёрным, люди ещё сновали по улицам, из переулков и окон кабаков доносились смех и ругань.

Когда мы подошли к трапу "Голландца", меня окликнул Стефан. Ги уже поднялся на борт, и мы остались вдвоём.

— Хотел попроситься и поблагодарить, — сказал капитан, подходя ближе.

— За что же? — я искренне не понимала, чем он мог быть мне обязан.

— За то, что помогла Мариоте. Иначе я бы так и не узнал, — Стэфан тепло улыбнулся, и я не смогла сдержать ответной улыбки. — Я не должен был лгать тебе и себе самому.

Я посмотрела в водянистые глаза, которые теперь казались куда более живыми, чем пару недель назад, мне вдруг захотелось раскрыть все карты, чтобы между нами не осталось никаких недомолвок. Хотелось поставить четкую точку в моём путешествии с ним.

— Раз уж мы заговорили о лжи... — медленно начал я, наблюдая, как изумлённо изгибаются брови Стефана. — Я должна тебе сказать, что я — не Эстер. Не знаю, веришь ли ты в переселение душ, но когда она утонула, это случилось. Мы, наверное, умерли с ней одновременно. Вернее, она умерла, а я каким-то образом заняла её тело. Не знаю, почему так получилось, но я боялась сказать...

Осознав, что начинаю оправдываться, я замолчала и посмотрела на капитана. В его взгляде не заметила ни удивления, ни злости.

— Я уже понял. Эстер не стала бы бросаться с саблей на Кракена, не училась бы у Дугласа с таким усердием и уж точно не нашла бы общий язык с ним, — Стэфан усмехнулся и глянул вверх, на борт корабля. Я посмотрела туда же, куда и он, и заметила на борту Фрэдерика. Он стоял к нам спиной и раздавал указания матросам.

— Знаешь, обычно он не ревнив, но в последнее время с ним что-то странное творится, — вдруг шепнул Стэфан, кивая в сторону Фрэдерика. А потом развернулся и как ни в чем не бывало ушёл, не прощаясь.

И к чему вообще сказана последняя фраза? Что на Стэфана нашло?

— Леди Эстер, я не стану ждать вас до рассвета, — окликнул сверху Фрэдрик.

Я хотела огрызнуться в ответ, но вовремя вспомнила, что я теперь его подчиненная, и молча взбежала по трапу на борт.

Стоило мне оказаться на корабле, как дни с огромной скоростью понеслись один за другим. Йо, заметив корабельных крыс, с рыком бросился на одну из них, и я даже думать не хотела, что он сделает с бывшими сородичами. Мне выделили каюту — на этот раз более просторную, со шкафом и столом в придачу к кровати, и начались своеобразные трудовые будни с бесконечными измерениями, записями и снова измерениями. Дни могли бы показаться ужасно однообразными, если бы не море — бесконечно просторное, и не цель нашего путешествия — тот самый сенот, для которого, как объяснил Фрэдрик, надо наловить по пути носящихся над морем душ.

Но мы уверенно шли по волнам уже почти две недели, однако ни одного призрака так и не заметили. Я пыталась расспрашивать Фрэдерика и Дугласа о том, как вообще выглядит поимка мертвецов, но оба только посмеивались и отговаривались фразой "поймаем — увидишь".

Так что сейчас я стояла на палубе, вглядываясь в бесконечную даль в надежде заметить хоть одного такого духа.

Солнце палило, что есть сил, и кожа с носа облезала, едва успев восстановиться. Шляпа не спасала, лицо то горело, то чесалось, и так постоянно.

Я поскребла ногтями по скуле, привычно смахнула с пальцев чешую, которая в последнее время побледнела, высохла и начала всё легче отваливаться от тела. На лбу выступили капли пота, но я не стала их стирать — всё равно бесполезно. Ещё только восемь утра, а жара уже нестерпимая, хоть я и хожу в одной тонкой рубашке на голое тело.

Когда на палубе показался Фрэдрик, матросы притихли. Все будто чего-то ждали от него, и он, оглядев раскрасневшихся моряков, отдал короткий приказ одному из квартирмейстеров. Огромный загорелый детина сверкнул кривоzubой улыбкой и кивнул, а в следующий миг над палубой разнёсся его громовой голос.

— Ложимся в дрейф! И спускайте лягушатник!

Матросы засуетились, под лающие окрики старпома меня положение парусов так, чтобы корабль сначала замедлился, а потом и вовсе замер, качаясь на волнах. Те члены команды, которые сегодня не дежурили на палубе, вытащили из шлюпки старую парусину и, привязав верёвки к четырём её концам, спустили конструкцию в воду. Получился импровизированный бассейн и спустя несколько минут в него уже набилось с десятков полуголых мужиков. Мне туда нырять не улыбалось, но я не знала, умеет ли Эстер плавать. Иронично, но за всё время, проведённое в море, купаться мне приходилось только в неудобной бадье.

Я вернулась в каюту и быстро натянула старые потертые бриджи и посеревшую от времени и влаги рубаху, сапоги улетели куда-то под кровать, а волосы пришлось собрать в тугую косу. Когда я выбралась обратно под беспощадное солнце, половина команды уже барахталась внизу, из парусины доносился хохот и ругань.

Я перегнулась через борт, морально готовясь к прыжку, и едва не свалилась, когда голос Фрэдерика раздался прямо за моей спиной.

— Плавать то умеешь? — спросил он, собирая волосы в низкий хвост.

Я мельком глянула на рваный шрам, который не скрывала ни одежда, ни локоть, но тут же отвела глаза. Не хватало ещё плясать на чужое тело. Пусть даже оно сильное и рельефное.

— Когда-то умела, — сказала я, пытаюсь отвлечь себя от мыслей, которые текли совсем не в спортивное русло.

— Тогда вперёд. Будешь сегодня учиться дышать жабрами. Ты уже готова, — с этими словами Фрэдрик толкнул меня, и я полетела в воду.

Едва успела сжаться в комок, как провалилась в прохладу и тишину. Уши заложило, и я несколько мгновений чувствовала, как медленно погружаюсь в глубину. Лишь отсчитав секунд пять, открыла глаза и плавно двинула руками. Эстер, очевидно, раньше никогда не плавала, но воды я не боялась, и новое тело, натренированное фехтованием, быстро привыкало к широким движениям. В прошлый раз, когда

Я уже почти выбралась на поверхность, но рядом в воду нырнул Фрэдрик. От его тела в разные стороны брызнули мелкие пузыри, а потом я почувствовала, что капитан, схватив меня за руку, тянет куда-то вниз.

Воздух в лёгких заканчивался, так что я инстинктивно дёрнулась, но он не отпустил, рукой крепко вцепился в моё плечо. Тогда я указала вверх, но он в ответ покачал головой и хлопнул ладонью по шее с длинными чёрными полосами жабр, которые мерно расширялись и сужались, выпуская воду.

Я вздрогнула, по телу прокатилась волна страха и отвращения. Неужели и у меня есть что-то подобное?

Дёрнулась ещё раз, почувствовала, как начинают гореть лёгкие, едва не хлебнула носом и задала рот ладонью, но Фрэдрик резко притянул меня к себе, прижался губами к моим губам и почти насильно влил в меня целый поток воды. От удивления я подалась назад, но ощутила, что новая порция воздуха наполнила грудь, жабр и шею раздулись, выпуская бесполезные излишки влаги.

Капитан выждал одно лишнее на мой взгляд мгновение и отстранился, при этом лицо его ничего не выражало. Я ощутила лёгкую дрожь в руках, но тут же себя одернула. Он просто помог мне не задохнуться, вот и всё. И нечего предаваться бессмысленным фантазиям.

Зато теперь все понятно: рыбы зачерпывают воду ртом, прогоняют её через жабры, получая так кислород, а излишки выводят через жаберные щели обратно. Видимо, дыхание местных ихтиандров работает по тому же принципу.

Я посмотрела на Стэфана, пытаюсь понять, как бы сделать процесс подводного дыхания более удобным. Он не открывал рот, как рыбы, зато его ноздри едва заметно расширялись. Он буквально дышал водой.

Я вздрогнула от мысли о том, как соль будет мерзко щипать носоглотку, и хотела всплыть, но капитан все ещё держал мою руку. Боли я не испытывала, но и вырваться нет могла. Проницательный, зараза.

Я зажмурилась и, чувствуя, что воздух уже на исходе, осторожно попыталась хлебнуть носом. К моему удивлению, вода не причинила почти никакого дискомфорта и на уровне рефлекса я прогнала её через жабры. И только после того, как я проделала это упражнение трижды, ощутила, что Фрэдрик убрал руку с моего плеча.

Когда я окончательно привыкла к тому, что лёгкие наполняются воздухом не на вдохе, а на выдохе, подниматься на поверхность уже не хотелось. Солёная вода пощипывала сожженную на солнце кожу, приятно охлаждала тело и дарила расслабление.

Заметив, что я освоилась с новым способом дыхания, Фрэдрик поманил меня вниз и первым начал спускаться в темноту. Не особенно понимая, чего он хочет добиться, я последовала за ним.

Мы преодолели несколько метров, и я заметила внизу стайку мелких рыбок. Их серебристые тела переливались в рассеянных солнечных лучах, и туча, в которой таких мальков не меньше сотни, двигалась как единый организм. Фрэдрик с нечеловеческой скоростью врезался в эту толпу, и рыбешки фейерверком брызнули в разные стороны. Я едва не засмеялась, но вовремя прикрыла рот рукой.

Оглядевшись, почти под своими ногами я заметила тупую вершину скалы. Капитан уже направился к ней, и я поспешила вслед за ним. Мы опускались вдоль почти отвесной каменной стены до тех пор, пока Фрэдрик не нырнул в одну из крупных трещин. Заинтригованная, я тоже поспешила заглянуть туда же. Плыла почти на ощупь, но проход всё расширялся, и вскоре мы выбрались в подводную пещеру, края которой едва угадывались в свете фосфоресцирующих водорослей.

Капитан взял меня за руку и потянул вверх. Я уже не сопротивлялась, но сильно удивилась, когда мы внезапно вынырнули.

— Воздушный карман? — спросила я и закашлялась от непривычно большого количества кислорода, который с новым вдохом хлынул в лёгкие.

Фрэдрик не ответил — незачем. А я во все глаза рассматривала влажные стены, покрытые слабо светящимся белым мхом. Блики от света и воды играли на камнях, складываясь в причудливые узоры. Я легла на воду и стала рассматривать их, пытаюсь, как в облаках, разглядеть фигуры животных и птиц. Вода держала удивительно легко, и я начала подозревать, что изменилась не только моя дыхательная система. Сама структура тела поменялась так, что в воде оно становилось лёгким и свободным, и плавание дарило столько удовольствия, что считать проклятье злом

как-то не получалось.

— Красиво, — подала голос я, чтобы хоть чем-то нарушить странное молчание. — Откуда вы узнали при этом место?

— Пока не на посту, можно и на «ты», — Фрэдрик лёг рядом и тоже устремил взгляд в потолок. — У меня были десятки лет, чтобы исследовать глубины. Сомневаюсь, что я изучил хотя бы сотую их часть, но знаю несколько мест. Если хочешь, могу показывать их тебе. Если ты передумала умирать, конечно.

Я попыталась кивнуть, но в воде это выглядело как конвульсия. Однако ответить прямо почему-то не решилась.

— Наверное, надо возвращаться, — предложила я, хоть покидать пещеру совсем не хотелось.

— Без нас не уйдут, — усмехнулся капитан, но всё же нырнул.

На обратном пути я попыталась исследовать пределы собственной скорости плавания, но мы добрались слишком быстро — я едва не ткнулась головой о днище корабля.

Даже вернувшись на палубу, я чувствовала себя бодрой и отдохнувшей. Матросы отряхивали влажные волосы, повсюду разлетались брызги. Большинство из них, как и я, предпочли парусине открытое море, но нашлось немало желающих расслабиться в почти горячей воде под солнцем. Среди них был и Ги, он выбрался на палубу одним из последних, отжимая косу. Я с радостью отметила, что его взгляд стал совсем ясным и чешуя начала постепенно слезать с кожи, оставаясь на ней лишь местами, серыми сухими пятнами.

— Пожалуй, мне понадобится ещё несколько тренировок по плаванию, — пробормотала я, ни к кому конкретно не обращаясь.

— Ладно, сама напросилась, — вдруг ответил Фрэдрик откуда-то из-за моей спины.

День прошёл в обычных делах, и, освободившись на закате, я снова вышла на борт, чтобы в очередной раз наблюдать за тем, как солнце ныряет в тёмные воды. Но насладиться часом спокойствия мне не дали: слева возник Ги и с обычной плутовской улыбкой сообщил, что капитан вызывает меня в свою каюту.

Я лишь холодно кивнула, но внутри всё сжалось. Вопрос "зачем?" звенел в голове, но вразумительного ответа я придумать не могла. Обычно всё, что касалось маршрута, Фрэдрик обсуждал только с Дугласом.

Я медленно шла, стараясь отдалить предстоящий разговор. Надеюсь, только разговор. Но палуба оказалась предательски короткой, и в конце концов мне всё же пришлось постучать в деревянную дверь.

— Заходи.

Фрэдрик стоял у шкафа с резными дверцами и что-то в нём искал. Ни карт, ни книг на столе я не заметила. Только два изящных стеклянных бокала и лампу, которая освещала аккуратно обставленную простой деревянной мебелью каюту. В быту капитан явно неприхотлив.

— Ты на этом корабле уже больше двух недель, — Фрэдрик захлопнул дверцу шкафа, и в его руке я заметила мутно-синюю стеклянную бутылку. — Но никто из команды, даже Дуглас, не знает ничего ни о твоём прошлом, ни о том, как ты оказалась на корабле Стефана. Так что я вынужден спрашивать прямо.

Фрэдрик откупорил бутылку и пригласил меня к столу. Я уселась на один из деревянных стульев с неожиданно удобной спинкой, он опустился рядом, на второй. Блик лампы пробежал по тонкой грани бокала, когда капитан взял его в руку, чтобы наполнить. К моему счастью, вином, а не мерзким элем.

— Почему вы хотите об этом знать, капитан? — осторожно спросила я.

— Возможно, нам придётся жить бок о бок ещё не одну сотню лет. Я не хочу никаких неприятных сюрпризов, — холодно ответил он, но глаза странно блестели в слабом свете.

Я пригубила вино, мысленно поаплодировала хорошему вкусу капитана и, немного подумав, решила, что скрывать от него правду бессмысленно. И выдала разом всё, что знала, начиная от попадания в этот мир и заканчивая историей с пьянчугами в порту.

К тому моменту, как я закончила, бутылка почти опустела. Я сидела, разморенная алкоголем и уставшая от утреннего "урока по подводному дыханию", закинула ногу на ногу и пыталась расслабиться, насколько это возможно на жёстком стуле. Фрэдрик давно избавился от бушлата, и теперь сквозь тонкое полотно рубашки проступали линии татуировок. Завершив свой рассказ, я одним махом допила остатки вина из бокала и потянулась.

— Надеюсь, я в полной мере удовлетворила ваше любопытство, — протянула я, пытаясь подавить зевок. — Теперь ответьте на мой вопрос: как в догадались, что я — не Эстер?

— Более чем. И я же просил обращаться на «ты», — ответил Фрэдрик, но смотрел откуда-то в пустоту, явно озадаченный моей историей.

Однако ответить мне все же соизволил.

— В те далекие времена, когда я только поступил на службу, на корабль «Мэри Роуз». Тогда и флота-то у Англии не было — пять кораблей, и на те набирали всякий сброд. Один из матросов — мой товарищ — постоянно рассказывал разные байки. Одну уж очень любил повторять: про человека, запертого в королевской лечебнице, в Бедламе. Тот человек утверждал, что он прибыл из другого мира. Из мира, где умерли наши боги. Предсказывал, что Европа вскоре станет великой, что откроют новый континент. Мы моряку не особенно поверили, но и спорить никто не решался — в те времена и на моей родине по лесам свободно бродили духи и эльфы, так что всякое случалось. Почему бы и не быть другом миру? Но все это казалось сказкой, и человека того я сам ни разу не видел. Однако когда вы... ты сказала про завоевание Америки, я вспомнил.

Выслушав рассказ капитана, я задумалась, подперев кулаком подбородок. Стало не по себе от мысли о том, что я — не единственная, кому впало несчастье — или честь — обрести здесь вторую жизнь.

— Одной оговорки для выводов вам было бы мало, — все же сказала я, чтобы нарушить тяжелое молчание. — Неужели так заметно, что я веду себя иначе?

— На корабле — не слишком. Но среди других аристократов ты бы сильно выделялась. Видишь ли, приличной леди не полагается знать ничего о петухах, мужских бушлатах и том, что под ними скрывается, — усмехнулся капитан.

Я рассмеялась в ответ, и тут же замолчала, пойма себя на том, что так громко и искренне хохочу впервые с тех пор, как попала в этот злосчастный мир. Заметила теплый взгляд капитана, улыбнулась ему и решила, что сейчас самое подходящее время для еще одного вопроса.

— А что вы на самом деле сказали там, в порту? — спросила я.

На трезвую голову не решилась бы, но вино притупило страх. И мне ужасно хотелось узнать, что он ответит: о разговоре с Дугласом на ту же тему я тактично умолчала.

Фрэдрик улыбнулся и поднял на меня глаза. Потом взял меня за руку и наклонился почти к самому лицу. Я замерла от удивления и странного волнения, от ощущения знакомого бережного касания по коже разбежались стада мурашек. Капитан совершенно не выглядел пьяным на этот раз — острый взгляд выдавал полностью ясное сознание.

— Я сказал, — прошептал он, и его губы едва-едва не касались моих, — что...

Следующие его слова заглушил истошный женский визг откуда-то снаружи. Я вздрогнула, мы оба вскочили и, не сговариваясь, ринулись на палубу.

Оказавшись снаружи, я влипла в облако холодного тумана, который странно мерцал и, кажется, звенел. А может, мерзкая трель стояла в ушах из-за крика, который спустя несколько секунд повторился.

Я зажала уши — от невыносимого визга, казалось, лопнут барабанные перепонки, он терзал слух бесконечно долго, но всё же прекратился.

Я осмотрелась в поисках источника жуткой трели, но едва ли что-то могла разглядеть.

— Оставайся здесь, — бросил мне Фрэдрик, проходя мимо. В руке он сжимал странную сеть с крупными делениями.

Я послушно замерла, прижавшись к двери в попытках отдалиться от мерзкой дымки, но она всё сильнее окутывала меня.

— Во имя Иш Таб, прекрати это, — потребовал Фрэдрик, и от льда в его голосе по коже пробежали мурашки. Обычно он казался таким весёлым и спокойным, и я даже представить не могла, что он может разговаривать так.

— Верни, — прошипело нечто над моей головой.

Я заозиралась, но всё ещё не видела того, кто говорит.

— На тебе метка самоубийцы! Ты добровольно рассталась с жизнью, посвятила себя Иш Таб, — капитан не кричал, но его слова далеко разносились над морем. — Сдавайся, и тогда я отведу тебя к мировому древу. На его ветвях ты обретёшь покой.

Я судорожно пыталась понять смысл происходящего, но он ускользал от меня. Однако туман начал понемногу рассеиваться, и почти в самом центре корабля, возле мачты, постепенно проступал расплывчатый образ — женская фигура в летящем над палубой платье.

Заметив мой взгляд, тень протянула ко мне руки и оскалилась, пустые глаза сверлили меня, и в них чудилось что-то до боли знакомое.

— Верни! — взвизгнула она, протягивая ко мне болезненно-тонкую, бледную руку. И в этот момент я наконец поняла, где уже видела это лицо: на портрете в доме ведьмы.

— Эстер, — почти прошептала я, но призрак услышал.

Фигура рванулась ко мне, но прежде, чем успела приблизиться, Фрэдрик ловко накинул на неё сеть. Дух забился, завопил снова, вокруг меня сгустился туман, а на шее будто сжались тиски. Я почувствовала, как немеет тело, как дышать становится всё труднее, и захрипела. Руки сами потянулись к горлу, но я усилием воли заставила себя не царапать шею. Эстер все кричала, протягивая ко мне руки сквозь звенья сетки, грудь уже горела огнём, сознание мутнело и всё расплывалось перед глазами, но я заметила, как Фрэдрик рассекает свою ладонь кинжалом, слышала слова странного заклинания, не то молитвы — не то прощения, вопль призрака стал еще громче, или может, это усилился звон в ушах, а потом сознание накрыла спасительная темнота.

Но не забвение.

Я не видела и не слышала, что происходит вокруг, но отчётливо ощущала всё тело. Руки, ноги, жабры — будь они неладны — потоки странной энергии, которую я не чувствовала прежде, пронизывали плоть, наполняя её жизнью.

— Много испытаний на твою долю, — проворчал Ксамен-Эк откуда-то из темноты. — И сегодня ты должна выдержать одно из них сама.

Я ощутила, как меня покидает чувство направления, способность ориентироваться, и в первый миг даже запаниковала, но быстро осознала, что в полной тьме каждый сантиметр тела — это "здесь", и нет никакого "там" и никакой цели, и успокоилась.

— Ты заняла моё место. Верни... Отдай... — голос Эстер разносился ниоткуда и отовсюду, холодом прокатывая по телу. Своим шепотом она будто пыталась оторвать меня, лишит ощущения, дыхания и зрения, и чувств.

— Ты сама с ним рассталась, — возразила я и стала старательно сосредотачиваться на себе. Слушала, как бьётся сердце, чувствовала, как в дыхании поднимается и опускается грудь.

— Я хотела лишь покоя, но знаешь ли ты, как тревожно носиться рад волнами? Как холодно в одиночестве? Как темно без пожара чувств?

Шёпот проникал в самую суть, расщепляя, отделяя, лишая чувства реальности. Но я всё ещё дышала, кровь бежала по венам. По моим венам.

— Я знаю, ты не хочешь жить. Ради чего тебе вечность? Отдай мне тело, и "Голландец" увезёт тебя в мир, где царит счастье, — Эстер шептала на ухо, соблазняя, заманивая. И две недели назад я бы с ней согласилась.

Холод пустоты наступал, биение сердца слышалось всё отдалённое и становилось будто совсем не моим, но я вспоминала дуэль, хижину Дугласа, едва-ли-не-поцелуй с Фрэдриком и вид из "вороньего гнезда". Сложная жизнь, но не настолько, чтобы с ней расставаться. Я хочу испытывать всё это ещё раз.

— Я хочу жить. Чувствовать свободу и ветер, и если повезёт — любовь, а зачем жизнь тебе? — прохрипела я. Мне показалось, что эти слова произнесла и в реальности.

— Я должна защитить отца, должна отомстить Грэгори, — я всё ещё отчётливо слышала голос Эстер, но он будто отдалился.

Я попыталась пошевелить руками, ногами, почувствовала под спиной что-то мягкое и поняла, что меня куда-то уложили. Связь с реальностью возвращалась, но медленно.

Ко мне вернулась способность соотносить относительно трезво, и история Эстер, наконец, сложилась до конца. Значит, офицера, который её... меня... нас подставил, зовут Грэгори.

— Назови полное имя этого мерзавца, и я обещаю, что лично с ним разберусь, — предложила я, стараясь то и дело двигаться — сжимать и разжимать пальцы рук, сгибать в коленях ноги и поворачивать голову. Так тело казалось более осязаемым, более настоящим.

— Клянись! Клянись, что отомстишь за меня, убьешь Грэгори де Леви, и что защитишь моего отца — Леонарда Обиньи! — шёпот призрака уже становился совсем далёким, но я всё ещё чувствовала угрозу. Казалось, что в любой момент мою хрупкую связь с телом может разорвать чужеродный дух.

Брать заказ на убийство не хотелось, я замолчала, но с каждой секундой промедления тело становилось всё

более холодным и труднее поддавалось разуму.

— Хорошо, я клянусь, — выдохнула я, и в следующий миг накрыло забвение — на этот раз полное.

Сознание возвращалось медленно и болезненно, будто его — тягучее — кто-то тонкой струёй раскалённого металла заливал в голову.

Стоило открыть глаза, как я тут же зажмурилась от света. Какое-то время дышала, прикасалась пальцами к покрывалу на кровати, согнула ноги в попытке их размять и с трудом припоминала всё, что мне виделось в предсмертном бреду.

Какие-то люди-амфибии, "Летучий Голландец", кракен... Странно, ведь фэнтези я никогда не любила особо. Интересно, я лежала в коме или просто отрубилась? Надеюсь, с момента крушения лайнера не прошло лет десять — грустно будет осознавать, что я потеряла так много времени.

Но как бы там ни было, мне нужен отдых. Вернусь домой, в Италию, в свою маленькую квартиру, и напишу книгу по мотивам коматозных бредней. Впервые — художественную. У неё будет красивая морская обложка, и моё имя — "Беатриче Герра" — будет белым на ярко-синем фоне. Печально, конечно, осознавать, что единственный в моей жизни заботливый мужчина создан моей же фантазией, но ничего, переживу.

— Эстер, — голос Фрэдерики выдернул меня с небес мечтаний, и я удивлённо распахнула глаза.

Нет... Нет, нет, нет, пожалуйста, пусть это всё было не по-настоящему! Пусть чудовища, проклятья и жуткие клятвы останутся только в больных снах!

Я ощутила настолько сильное разочарование и одновременно с ним настолько странное облегчение, что от мешанины чувств слезы полились из глаз. Я утерла их ладонью и совсем не по-аристократически хлопнула носом.

Фрэдрик подошёл и сел на край кровати. Он выглядел каким-то отрешённым, потерянным и печальным. Как ни вглядывалась, былого задора в глазах я больше не находила.

— Эстер, послушай, я...

— Меня зовут Беатриче. Беатриче Герра. Я вспомнила, — перебила я, снова утирая непрошеные слезы.

Фрэдрик вскинул голову и прежде, чем я успела что-то осознать, оказалась сдавлена крепкими объятьями.

— Прости, я думал, что дух Эстер вернулся в это тело, — прошептал капитан над моим ухом. Его дыхание коснулось волос, и я, обессиленная, уткнулась лбом в широкое плечо.

Какое-то время мы сидели так, будто боялись спугнуть момент. Его теплое дыхание щекотало висок, и по телу прокатывался жар каждый раз, когда я слышала, как сильно бьется в груди его сердце. Вдруг отчаянно захотелось, чтобы Фрэдрик обнял меня, но не просить же об этом. Я замерла, и он тоже почти не шевелился. Вдруг в каюте снова повеяло холодом, и слабая тень Эстер возникла возле двери.

— Ты клялась, — прошептала она, и бесчувственный голос расползается холодным туманом по полу. — А вы, капитан, сделайте что должно.

Эстер окинула нас равнодушным взглядом, а потом повернулась и растворилась в ближайшей стене.

Я мелко задрожала не то от холода, не то от уходящего из тела напряжения, и Фрэдрик прижал меня к себе немного крепче, пытаясь согреть. Только сейчас я заметила потемневшую от крови повязку на его левой ладони.

— Зачем ты порезал руку?

— Это ритуал жертвы богиням. Один из многих. Я обменял немного крови на силу, чтобы подчинить духа, — пояснил капитан, немного отстраняясь.

Мы снова замолчали. Мне отчего-то не хотелось, чтобы он уходил сейчас, так что я продолжала держать его ладонь, а мысли лихорадочно металась в попытках придумать тему для разговора. Но в итоге я, чувствуя, что тишина затягивается, выдала первое, что пришло в голову.

— Я не слышала, что именно ты сказал, когда закричала Эстер.

Федерик поднял на меня смеющийся взгляд и улыбнулся.

— Я сказал Дугласу, что нам никогда не удастся переманить тебя на наш "Голландец". Что тебе, видимо, больше нравится атмосфера загадки и борьбы, а не простой труд моряков. Теперь вижу, что ошибся.

Остаток ночи я пыталась уснуть, но то и дело вздрагивала от беспричинной тревоги. Даже тёплая шерстка Йо, которую я трепала время от времени, не помогала успокоиться.

Крыс, в отличие от нас с Ги, своей чешуи не терял: его хвост всё так же поблескивал на свету. Может, оттого, что он по пол дня проводил в воде, а может, проклятье на животных действует иначе — я не знала, но почему-то радовалась тому, что мой питомец не превращается в обычного вредителя.

К утру я успокоилась, фантазии о возвращении домой забылись и поблекли, хоть всё ещё вызывали лёгкую печаль. Но я определённо чувствовала себя иначе: теперь на правах хозяйки, а не случайной гостьи занимала собственное тело, теперь оно принадлежало мне полностью, а воспоминания Эстер казались картинками из фильма или игры от первого лица.

Утром, разобравшись со ставшими рутиной делами, я привычно оперлась на борт и уставилась на волны. Вид воды успокаивал, замедлял мысли, и тревога уносилась вдаль вместе с волнами.

— Эст... Беатриче, — позвал Фрэдрик, устраиваясь рядом, у борта. — Как ты себя чувствуешь?

— Лучше, чем ночью, — ответила я, но в голосе капитана и в моём ответе чувствовалось едва уловимое напряжение.

Я плохо представляла, как вести себя с Фрэдриком теперь, когда мы едва не поцеловались, но сейчас он держался так, будто ничего не помнит. Но полбутылки вина вряд ли могли вызвать амнезию.

— Что это была за сеть, которую ты накинул на призрака Эстер? — спросила я, чтобы хоть немного разрядить обстановку.

— Сеть из ветвей мирового древа. Оно не одно такое, на каждом континенте есть своё... — с видимым удовольствием пояснил он и пустился в экскурс о мостах между мирами богов и смертных в разных культурах.

Ему явно нравилось делиться знаниями, и хоть многое из того, о чем он рассказывал, мне давно известно, слушать его всё равно оказалось приятно. В его изложении — ироничном и подробном — легенды обретали особенно романтическое звучание.

Казалось, я могла бы вечность стоять здесь, и слушать его истории, но вдруг вспомнилась его вчерашняя реплика. О выпивке в кабаке и неудачно брошенных словах. И что-то не сходилось, я смутно чувствовала подвох.

Они с Дугласом сказали похожие слова, но по-разному. Штурман почему-то умолчал о том, что они с Фрэдриком хотели позвать меня в команду. А хотели ли? Или обсуждение касалось чего-то другого? А если и хотели, то как пьяницы в порту вообще узнали меня?

Любой из них мог умолчать или солгать. Может, попытаться еще раз спросить Дугласа?

— Беатриче? — позвал Фрэдрик, заметив, что я ускользнула в собственные мысли.

— Зови меня Беата, — я повернулась спиной к морю и посмотрела капитану прямо в глаза, прикидывая, стоит ли спрашивать у него о моих сомнениях напрямую. В итоге решила, что бесполезно: не сказал вчера, так с чего бы ему признаваться сейчас?

— А как сеть оказалась у тебя? — выдала я в попытках продолжить тему. Хотелось ещё чуть-чуть продлить этот безмятежный разговор.

— Это долгая история. Расскажу вечером, если будет время.

Фрэдрик отошёл, а меня окликнул Дуглас.

Прокладывая часть маршрута на карте под его чутким руководством, я всё думала о том, как бы поаккуратнее выведать правду. Мысли отвлекали от работы, я то и дело допускала глупые ошибки, пока наконец Дуглас не отобрал у меня циркуль.

— Да что с тобой сегодня, Беатриче, — спросил он, едко выделив моё новое-старое имя.

— Беата, — рефлекторно поправила я. — Никак не выходит из головы та глупая история я в порту, — призналась честно, глядя Дугласу прямо в глаза. — Сдаётся мне, ты что-то недоговариваешь.

Старый моряк поморщился, и я видела, как в его глазах веселье сменяется досадой и наоборот. И продолжала сверлить его взглядом, допытываясь правды.

— Ладно, прилипала, — проворчал старик, первым отводя взгляд. — Всё равно не отстанешь.

Я кивнула и аккуратно забрала у штурмана циркуль, чтобы продолжить работу под его рассказ.

— Фрэдрик влюбился в тебя, как нищий гимназист в актрису. Не знаю, надолго ли, но раньше с ним такого не случалось. Об этом он мне и рассказал, когда напился. Я ему говорю — "признайся, хуже не сделаешь", а он мне в ответ — историю про то, как едва оказавшись в порту, ты куда-то убежала со Стэфаном. Вот он и решил, что ему ничего не светит, что тебе кто-то более романтический нужен. Потом, когда ещё сильнее набрался, он что-то там про тебя ещё говорил, я уже плохо помню, но про внешность что-то было. А пьянчуги в порту всех баб шлюхами зарывают, у них другого эпитета для женского пола вообще не бывает.

Штурман замолчал, явно не слишком довольный своими откровениями, а я удивлённо уставилась на него.

Забавно, однако, получается, но всё ещё не до конца понятно.

— А зачем он меня тогда на корабль позвал? Чтобы смотреть на меня и страдать? — продолжила я расспросы.

Дуглас глянул на меня презрительно, как на последнюю дуру, и махнул рукой.

— Откуда мне знать? Сам-то я, конечно, рад помощнику, хоть предпочёл бы кого-то менее любопытного, но чем думал Фрэдрик — у него самого спрашивай. И вообще — вы, молодые, сами разбирайтесь, я тут ни при чем.

Дуглас показательно нагнулся над картой, но у меня оставался последний вопрос, и раз уж я затеяла этот разговор, то собиралась довести его до логического финала:

— А карты и записи ты мне по приказу Фредерика показывал?

Штурман тяжело вздохнул, протёр ладонью глаза и возрился на меня с таким страдальческим видом, что стыдно стало за свою назойливость.

— Ох и въедливая ты девка, угораздило же капитана! Нет, записи я решил показать, чтобы хоть немного тебя взбодрить. Подумал, что не будет лишним, когда ты про смерть шутить начала. Откуда я знаю, может, если бы не я, ты бы на землю от безысходности бросилась!

От такой заботы, пусть и ворчливой, на душе потеплело. Вот стал бы меня успокаивать оператор, который в том, прошлом мире снимал вместе со мной документалки? Или редактор, который правил книги? Вряд ли — с ними у меня всегда сохранялись исключительно деловые отношения.

— Спасибо, — с улыбкой сказала я.

Впервые штурман так явно чему-то удивился. Брови поползли вверх, а непонимающий взгляд сменился добрым и благодарным. Но всего на пару мгновений. Потом старый моряк сумел взять себя в руки, и мы продолжили работу, больше не отвлекаясь на мелочи. И хотя на окраинах сознания всё ещё вертелись вопросы о том, почему Фредерик ни в чем не придрался даже сейчас, спустя несколько недель плавания, задавать их Дугласу не имело смысла.

Освободилась я только на закате, и с удовольствием растянулась на кровати. Небо затянули тучи, и, похоже, ночью начнётся шторм, но меня это уже не пугало. Во-первых, к сильной качке и к тому, что корабль прочнее, чем кажется, я уже привыкла, а во-вторых, знала, что теперь в воде точно не утону. Даже если очень захочу.

Зажгла лампу, которую где-то достал Ги, и потянулась за книгой, но в ногах повеяло знакомым холодом, а вскоре передо мной появилась Эстер. Фредерик объяснил, что её призрак будет теперь сновать по кораблю, пока не доставит её к сеноту, но я всё же вздрогнула, когда бледная дымка осветила полутемную каюту.

— Тебе не нужно меня бояться, — монотонным голосом почти пропела Эстер.

Я села, и она сделала вид, что опустилась на кровать рядом со мной. Первый страх прошёл, и теперь я просто не понимала, зачем она явилась.

— Если ты позволишь, я хотела бы рассказать, почему бросилась в море в тот день, — сказала она, чинно сложив руки на коленях. — Почему-то хочу, чтобы кто-то узнал об этом перед тем, как я отправлюсь в вечное забвение.

Я кивнула, забралась на кровать с ногами и сжалась от мерзкой прохлады.

— Конечно, рассказывай.

— Когда я вступила на корабль капитана Стэфана, то надеялась, что Грегори одумается и спасёт меня. Даже письмо ему написала — уж не знаю, дошло ли оно. Ждала, ждала, но он не пришёл, разумеется. А перед тем штормом, примерно за день, "Голландец" встретился недалеко от порта с кораблём, на котором Грегори добирался до своего острова. Я увидела, как обнимает и целует свою невесту, как улыбается...

Любая другая девушка, даже я, уже разрыдалась бы на месте Эстер, но она говорила монотонно, будто и вовсе ничего не чувствовала. А может, так и есть? Однако когда она нападала, в её крике слышалось столько боли.

Мне стало искренне жаль влюбчивую аристократку, но я даже не могла взять её за руку — мои пальцы лишь проходили сквозь её кожу.

— И тогда я решила, что жить мне незачем. Дождалась сильного шторма и в суматохе бросилась в воду. Думала, никто и не заметит, но тело вытащили. А я смотрела со стороны, как Мариота приводит в чувство бледную девушку, которой я когда-то была, и представь, как мне стало страшно и обидно, когда тело... Когда ты закашлялась и на миг пришла в сознание.

Голос Эстер, до того мертвенно холодный, дрогнул. Я хотела сказать что-нибудь утешительное, но она поднялась и отвернулась.

— Спасибо, что выслушала, — прошептала она и вылетела сквозь дверь прежде, чем я успела её окликнуть.

Обессиленная и уставшая, я повалилась на подушки, пытаюсь переводить всю полученную за день информацию, но настолько устала, что почти сразу же уснула.

До берегов, на которых — вернее под которыми — обитали морские богини, мы добрались за неполный месяц. За это время собрали еще десяток теней, которые теперь бесслвно сновали по кораблю, то и дело меня пугая. Остальные члены команды посмеивались надо мной, но я никак не могла привыкнуть к тому, что из-под палубы или из-за любой стены может выскользнуть жуткий утопленник.

Вот и сейчас, оторвав взгляд от астролябии, я наблюдала за тем, как силуэт безрукого мертвеца проплывает сквозь мачту, вперив пустой взгляд в дверь на камбуз. Специально долго на него смотрела, стараясь привыкнуть к тому холоду и ощущению необъяснимой тревоги, которое охватывало меня каждый раз, когда я видела кого-то из "пассажиров". А сталкивалась я с ними постоянно, так что уже больше трех недель жила с ощущением постоянного мерзкого страха, который скребся в самых дальних уголках души, и которому я всеми силами мешала вырваться наружу.

Спокойно становилось только в те моменты, когда я стояла рядом с Фрэдерином. С той ночи, когда он едва не поцеловал меня, между нами ничего не изменилось: он вел себя так, будто мы и вовсе не пили вино в его каюте, будто я — обычный член команды. Мне уже даже начинало казаться, что Дуглас обманул, или что капитан давно забыл о своей влюбленности, если она все же была настоящей. Он по-прежнему многое мне рассказывал, учил плавать и мне даже один раз удалось обогнать его, но ни намек на симпатию он больше не проявлял.

Поначалу я злилась, потом чувствовала легкую неловкость, когда он брал меня за руку и показывал, как ставить кисть, чтобы проще разрезать движениями воду, а потом неловкость куда-то испарилась, уступив место спокойному уюту в его присутствии. И сейчас, когда я слышала за спиной шаги, не оборачиваясь могла сказать, что подошел именно Фрэдрик.

— Все готово? — буднично спросил он, тоже косясь в сторону призраков, один из которых — паренек как будто лет пятнадцати — взмыл к верхушке мачты и печально смотрел за горизонт.

— Да, — я сложил записи, наспех сделанные грифелем, в набедренную сумку и передала ему инструмент, а потом тоже подняла взгляд на мальчишку. — На что он смотрит?

— Думаю, на туман вдаль. С "гнезда" уже должна быть видна земля, — пояснил Фрэдрик и удалился.

Я тут же ринулась к канатам, привычно вскарабкалась к самой высокой из горизонтальных мачт, схватилась за нее и устремила взгляд туда же, куда смотрел утопленник. И в самом деле разглядела густую дымку вдаль, под покровом которой постепенно вырисовывалась тонкая полоса земли.

Сердце забилось сильнее, не то от страха, не то от предвкушения. Я знала, что сойти на землю не смогу, но увидеть деревья, услышать их шелест, и хотя бы представить, что я прогуливаюсь в их тени, очень хотелось.

Но когда мы приблизились к берегу, темнота уже накрыла землю, сквозь нее на фоне темно-синего неба едва проступали черные кроны, сливаясь в одну бесконечную мочалку. Только белый песок, отражая лунный свет, мерцал вдаль — я могла бы добраться до него всего за несколько минут, но не могу ступить на него еще очень долго. Однако печаль оказалась не такой уж и сильной. Я просто думала о том, что на рассвете еще увижу эту землю, и старалась сохранять бодрость духа.

Моряки спускали на воду шлюпку, вокруг которой уже вились призраки мертвецов. Фрэдрик ждал, мрачно глядя в лесную чащу. Когда Ги книзу крикнул, что все готово, капитан повернулся ко мне.

— Ты пойдешь со мной. Тебе надо встретиться с богинями, — сказал он и, не дожидаясь моего ответа, стал спускаться по веревочной лестнице, переброшенной через борт.

— Но разве я могу? — глупый вопрос, но я все же задала его, хватаясь за плотные веревки.

— В качестве подарка для новопосвященной — можешь, — грустно усмехнулся капитан, галантно помогая мне спуститься в лодку, хоть в помощи я совсем не нуждалась. — Но только на один день.

Я дрожала, пока мы переправлялись до берега. Старалась выглядеть невозмутимой, но страх при мысли о том, что Фрэдрик мог ошибаться и я иссохну за несколько мгновений, и предвкушение возможности коснуться земли — все смешалось в усталой душе. Видимо, заметив мое волнение, капитан накрыл своей рукой мою. Гребцы в темноте не заметили этого, хоть я и вздрогнула от неожиданности и удивления.

— Все будет в порядке. Я обещаю, — шепнул Фрэдрик и отстранился, но не отпускал мою руку до тех пор, пока дно лодки не ткнулось в белый песок.

Капитан прыгнул в воду, снова помог мне — на этот раз перебраться через борт — и я медленно, едва дыша, вышла на берег. На миг замерла, когда носки сапог испачкал влажный песок, но ни боли, ни удушья не почувствовала. недоверчиво подождала еще пару мгновений, и снова — ничего.

Призраки молчаливой толпой потянулись за нами. Эстер плелась в самом конце неровной колонны, безучастно глядя в темноту леса.

— Идти недалеко, — пояснил Стэфан и направился в темноту под пышными кронами деревьев.

Когда мы вышли на узкую тропу, окруженную со всех сторон колючими кустами и замшелыми стволами

незнакомых мне деревьев, я почти перестала видеть землю под ногами. Пару раз споткнулась, едва не налетев на Фрэдерику, после чего он снова взял меня за руку и стал предупреждать обо всех неровностях пути.

Объективно я понимала, что его своеобразная забота продиктована скорее уважением, и что романтические чувства обычно проявляются иначе, но душа почему-то трепетала каждый раз, когда он прижимал меня едва ли не вплотную и говорил что-нибудь вроде "справа яма" или "не зацепись за корень". Сомнительная романтика, но почему-то именно эти слова, а не натянуто-пафосные "дорогая" и "милая", которые произносил Стэфан, трогали душу. Вот только Фрэдрик не пытался расположить меня к себе. Хотя казалось, что с ним я могу пойти хоть в Ад. Впрочем, туда мы и направлялись.

Мне казалось, что путь будет продолжаться едва ли не вечно. Некстати вспомнились тропы Шибальбы, но капитан внезапно остановился. Я ткнулась носом в его плечо и тут же отстранилась. Почувствовала, как краснеют щеки, но ночная темнота скрыла мое смущение, и за это я ей очень благодарна.

— Мы пришли, — сказал Фрэдрик, указывая на темный провал в земле. — Дальше — в низ.

Я не особенно испугалась, увидеть глубокий тоннель. Пока готовилась к поездке в Южную Америку, видела эти подземные озера, наполненные водой. Майя считали их священными, а в этом мире, как я поняла, они — что-то вроде врат в обиталища богов.

— Вода там пресная, так что лучше не пытайся ею дышать. Мы с тобой морские твари все-таки, — предупредил Фрэдрик и первым прыгнул в расщелину. туда же нырнули тени, и только Эстер осталась на поверхности, указывая рукой вниз — пропускала меня вперед.

Я, задержав дыхание, последовала за капитаном. Вода обожгла жутким холодом, сапоги показались ужасно тяжелыми, и я пожалела, что не сняла их наверху. К счастью, синий пояс не надела, поэтому ничто не сжимало живот и ребра. Сделала пару размашистых движений и вынырнула, вдыхая затхлый подземный воздух.

— Нам надо проплыть через подводный тоннель, ха ним будет воздушный карман. В нем богини обычно уже ждут меня, — проинструктировал Фрэдрик. — Готовься задержать дыхание секунд на тридцать.

Я кивнула, несколько раз глубоко вдохнула и выдохнула, подготавливая легкие к такому заплыву, а потом мы одновременно нырнули. Я ожидала напоротья взглядом на бесконечную темноту, но призраки столпились вокруг нас, освещая путь. Я старалась плыть быстрее, но все равно замечала острые камни, кости людей и животных на дне, какие-то черепки и, может мне показалось, но в одной из трещин лежало ржавое металлическое лезвие.

Я даже не успела ощутить нехватку воздуха, а мы снова оказались на поверхности. Здесь призраки сгрудились вокруг стен, освещая полукруглую, как купол, пещеру, на стенах которой играли водные блики — как тогда, в морском воздушном кармане. Фрэдрик потянул меня к дальней стене, и когда мы до нее добрались, в самом центре пещеры вода засветилась, и над ней постепенно стали проступать женские силуэты — такие же призрачные, как и духи утопленников. И такие же холодные.

По мере того, как они обретали четкость, я сумела понять, кто из них — кто. Икшель — богиня радуги, дождя и плодородия, походила на старуху, но толстую, раздобрившую. Ее волосы, собранные в две длинных косы, невесомо развевались за спиной, пухлые щеки не давали полностью раскрыться и без того маленьким глазам, и весь вид казался зловещим. В руках она держала в руках кролика, которого то и дело пыталась укусить, но не доставала змея, обвившаяся вокруг широкой талии богини. Иш-таб — молодая, но нездорово-тощая, из украшений носила лишь петлю на шее, конец которой болтался в районе колен, а тело ее прикрывало только рваное платье, растрепанные волосы казались грязными и висели сосульками, а лицо выражало безжизненный холод — такой же, как у Эстер.

— Приветствую, Фрэдрик. Приятно видеть, что ты все еще верно служишь нам, — Икшель обвела пухлой рукой мертвецов.

Все они как по команде нырнули в воду. и темноту теперь разбавлял только свет, исходящий от самих богинь.

— Такова моя судьба, — ответил Фрэдрик, и по его безучастному тону мне показалось, что эта фраза ничего для него не значила. Он ответил только потому, что того требовала вежливость.

— А ты, — Иш-Таб наклонилась ко мне, ее глаза сверкнули живым интересом, и блик прокатился по ряби на воде. — Моя находка. Причем дважды.

Богиня ослабилась, ее тонкая кожа растянулась и казалось, сейчас порвется на выпирающих костях челюсти и скул.

— Дважды? — я вздрогнула, послышался тихий всплеск воды.

— Один раз — в ином мире. Второй — в Шибальбе. Неужели ты думаешь, что оба раза тебе просто повезло? — Иш-Таб презрительно скривилась, и хоть она казалась враждебной, отчего-то вызывала больше симпатии, чем Икшель, смотрящая с ехидной улыбкой и недобрый прищуром.

— Так значит, я здесь... по вашей воле? — уточнила я, прямо глядя в глаза божеству.

— Да, ты отлично подходила на роль орудия моего возмездия, — почти пропела богиня, протягивая в мою сторону руку.

Тут я почувствовала, как Фрэдрик напряженно схватил меня под водой за плечо и сильно сжал ладонь, будто

готовясь в любой миг утащить меня под воду. Я тоже насторожилась, и наш страх не укрылся от богинь. Они засмеялись, и их голоса, отражаясь от стен пещеры, запрыгали над водой, переливаясь и постоянно меняясь.

— Не бойся, капитан. Вижу, ты жизнь готов отдать за локон ее волос, так проследи, чтобы она в точности выполнила наши указания, — проклокотала Иктаб, все еще посмеиваясь.

— Возьми тот клинок, что ты видела в нише под водой. Очисти его, и пронзи им сердце Грегори де Леви, — Иш-Таб указала на воду, в сторону тоннеля, по которому мы попали сюда. — И тогда я подарю тебе свободу.

— Но зачем его убивать? — спросила я, не подумав, и тут же прикусила язык. Я, конечно, злилась на этого засранца, но не уверена, что смогла бы лишить его жизни.

— Он обманул Эстер, дал ложную надежду Стэфану. И главное — он говорил от нашего имени. Такие вольности мы не прощаем, — охотно ответила Икшель, подбоченившись. — Вы найдете еретика на острове Мартен. Отправляйтесь как можно скорее!

— Не справишься — сгинешь в пучине, — добавила Иш-Таб, и обе женщины растворились в темноте.

Обратно мы пробирались почти наощупь. Пришлось трижды нырнуть и обшарить руками камень, чтобы отыскать клинок, о котором говорила Иш-Таб. И только порезав об него пальцы, я вытащила железку.

Когда мы наконец выбрались из воды, занимался рассвет. Фрэдрик хмурился, но молчал. Я бесцеремонно уселась прямо на землю, чтобы отдохнуть, капитан в том же тяжелом молчании умело перевязал мне руку каким-то длинным мягким листом незнакомого растения. рану зажгло. но вскоре все неприятные ощущения прекратились, а вместе с ними и кровотечение.

Лезвие, к которому еще предстояло сделать рукоять, я спрятала за голенище сапога, и попыталась поймать взгляд Фрэдрика, который упорно смотрел куда угодно, но не на меня.

— Я спрошу еще раз. В последний раз, — медленно заговорила я, наблюдая за реакцией Фрэдрика. Он наконец-то повернулся ко мне и взглянул удивленно. — Что ты на самом деле сказал Дугласу тогда, в порту?

Несколько мгновений капитан смотрел на меня, будто оценивая, а потом рассмеялся.

— А ты еще более упорная, чем я думал, — Фрэдрик поднял глаза на солнце, которое едва показалось над густыми кронами, и убедившись, что у нас запасе еще почти целый день, махнул рукой в сторону тропы, убегшей куда-то в заросли деревьев. — Так и быть, слушай.

Мы медленно пошли в тени высоких деревьев. Я наслаждалась утренней тишиной и голосом капитана, который, растеряв привычную удаль, сейчас говорил хоть и спокойно, но как-то скованно.

— Значит, Дуглас, все-таки проболтался, — констатировал Фрэдрик, при этом все так же поддерживая меня на узкой тропе, хоть в помощи я при дневном свете и не нуждалась. — Впрочем, ты девушка умная, наверное и сама догадалась.

Я почувствовала, что мы теперь поднимаемся в гору, но не сопротивлялась — просто шла следом за Фрэдриком, хоть легкое опасение и поселилось в сердце. Но если не доверять в этом мире ему, который без колебаний пришел на помощь не другу даже — просто бывшему товарищу — то кому же?

Преодолев крутой скалистый подъем и почти втащив меня следом, он продолжил.

— Когда на нас пало проклятье, я думал, что никогда уже не смогу испытать чувств, хотя бы отдаленно похожих на любовь. Свято верил в это дести лет, — Фрэдрик улыбнулся и отодвинул очередную ветку, низко висящую над тропой.

— Но полагаю, это не мешало тебе развлекаться в том плавучем порту с молодыми девицами? — поддела я из вредности. Слащавость момента давила на меня, хотелось чем-нибудь ее разбавить.

Я прошла вперед и замерла, даже не расслышав, что ответил Фрэдрик. В лицо ударил резкий порыв ветра, а передо мной возвышалась еще одна пирамида. Похожая на ту, в которой я нашла Ксамен Эка, но вполне целая, хоть и поросшая мхом почти до середины.

Дыхание замерло от дикого восторга. Я так хотела увидеть архитектуру майя, так готовилась к поездке.

Перевела взгляд на Фрэдрика, заметила самодовольную улыбку на его лице, но настроение она мне не испортила.

— Только не говори опять «знал, что тебе понравится», — передразнила я.

— Ты сама все сказала, — капитан подал мне руку и повел через заросли колючих кустов к каменной лестнице, вдоль которой спускался из храма на вершине орнамент в виде гигантского извивающегося змея.

Мы поднялись на вершину довольно быстро. Я тут же встала у самого края каменной площадки, наслаждаясь открывшимся видом. Верхушка пирамиды поднималась над деревьями, и весь остров, сплошь покрытый густым лесом, лежал передо мной как на ладони. В дали вырисовывались очертания материка, отделяющие на линии горизонта сверкающее море от синего, подернутого утренней дымкой неба.

Фрэдрик встал за спиной и обнял, в каком-то смысле страхуя от падения. Прикосновение снова оказалось на удивление бережным, будто я — хрустальная статуэтка, которую никак нельзя сломать.

— Но ты удивила, — прошептал он на ухо, крепче прижимая меня к себе.

Я сквозь тонкую ткань рубашки ощутила приятное тепло его тела, биение сердца и силу, любовь к жизни, которая свозила в каждом новом вздохе.

На миг я испугалась, что сейчас он начнет распинаться о моей непохожести, о том, что сразу влюбился, что я такая вся необычная и загадочная, но он не разочаровал.

— При первой встрече хотелось тебя убить, — выдал он таким интимным шепотом, которым стоило бы признаваться в неземной страсти. — Но на дуэли, когда появилась такая возможность, все, о чем мечтал — это украсть твой поцелуй. Хотя бы один.

— Тебе это удалось, — фыркнула я, припоминая первый урок подводного дыхания.

— Но этого мало, — губами Фрэдрик же касался моего уха.

Я и не думала отстраняться. Повернулась, и подняла голову. Теперь мы стояли практически нос к носу. Он обнимал еще крепче, хотя казалось, что крепче уже невозможно, но именно я, приподнявшись на цыпочки и обвив руками шею капитана, первой его поцеловала.

Он ответил сразу. Сжал меня в объятьях, ненадолго отстранился, чтобы взглянуть на мое лицо, и, увидев широкую улыбку, поцеловал снова. Я аккуратно коснулась прорезей жабр. Из груди Фрэдрика вырвался шумный выдох, почти стон. Я поняла, что случайно нашла очень чувствительную зону, и тут же воспользовалась этим. Почувствовала, как его рука пробирается под рубашку, ласкает спину, и блаженно прикрыла глаза, но Фрэдрик отстранился, и судя по сжатым губам, это стоило ему огромных усилий.

— Надо вернуться на корабль, — сказал он, и по голосу я услышала, насколько сильно сбилось его дыхание.

Слегка обиженная такой реакцией, я поправила рубашку и развернулась в поисках тропы, по которой мы пришли сюда. Хотела сказать что-нибудь колкое, но в голову ничего не приходило, она вообще стала на удивление

пустой. Фрэдрик подошел сзади и обнял меня за плечи.

— Думаю, в моей каюте, с бутылкой хорошего вина, беседовать будет гораздо приятнее, — прошептал он мне на ухо, а потом привычно взял меня за руку и повел вниз.

Когда мы добрались-таки до корабля, и Фрэдрик захлопнул дверь своей каюты, от романтического настроения не осталось и следа. Я заметалась из угла в угол так же, как в моей голове метались беспорядочные мысли.

Как убить Грэгори, если я не могу даже ступить на землю? Да и вообще каково это — убить человека?

— Насколько я помню, остров Мартен принадлежит семье Эстер, — вдруг выдал Фрэдрик, почти насильно усаживая меня на стул. — Готова к встрече со своим отцом?

— Прелестно, — протянула я, откидываясь на спинку с такой силой, что она хрустнула под спиной.

— Может, твой отец поможет нам? Или... не хочу тебя пугать, но англичане отбили Мартен у французов всего лет восемь или десять назад. А де Леви — как раз французский офицер. Что, если его отправили отвоевывать эти земли обратно?

— Ну не хватало мне только ввязаться в войну за колонии, — я уперла локти в колени и спрятала лицо в ладонях.

— Никто тебя не просит ввязываться в войну. Богини обещали тебе свободу, а взамен — всего-то отомстить одному офицеру, — в голосе Фрэдрика послышалось легкое раздражения, и я подняла на него удивленный взгляд.

Отомстить. А ведь я клялась Эстер, что защищу ее отца и отомщу за ее смерть. Значит, все сходится, и я...

— Иди сюда, — шепнул Фрэдрик мне на ухо.

Я даже не успела заметить, когда капитан подошел, а он уже легко поднял меня на руки и уселся на кровать так, что я оказалась на его коленях.

— Дай себе хоть немного отдохнуть, иначе вообще ничего не сможешь сделать.

Я глубоко вздохнула и медленно выдохнула. Осторожно прижалась к широкой груди, опасаясь спугнуть спокойствие и уют, накрывшие меня вместе с крепкими объятьями. Я бы наверное могла просидеть так несколько часов, но Фрэдрик потянулся ко мне и снова поцеловал — так нежно и осторожно, что перехватило дух. раньше я считала, что столь бережные прикосновения можно увидеть только в женских фильмах, но теперь, когда со мной обращались, будто с редкой хрупкой драгоценностью, происходящее завораживало и... дико возбуждало.

Понадобилось почти две недели, чтобы добраться до острова Мартэн. Будни на корабле шли своим чередом, но ночами я видела один и тот же кошмар. Глазами Эстер я снова и снова наблюдала за тем, как вдалеке, под белым парусом, Грэгори обнимает и целует милостивую незнакомку, и грудь будто пронзали миллионы стрел — и эта боль оставалась со мной на весь день, постепенно приглушаясь, чтобы на следующую ночь вновь напомнить о себе.

Видение чужого прошлого не тревожили меня только в те моменты, когда я проводила ночи в каюте Фрэдрика. К слову сказать, чем ближе мы подбирались к цели, тем больше становилось таких ночей. От его нежной заботы я расслаблялась так, как никогда не могла, кажется, даже в прошлой жизни, и тогда, утомленная ласками и страстью, спала крепко и поднималась с кровати доброй. И малодушно радовалась тому, что точно не забеременею, ведь прямо сейчас дети — это последнее, что мне нужно.

Примерно за день до того, как мы увидели землю, нас нагнал корабль Стэфана. Мы заметили его к вечеру, Фрэдрик заметно напрягся, да и я ожидала если не боевой стычки, то не слишком теплой встречи, но капитан, который стал еще больше походить на амфибию за несколько прошедших недель, навел на наш корабль с мирным визитом.

— Я... мне придется помочь вам. Богини направили, — как всегда без эмоций сообщил он, едва уступив на борт. На все мои попытки узнать, почему он принял решение подчиниться, капитан лишь отмахивался и повторял "так надо".

К тому моменту, как на горизонте показались очертания острова, я преисполнилась решимости выполнить приказ морских богинь. Сны довели меня до состояния скованности и странного тумана в голове: я поняла, сколько страданий причинил Эстер этот офицер, и сама уже извелась, наблюдая тягуче-печальные сны, поэтому, осознав, что избавление от них близко, воспряла духом.

Клинок, найденный в сеноте, очистила еще на прошлой неделе. Один из моряков вставил его в короткую круглую деревяшку, которую оказалось вполне удобно держать вместо ручки, и перемотал место соединения рукояти и лезвия полоской кожи. Получился своеобразный нож, хоть на особое ритуальное оружие он не походил.

Я наблюдала за тем, как приближается остров, почти непрерывно, и одна из первых заметила у его берегов корабля. А потом до нас донеслись глухие звуки пушечных залпов. "Голландцы" приближались к Мартену так быстро, как только могли, и когда на вражеских кораблях осознали, что мы идем именно к острову, выстрелы затихли. Светлые тучи затянули почти все небо, оставив на нем только тонкие голубые прожилки, и вода стала серой. В воздухе повисла зловещая тишина.

Я сосредоточилась и коснулась амулета. Где же этот Грэгори? На каком из кораблей. Но сила только указывала

в сторону острова, и определить положение цели хоть сколько-нибудь точно у меня никак не получалось. Тем временем корабль Фредерика быстро приближался к замершим как звери перед прыжком кораблям у берега. Всего три — крупный флагман и два судна поменьше. на стенах крепости я вскоре разглядела пушки, и поняла, что если "Голландцы" и люди из форта атакуют одновременно, у противника не останется шанса.

Когда мы подошли на расстояние пушечного выстрела, орудия "Голландца" уже были готовы к залпу. А мне наконец удалось понять, на каком из судов прячется Грэгори. Эта трусливая крыса сидела не на флагмане, и даже не стояла на палубе одного из кораблей, а малодушно закрылась в трюме крайнего слева фрегата.

— Фредерик, вы же...

— С французами разберемся, но как достать Грэгори? — перебил капитан, занеся руку для команды залпа.

— Первым пустите на дно вот ту посудину, а дальше я справлюсь сама, — я указала на тот корабль, где пряталась моя цель, и, не дожидаясь ответа, нырнула.

Окрик капитана слышала уже в воде — он донесся до меня приглушенной волной. Но отвечать некогда. Я так и не успела составить план, и сейчас надо действовать быстро, чтобы офицер не успел выбраться на сушу — иначе мне не достать его еще лет семь.

Припоминая уроки плавания, я быстро направилась к фрегату. Над головой загремели пушечные раскаты, сначала только с "Голландцев", но очень скоро к ним присоединились и орудия форта. Я быстро добралась до корабля, с каждым метром все отчетливее осознавая, что Гэгори сидит в капитанской каюте. Добравшись до корабля, я начала кружить под дном, наблюдая, как валится от удара ядра мачта, как в корпусе появляются новые дыры, а во все стороны летят щепки.

До меня долетал приглушенный грохот и крики, но здесь, под водой, все оставалось спокойно и тихо. Все оказалось медленнее, чем я представляла. Грэгори все-таки вышел на палубу, попытался вывести корабль из-под огня, но "Голландцы" поочередно сыпали ядрами, не давая команде нормально работать.

И все равно ожидание оказалось томительно-долгим. И когда корпус, наконец, не выдержал, и в трюм хлынула вода, я почти с радостью отгребла подальше и подобралась ближе к поверхности, чтобы следить за людьми и не пропустить того, кто мне нужен.

Пока матросы пытались заделать одну течь, ядра вражеских кораблей наделали множество новых. И вскоре я видела, как люди — кто вплавь, кто на лодках, ретируются с корабля. Но Грэгори медлил. Надо же, каков джентльмен! Однако вскоре и он погрузился в одну из шлюпок.

Корабль медленно и величественно умирал, погружаясь в морскую пучину, но его безжизненная туша меня больше не волновала. Я последовала за лодкой, но достаточно глубоко, чтобы с нее никто не смог заметить меня. Улучив момент, разогналась и ударилась всем телом о днище корпуса так, что лодка перевернулась. На миг перед глазами потемнело, тело возмущенно заныло, но, едва придя в себя, я схватила Грэгори, толком его не разглядев, и потащила дальше от остальных моряков. Им ни к чему видеть, что я сделаю с их капитаном.

Офицер сопротивлялся и бился, но его медленные движения я быстро пресекала. Оглянувшись, поняла, что отплыла достаточно далеко, и остановилась. Ладонью сжала неудобную рукоять и обернулась к офицеру, который из последних сил попытался всплыть, как только почувствовал, что я больше не держу его за шею. Молодой рыжий красавец, он ведь наверняка ничем не хуже остальных морских вояк. И почему из-за глупости какой-то девчонки я должна лишать его жизни? С другой стороны, зачем же было отправлять Эстер на "Голландец"? Не слишком ли жестокая расправа с глупой любовницей?

Сомнения парализовали меня лишь на миг, но этого для Грэгори оказалось достаточно. Он выхватил нож из-за голенища сапога, схватил меня за рубашку и притянул к себе, а в следующий миг мой бок пронзила острая боль. Кожу защипало, я на миг захлебнулась водой, а когда прокашлялась, заметила, что офицер уже всплывает и почти на поверхности. Зараза! У тебя был шанс, но теперь точно не уйдешь!

Из последних сил рванулась вверх, боль отдалась по всему телу, нога онемела и краем глаза я заметила дорожку крови, которая расплылась за моей спиной, но я успела схватить офицера за шиворот, с силой потянула на себя и подставила клинок. Короткое лезвие легко распорол мундир, прошло в плоть и застряло между ребрами. Я попыталась выдернуть его, но не смогла, так что бросила тело и попыталась грести в сторону одного из "Голландцев", но сумела преодолеть всего пару метров перед тем, как мир вокруг поплыл и потемнел, а тело окончательно перестало мне подчиняться.

На этот раз, наверное, все...

— Ты, деточка, так отчаянно стремишься к смерти, — шепот Ик-Чель слышался над самым ухом, но разглядеть ее я не могла. Я вообще ничего не видела, только чувствовала, как тело сковал холод, и слышала, как голос будто обволакивает голову.

— Может, пора? — по интонации я поняла, что Ишгаб усмехнулась, и представила, как еще шире расплылись ее огромные щеки.

— Думаю, нет. Она ведь заплатила. Слышишь, иномирянка! — голос Иш-Чель стал громче, и я содрогнулась всем телом от силы, с которой он прозвучал.

Попыталась ответить, но из груди вырвались только слабые хрипы.

— Она жива, — заорала Мариота прямо мне в ухо, и я от неожиданности глотнула так много воздуха, что снова закашлялась.

— Это не повод так орать, — просипела я и попыталась сесть, но чьи-то руки уверенно уложили меня обратно. Судя по всему, на доски палубы.

— Все закончилось, тебе надо отдохнуть, — перед глазами еще плясали разноцветные круги, я почти ничего не могла разглядеть, но нежность руки Фрэдерика я ни с чем бы не перепутала. — У тебя получилось.

Я послушно расслабилась, ощущая, как Мариота колдует, едва касаясь пальцами моей кожи на раненом боку, и вскоре уже смогла открыть глаза. Чтобы посмотреть в небо — все такое же серое и маловыразительное.

— Эстер!

Я дернулась и повернулась к источнику голоса. Конечно же, узнала отца Эстер из снов — приятного старика среднего роста, с красивой военной осанкой и широкими плечами. Богатые седые бакенбарды, кажется, тряслись от того, как быстро он подошел ко мне.

— Бартоломео Д'Обиньи, премного раз встрече, — сказал Стэфан, и я как раз вовремя приподнялась на локтях, чтобы увидеть, как оба капитана отвечают моему отцу по-армейски сдержанные поклоны, а он раскланивается в ответ.

— Благодарю за помощь. И за то, что с моей дочерью все в порядке. Как я могу вас благодарить? — губернатор посматривал на Стэфана с опаской, но оставался вежлив. Похвально, особенно с учетом того, что выглядит мой несостоявшийся жених уже совсем как морское чудовище.

При мысли о том, что Стэфан, возможно, скоро разделит участь старого кока, в груди заняла тупая тоска. Хоть мы и не стали по-настоящему близки, все же провели вместе много времени. Они ничем не обидели меня, а то, что я не смогла его полюбить — не моя вина.

— Обсудим это позже, — прервал Фрэдрик и присел на корточки рядом со мной, помогая подняться.

— Полагаю, во многом своим спасение я обязан тебе. Ты очень изменилась, дорогая, — при взгляде на меня — вернее, на Эстер, взгляд старика потеплел.

Я посмотрела в его глаза, светящиеся от улыбки, и не решилась рассказать правду. Пусть старик умрет счастливым.

— Полагаю, что так, отец, — я улыбнулась и посчитала, что на этом формальности исчерпаны, но Бартоломео подался вперед и с силой обнял меня.

Я в ответ на объятия прижалась к щеке с бакенбардой и почувствовала, как по щеке скатывается горячая слеза. Родителей в том мире я не знала. Меня воспитывала тетя, с которой мы не общаемся уже очень давно, и она наотрез отказалась рассказывать мне хоть что-нибудь о маме и папе. А Эстер любили.

Я бы долго не выдержала этой пытки и разрыдалась, но старик наконец-то отстранился и повернулся к Стэфану.

— Моя дочь все еще требуется вам, капитан, или я могу забрать ее домой? — спросил он холодно, но вежливо.

— Она теперь помощник штурмана на моем корабле. Мне очень жаль, но сойти на землю она не может, — ответил Фрэдрик вместо опешившего коллеги.

— Вообще-то может... — шепот пронесся над палубой вместе с замогильным холодом, и обернувшись, я увидела богинь.

Они зависли над палубой так же легко и естественно, как парили над водами подземного озера. Я краем глаза заметила, что отец побледнел, но с места не сдвинулся.

— Ты выплатила долг. Домой мы тебя вернуть не можем, но ты вольна сойти на землю и продолжить жить так же, как прежде, — пророкотала Иштаб, недовольно поглядывая на Ик-Чель. Та лишь хмыкнула в ответ.

Новость поразила меня. Я несколько мгновений открывала и закрывала рот, не в силах вымолвить хоть слово, будто меня — глубоководную рыбу — только что выкинули на раскаленную солнцем палубу.

— А что будет с остальными? — наконец, спросила я, чтобы оттянуть момент решения.

Богини переглянулись, их улыбки показались мне зловещими. На этот раз заговорила Иштаб, и, казалось, она крайне довольна исходом дела.

— Теперь у нас есть еще один капитан. Грэгори займет место одного из вас, — богиня перевела взгляд с Фрэдрика на Стэфана и обратно. — Сами решайте, кому освободиться, а кто продолжил нас служить.

Я тоже повернулась к морякам, но ни секунды не сомневалась в исходе дела. Так и получилось: Фрэдрик кивнул Стэфану и одобрительно улыбнулся.

— Ты так долго этого ждал. Я не вправе отнимать у тебя избавление.

Но, к моему удивлению, Стэфан покачал головой.

— Беа... Эстер убила Грэгори, ей и решать.

И оба капитана уставились на меня с опасением.

Я посмотрела, как хмурится Фрэдрик, как Стэфан сжимает кулак, хоть ни один мускул на его лица не дрогнул, перевела взгляд на богинь, но они, похоже, забавлялись открывшейся сценой — обе по-прежнему зловеще улыбались и наблюдали за мной.

— Ты хочешь жить на суше, Фрэдрик? — на всякий случай спросила я, хотя уже знала ответ.

— Если ты пожелаешь, я буду жить с тобой где угодно. Но мой дом — море, и этого уже не изменить, — с печальной улыбкой ответил он и посмотрел на горизонт.

Я проследила направление его взгляда и несколько мгновений мы оба смотрели на едва заметную линию, разделяющую море и облака. Вспоминались уроки Дугласа, шторма, закаты, ночные дежурства у штурвала и нежные руки. Вспоминалась безумная одержимость Стэфана, слезы Мариоты и печальные глаза старика-кока. на самом деле свой выбор я сделала уже очень давно.

— Стэфан, Фрэдрик прав. Тебе и твоим людям пора избавиться от плавников, — я протянула капитану руку, и он с силой сжал ее. На его лице я впервые увидела искреннюю широкую улыбку, и улыбнулась в ответ.

— А я хочу остаться на этом корабле. Конечно, если капитан не против, — сказала я, разворачиваясь к богиням.

— Ты все еще часть команды, — тихо произнес Фрэдрик, и хоть я стояла к нему спиной, слышала, сколько тепла в его голосе.

Казалось, Ик-Чель и Иштаб ничуть не удивились. Синхронно кивнули и растворились в воздухе. Уже после того, как от их силуэтов остался едва заметный туман, над нашими головами разнесся тихий шепот.

— Да будет так!

Краешек солнца только показался над морем, небо и вода еще темнели, не отойдя от ночного сна, да и у меня глаза слипались — ночные дежурства, в которые меня с одобрения Дугласа ставили уже две или три недели, все еще давались тяжело.

Я уже предвкушала, с каким удовольствием растянусь на кровати, и тихо завидовала крысюку — он как-то умудрялся дремать прямо на моем плече. Но когда спустилась с капитанского мостика в ожидании штурмана, из трюма выбрался Грэгори. Растрепанный, в одной рубашке, он медленно прошел вдоль палубы и облокотился на борт.

Где он возьмет корабль? Как вернет команду? Когда я спросила обо всем это Фрэдерика, он равнодушно пожал плечами. "Мое дело — доставить его в Монтсеррат. Остальное меня не касается". Я тоже не особенно волновалась о нем, но остался один вопрос, который я ужасно хотела ему задать.

Когда я приблизилась, офицер дернулся, но быстро взял себя в руки.

— Бить не буду. на этот раз, — я хищно улыбнулась и поравнялась с будущим капитаном нового "Голландца".
Прочем, может, он назовет свой корабль как-то иначе.

— Тогда чего тебе надо? — проворчал он, показательно отвернувшись.

— Хочу понять, зачем было так подставлять... меня? Почему именно на "Голландец"? — прямо спросила я и попыталась заглянуть в яркие, еще совсем живые глаза, но Грэгори снова отвернулся.

— Твой отец разыскивал меня. Угрожал, хотел, чтобы я на тебе женился. Но мой старик уже договорился о помолвке, я не мог отказаться. Когда я чинил корабль на Монтсеррате, до меня дошло письмо от губернатора Мартэна. Очень... эмоциональное письмо. Я разозлился, не знал, что делать. Пошел к местной ведьме-жрице, хорошенько ей приплатил, и вместе мы придумали этот план, — равнодушно объяснил офицер.

На миг в груди всколыхнулась злоба — он так просто распорядился жизнью невинной девушки! Ну, может не совсем невинной, но стать пленницей призрачного корабля она точно не заслужила. Но гнев улегся, когда я заметила, что на шее будущего капитана проступают жабры. Вот пусть теперь разбирается со всем, что натворил. А я ведь еще хотела его пощадить, этого... В прочем, уже неважно.

Получив ответ, я сочла, что продолжать разговор нет смысла, и отвернулась. Заметила Фрэдерика и подошла к нему, сама еще не зная, зачем. Он притянул меня к себе, касаясь все так же нежно, как в тот раз, когда счищал перепонки с моих пальцев, коснулся губами уха.

— Отдохни у меня, сегодня в офицерских каютах будет шумно.

Я на миг задержалась в его объятьях, но нехотя отстранилась. И отправилась отдыхать: надеюсь, что в этот раз смогу уснуть без жутких видений, по-настоящему спокойно.

Больше книг на сайте - Knigoed.net